

Книга Премудрости Соломона.

Надписаніе книги. Въ греческой библии эта книга надписывается: *Σοφία Σολομώντος*—Премудрость Соломона, а въ латинской—*Liber Sapientiae*. Такое надписаніе указываетъ, прежде всего, на содержаніе книги; главнымъ предметомъ ея является ученіе о Премудрости Божіей, ея началѣ, свойствахъ и дѣйствіяхъ въ мірѣ. Другое слово надписанія указываетъ на Соломона. Имя этого царя стоитъ здѣсь потому, что писатель книги ведетъ свою рѣчь иногда отъ лица Соломона (см. Пр. VII—IX гл.), главнаго представителя и перваго учителя библейской мудрости, и предметъ ея сходенъ съ предметомъ кн. Притчей Соломона.

Писатель книги. Самое древнее мнѣніе о лицѣ писателя кн. Премудрости то, что писателемъ ея былъ Соломонъ. Этого мнѣнія держались многіе отцы и учителя церкви (Климентъ Александрійскій Strom. XI т. IX, 315. Тертуллианъ *De praescript*, II, 20. Святой Кипріанъ, *Ep. de exhort. martyrum* XII, VI, 673) на томъ основаніи, что имя Соломона стоитъ въ надписаніи и въ книгѣ говорится отъ его лица. Это мнѣніе въ послѣдствіи усиленно защищалось католическою церковью въ тѣхъ видахъ, что эта книга признается ею каноническою

Такое мнѣніе объ авторѣ книги Премудрости Соломона не можетъ быть признано правильнымъ по слѣдующимъ основаніямъ. 1) Книгу Премудрости Соломона потому нельзя приписать перу Соломона, что она не была написана на еврейскомъ языкѣ, оригинальный языкъ ея греческій. 2) Писатель книги Премудрости знакомъ съ греческой философіей: ученіемъ Платона, эпикурейцевъ и отчасти стоиковъ (II, 1—6, VIII, 7, 19, 20). 3) Онъ живетъ внѣ Палестины и дѣлаетъ ссылки на греческіе нравы и обычаи (VII, 17—20; VIII, 8; XIII, 1—15; XIV—14); приводитъ цитаты по переводу LXX-ти (Пр. II, 12 ср. Ис. III, 10; Пр. XV, 10. Ср. Ис. XLIV, 20). 4) Въ каталогахъ книгъ В. Зав., напримѣръ въ „Правилахъ Апост.“ (85 пр.), собора Лаодикійскаго, св. Аѳанасія В. она не считается произведеніемъ Соломона и книгой каноническою.

Другое мнѣніе, которое было высказано еще во времена Иеронима. написаніе книги Премудрости С. приписываетъ Филону. Въ защиту этого мнѣнія указываютъ на сходство ученія этой книги о Премудрости съ ученіемъ Филона о Логосѣ. Но сходство это внѣшнее: не то мыслить подъ образомъ премудрости писатель нашей книги, что Филонъ разу-

мѣлъ подѣ Логосомъ. Между тѣмъ и другимъ замѣчается разность взглядовъ до противоположности. 1) Происхожденіе грѣха и смерти въ книгѣ Премудрости Соломона объясняется „завистию діавола“ (II, 24); этого Филонъ сказать не могъ, такъ какъ онъ не допускалъ существованія злого начала въ мірѣ и библейскій разсказъ о грѣхопадѣніи прародителей понималъ аллегорически. 2) Теорію предсуществованія душъ иначе представлялъ писатель кн. Премудрости и Филонъ: по ученію кн. Премудрости души добрыхъ входятъ въ тѣла чистыя (VIII, 19—20), по Филону же посылаются въ тѣла на землю только души падшія и склонныя по грѣху (De monachia II, стр. 213—216). 3) Наконецъ сильно различаются взгляды Филона и на происхожденіе идолопоклонства отъ ученія кн. Прем. объ этомъ предметѣ. (Прем. С. XII—XIII гл. и Филона De mundo II, 604 стр.).

Такимъ образомъ, Филонъ не могъ написать книги, въ которой излагается ученіе во многомъ противоположное его взглядамъ. Церковное преданіе также свидѣтельствуетъ противъ написанія кн. Премудрости Филономъ. Современные Филону отцы церкви—Климентъ Рим., Діонисій ареопагитъ, приводятъ въ своихъ сочиненіяхъ выдержки изъ этой книги, какъ священной. Такого уваженія къ книгѣ у этихъ отцовъ не могло бы быть, если бы она была написана невѣрующимъ іудеемъ, ихъ современникомъ.

Всѣ другія попытки отыскать автора кн. Премудрости Соломона также безуспѣшны, какъ и указанная двѣ. (о нихъ можно прочесть въ трудѣ проф. Д. Поспѣхова: „Книга Премудрости Соломона, ея происхожденіе и отношеніе къ іудейско-александрійской философіи“). Поэтому остается довольствоваться общимъ указаніемъ, какое находимъ въ самой книгѣ, что писателемъ ея былъ іудей-эллинистъ, образованный александриецъ, хорошо знавшій греческую философію.

Время, мѣсто и цѣль написанія. О времени написанія кн. Премудрости можно судить только предположительно, на основаніи находящихся въ этой книгѣ намековъ на современное писателю положеніе египетскихъ іудеевъ. Всѣ толковники согласны въ томъ, что при жизни писателя египетскіе іудеи подверглись какому то тяжкому несправедливому гнету со стороны языческаго правительства, имѣвшему характеръ религіознаго преслѣдованія. Обращаясь къ исторіи, мы находимъ, что въ царствованіе трехъ первыхъ Птоломеевъ іудеи не терпѣли никакого гнета и даже пользовались расположеніемъ правительства.

Только при Птоломееѣ IV, Филопаторѣ, когда онъ послѣ окончанія 4-ой сирійской войны (221—217 до Р. X) возвратился изъ Палестины въ Египетъ въ сильномъ раздраженіи противъ Палестинскихъ іудеевъ, началось религіозное преслѣдованіе іудеевъ въ Египтѣ. Это преслѣдованіе египетскихъ іудеевъ описано въ 3-ей книгѣ Маккавейской и при томъ такими чертами, какія мы находимъ и въ кн. Премудрости Соломона. (II, 12—17; ср. 3 Макк. I и II; I, 11—12; ср. 3 Макк. II, 19—20; Прем. II, 19—20 ср. 3 Мак. III, 1). Отсюда можно заключить, что кн.

Премудрости написана въ концѣ царствованія Птоломея IV-го, ок. 221—217 г. до Р. X.

Мѣстомъ написанія книги Премудрости былъ Египеть и вѣроятноѣ всего Александрія. Авторъ ея знакомъ съ іудейско-александрійской философіей; въ своей книгѣ дѣлаетъ намеки на египетскую религію (XII, 24; XV, 18—19). Относительно цѣли написанія книги на основаніи неоднократныхъ увѣщаній и обращеній писателя къ судьямъ земли, правителямъ народовъ и царямъ (I, г: VI, г), составилось мнѣніе, что книга Премудрости Соломона написана была главнымъ образомъ для царей (Египетскихъ или Сирийскихъ) и назначалась для передачи имъ. Но болѣе внимательное изученіе книги убѣждаетъ въ томъ, что главныхъ читателей кн. Премудрости, которыхъ имѣлъ въ виду писатель при ея составленіи, нужно предполагать внутри самого іудейства, а не внѣ его. Печальное состояніе іудейско-александрійскаго общества побуждало писателя представить сознанію современныхъ ему египетскихъ іудеевъ истину неократической идеи ветхозавѣтной вѣры во всемъ ея свѣтѣ, указавъ имъ на великое и славное будущее Израиля въ грядущемъ царствѣ Божіемъ, на небѣ и на землѣ.

Содержаніе кн. Премудрости С. Главнымъ предметомъ кн. Премудрости С. является ученіе о премудрости. Мудрость писатель книги разсматриваетъ съ двухъ сторонъ: 1) какъ она есть сама по себѣ, въ своемъ первоисточникѣ-Богѣ; это премудрость объективная или божественная, и 2) какъ она отражается въ человѣческомъ духѣ; это мудрость субъективная или человѣческая. Разсматривая премудрость въ первомъ отношеніи, писатель изображаетъ ее какъ вѣчно присущее Богу начало откровенія и дѣйствія Его въ мірѣ, какъ средоточіе божественныхъ совершенствъ, открывающихся въ міротвореніи и міроуправленіи; во второмъ отношеніи Премудрость есть входящее въ духъ человѣскій отъ Бога начало всякаго высшаго духовнаго совершенства, приводящее человѣка къ безсмертію. Соотвѣтственно постепенному раскрытію этой идеи премудрости вся книга можетъ быть раздѣлена по своему содержанію на три части.

Въ первой части (I—V гл.) премудрость изображается, какъ руководительница къ блаженному безсмертію, вопреки ложному мнѣнію іудейскихъ вольнодумцевъ, отрицавшихъ безсмертіе.

Во второй части (VI—IX гл.) отъ лица царя Соломона писатель излагаетъ ученіе о существѣ премудрости, ея происхожденіи и свойствахъ, о необходимости и значеніи обладанія ею, равно какъ и объ условіяхъ ея достиженія.

Въ третьей части (X—XIX гл.) писатель примѣрами изъ древней исторіи своего народа доказываетъ, что только премудрость дѣлала этотъ народъ счастливымъ; напротивъ недостатокъ ея приводилъ отдѣльныхъ людей и цѣлые народы (египтянъ, хананеевъ) къ гибели.

КНИГА ПРЕМУДРОСТИ СОЛОМОНА

ГЛАВА 1-я.

1. Любите справедливость, судьи земли, право мыслите о Господѣ и въ простотѣ сердца ищите Его, 2. ибо Онъ обрѣтается неискушающими Его и является не невѣрующимъ Ему.

I.

1—5. Призывъ къ праведности, которая одна ведетъ къ мудрости и Богу. 6—10 Неправда, помимо того что удаляетъ отъ Бога, еще не остается безнаказанной. 11—12 Нечестивые вносятъ въ мѣръ смерть 13—14 вопреки изначальному намѣренію Творца. Который все опредѣлялъ къ жизни. 15—16. Праведность же, напротивъ, ведетъ къ безсмертію.

1—2 Кн. Прем. С. начинается призывомъ къ мудрости съ указаніемъ благопріятныхъ условій къ ея достиженію. Призывъ этотъ обращенъ къ судьямъ земли (οι κρινοτες στῆν γῆν). Въ экзегетической литературѣ существуетъ не одно мнѣніе по вопросу о томъ, къ кому въ данномъ случаѣ обращается писатель. Нѣкоторые толковники полагаютъ, что судьями земли писатель называлъ здѣсь благочестивыхъ паральтичъ и тѣмъ выразилъ свое вѣрованіе, что ревностные іудеи въ месіанское время примутъ участіе въ Божественномъ судѣ надъ прочими народами (сл. Прем. Сол. III, 7, 8). Такое объясненіе не соотвѣтствуетъ теченію мыслей этой и слѣдующей главъ, гдѣ рѣчь обращена не къ благочестивымъ людямъ, а напротивъ, къ заблуждающимся и порочнымъ. Затѣмъ во всей главѣ нѣтъ никакого указанія на то, что выраженіе „судьи земли“ берется въ переносномъ, а не собственномъ значеніи. Поэтому правильнѣе будетъ подъ судьями земли разумѣть владыкъ земныхъ вообще и греч. κριτες понимать въ общемъ и широкомъ значеніи—господствовать, царствовать, владычествовать, а не только судить. Въ такомъ значеніи выраженіе „судьи земли“ употребляется въ св. Пис. нѣрѣдко. (Притчи VIII, 16, Ис. II, 10; Ис. XL, 23, Ся. IV 15).

Но обращеніе въ началѣ книги къ судьямъ земли не значитъ, что писатель адресовалъ свою книгу исключительно князьямъ и владыкамъ земнымъ. Это обращеніе имѣетъ больше значеніе простой риторической фигуры, ибо содержаніе книги не имѣетъ ничего спеціальнаго, чтобы имѣло отношеніе только къ властямъ, но всё увѣщанія книги уравниваются общечеловѣческимъ характеромъ, приложимы ко всемъ—кто нечестіемъ своимъ удаляется отъ Бога и мудрости. Спрашивается поэтому, какая цѣль была у писателя избрать такую форму обращенія—„судьи земли“? Объясняютъ это тѣмъ, что писатель уже въ первой главѣ хотѣлъ вывести говорящимъ царя Соломона, почему полагалъ, что ему приличнѣе обращаться съ рѣчью къ владыкамъ земли, а не къ простымъ людямъ; но въ такомъ случаѣ еще болѣе было бы подходящимъ обратиться къ цѣлымъ народамъ.

Гораздо основательнѣе объясняютъ это обращеніе цѣлью написанія кн. Премудрости и тогдашними отношеніями іудеевъ къ чужеземнымъ владыкамъ—ихъ притѣснителямъ. Въ нихъ іудеи видѣли представителей, съ одной стороны, всякаго нечестія и вольнодумства, съ другой—грубого суевѣрія и идолопоклонства. —Этихъ-то представителей антиіудейскаго образа мыслей и жизни авторъ и имѣлъ зрѣжде всего въ виду призывать къ истинной мудрости (Ср. I, 1 ст. и VI, 1—2 ст.).

3. Ибо неправыя умствования от- | силы Его обличить безумных.
даляютъ отъ Бога, и испытаніе |

„*Любите справедливость*“... Справедливость (δικαιοσύνη) нужно понимать здѣсь не въ юридическомъ, а нравственномъ смыслѣ, не о долгѣ судьи здѣсь говорится, не о судейскомъ безпристрастіи тутъ рѣчь, а о сообразованіи мыслей и дѣлъ человѣка съ заповѣдями Божиими, о чистотѣ и добродѣтели. За такое пониманіе говорить непосредственно слѣдующія слова, въ которыхъ это понятіе справедливости раскрывается съ двухъ сторонъ: какъ правое мышленіе о Богѣ и какъ исканіе Его въ простотѣ сердца.

„*Право мыслите о Господѣ*“... Сопоставляя это выраженіе съ 30 ст. XIV гл. „*нечестиво мыслили о Богѣ, обращаясь къ идоламъ*“, объясняютъ его такъ: имѣйте правильныя понятія, мысли о Богѣ. Но если бы писатель хотѣлъ сказать это, онъ употребилъ бы греческое выраженіе ὀρθῶς, а не ἀγαθότητι (какъ здѣсь), которое означаетъ свойство воли, а не ума. Поэтому правильнѣе допустить, что здѣсь писатель говоритъ о такомъ нравственномъ настроеніи человѣка, которое является необходимымъ условіемъ, чтобы его размышленія о Богѣ приводили къ счастью въ Богѣ. Правильность такого пониманія подтверждается непосредственно слѣдующими словами: „*въ простотѣ сердца ищите Его*“ и дальнѣйшимъ контекстомъ рѣчи. Слѣдующіе (2—4) стихи раскрываютъ ту мысль, что только нравственно чистые люди способны къ истинному богопознанію, а духовная нечистота удаляетъ отъ Бога и въ порочной душѣ не можетъ обитать премудрость.

„*Въ простотѣ сердца ищите Его*“... Выраженіе „*искать Господа*“ употребляется въ библіи въ значеніи стараться заслужить милость, благоволеніе Божіе (Іер. XXIX, 13; Пс. XIII, 2; Рим. III 11; Евр. XI, 6) и въ значеніи стремиться познать Бога (XIII, 6; Ис. LXV, 1, Дѣян. XVII, 27). По связи рѣчи здѣсь это выраженіе лучше взять во второмъ значеніи, такъ какъ рѣчь далѣе идетъ о богопознаніи. „*Въ простотѣ сердца*“, т. е. чистымъ дѣтскимъ чувствомъ, которое далеко отъ сомнѣнія въ силѣ и благодати Божіей (1 Пар. XXXIX, 17; Еф. VI, 5).

2 ст. указываетъ основаніе, почему стремленіе къ мудрости и богопознанію должно сопровождаться чистотою въ мысляхъ и дѣлахъ: потому что только при этомъ условіи стремленіе это не тщетно. „*Искушать Господа*“ обыкновенно значить сомнѣваться въ Божественномъ всемогуществѣ и помощи и этимъ какъ бы вынуждать Бога показать свою силу (см. Исх. XVII, 2, 7; Втор. XXXIII, 8; Пс. LXXVIII, 18, 41, 56; XCV, 5; CVI, 14), въ такомъ значеніи часто понимается и данное выраженіе. Но связь рѣчи съ предшествующимъ и слѣдующимъ даетъ основаніе къ другому толкованію, именно: безразветвеннымъ дѣлами какъ бы ставить Бога на испытаніе, чтобы видѣть, накажетъ ли Онъ и можно ли раздражать Его долготерпѣніе и карающую силу. Въ такомъ смыслѣ выраженіе „*искушать Господа*“ въ св. Писаніи употребляется повѣдко. (См. Втор. VI, 16; XXXII, 16, 21; Дѣян. XV, 9; V, 10; 1 Кор. X, 9, 22).

„*Являются не невѣрующимъ Емѹ*“. Являются (ἐμφανίζεσθαι)—не въ смыслѣ высшаго богоявленія, а открытій, давать позвать себя, какъ въ VI гл. 12, 16 ст.; ср. Іоан. XIV, 21, 22. Невѣрующіе (ἀπιστοῦντες) здѣсь не тѣ, кто отрицаетъ бытіе Божіе, а кто испытываетъ релігіозное сомнѣніе и въ такомъ состояніи обращается къ Богу. (ср. Іак. I, 6; Мѹ. XXI, 22; Марка XI, 24) Чтеніе Александрійскаго Кодекса μὴ πιστεύουσι считается ошибочнымъ; Вульгата передаетъ это мѣсто въ положительной формѣ: qui fidem habent in illum.

3. Съ 3—5 ст. раскрывается мысль 2 ст. отрицательнымъ путемъ.

„*Неправыя умствования отдалаются отъ Бога*“. Слово умствование, помыслъ (λογισμός) въ библіи обыкновенно употребляется для обозначенія нравственнаго и релігіознаго настроенія человѣка, а не означаетъ простого размышленія. Самое слово λογισμός еще не содержитъ въ себѣ худого значенія. (Рим. II, 15; Лук. II, 35). Худой смыслъ опредѣляется или контекстомъ рѣчи (Іер. 11, 19; 2 Кор. X, 4), или особымъ, стоящимъ при этомъ словѣ, прилагательнымъ (см. Мѹ. XV, 19; Мрч. VII, 21), какъ и въ данномъ мѣстѣ умствования названы „*неправыми*“ (σκολιός), т. е. развращенными, неблагочестивыми, „*отдалаются отъ Бога*“, т. е. лишаютъ Божественной помощи въ приобретеніи мудрости и богопознанія (ср. 4 ст.).

4. Въ лукавую душу не войдетъ премудрость и не будетъ обитать въ тѣлѣ, порабощенномъ грѣху,

5. ибо святыи Духъ премудрости удалится отъ лукавства и уклонится отъ неразумныхъ умствованій и устыдится приближающейся неправды.

6. Человѣколюбивый духъ—премудрость, но не оставитъ безнаказаннымъ богохульствующаго устами, потому что Богъ есть свидѣтель внутреннихъ чувствъ его и истинный зритель сердца его и слышатель языка его.

„Испытаніе силы Его обличитъ безумныхъ“. Божественное всемогущество испытывается нечестіемъ, чтобы вынудить его обнаруженіе. Мысль близкая къ 1-ой половинѣ 2-го ст. „Испытывать“, в „искушать“ (— 2 ст.) (δοκιμαζέσθαι и πειράζειν)— слова, употребляющіяся въ книгѣ Премудрости и вообще въ Св. Писаніи почти въ одномъ и томъ же значеніи. (См. II, 17, 19; III, 5, 6; XI, 9, 10; Пс. XCIV, 9; 2 Кор. XIII, 5; Евр. III, 9)

4. 4 ст. содержитъ основаніе для 3 ст. Нечестіе потому отдаляетъ отъ Бога, что съ нечестивыми людьми не соединяется премудрость, которая ведетъ къ богопознанію (IX, 17) и посредствуетъ въ общеніи съ Богомъ (VI, 9). Подъ премудростью здѣсь, какъ это видно изъ 5 и 6 ст., разумѣется Божественная сила, обнаруживающая свое дѣйствіе въ душахъ людей. Душа (ψυχή) и тѣло (σῶμα) взяты въ четвертомъ стихѣ не только для обозначенія цѣлаго человѣка (какъ во 2 Макк. VII, 37; XIV, 38; XV, 30), но тѣло означаетъ еще источникъ и средоточіе всего нравственнаго злого въ человѣкѣ; эта мысль у Филона была своего рода догматомъ, она не чужда и писателю книги Премудрости (см. VIII, 19—20 ст.). Но писатель различаетъ только двѣ части человѣческаго существа: душу и тѣло (VIII, 19—20; IX, 15; XV, 11; XVI, 14), а не три, какъ у Филона; въ этомъ нельзя не замѣтить его самостоятельности. Тѣло представляется въ 4-омъ стихѣ „порабощеннымъ грѣху“, т. е. оно сдѣлано его рабомъ, какъ бы куплено имъ (ср. Рим. VII, 14; Иоан. VIII, 38), душа же названа „лукавою“, какъ замышляющая зло (ср. XI, 4). „Обитать“— обычное для Св. Писанія выраженіе мысли о дѣйствіи Божественной силы (= премудрости) въ душѣ человѣка. Оно даетъ тотъ отгѣнокъ мысли, что эта сила не земного, а небснаго происхожденія и только временно живетъ въ человѣкѣ (см. Евес. III, 17; Колос. I, 19; II, 9).

5 ст. Премудрость въ силу своей святости удалается отъ всякаго грѣха. Она названа здѣсь Духомъ Св. (πνεῦμα ἁγίου). Это выраженіе (πνεῦμα ἁγ.) по библейскому словоупотребленію означаетъ Божественную силу и дѣятельность въ отличіе отъ Божественнаго существа самого въ себѣ,—оживляющей и одушевляющей принципъ въ физическомъ и духовномъ мірѣ. Различныя духовныя свойства, въ которыхъ Божественный Духъ обнаруживается, ставятся при этомъ въ родительномъ падежѣ (см. VII, 7; Ис. XI, 2; Втор. XXXIV, 9; Сир. XXXIX, 6; Еф. I, 6; 2 Кор. 4, 13; 2 Тим. I, 7; Иоан. XIV, 17; XV, 26). Здѣсь при πνεῦμα стоятъ родительный σοφίας. Въ повѣсти σοφία писатель книги мыслитъ не интеллектуальную, а нравственно-практическую сторону мудрости, умѣніе сообразовать свою жизнь съ заповѣдями Божиими, благочестіе (II 12; III, II; VII, 14; Пс. XCVIII, 6; Притч. I, 2; Сир. I, 27).

Поскольку премудрость Божія научаетъ человѣка благочестію, она называется поэтому духомъ наученія, воспитанія (въ Алек. код. παιδείας). Эта премудрость удалается отъ всякаго зла, лукавства (δόλος), проявляется ли оно въ помыслахъ или неправыхъ дѣлахъ. Такимъ образомъ, порочность въ мысли и дѣлахъ дѣлаетъ человѣка неспособнымъ познать высокое и божественное, притупляетъ его чувства къ этому. Мысль эта неоднократно выражена въ Новомъ Завѣтѣ. (Иоан. VII, 17; Рим. I, 18, 1 Кор. II, 14, 15; Ефес. IV, 17); она же встрѣчается въ философіи Филона и авторъ кн. Премудрости С. можетъ быть отсюда ее заимствовалъ. Чистотою сердца и безпорочною дѣль человѣкъ какъ бы сродняется съ божественнымъ и небеснымъ и дѣлается болѣе способнымъ къ его познанію—это одно изъ основныхъ положеній иудейско-александрійской религіозной философіи.

6—10 ст. продолжаютъ развивать далѣе мысль предшествующаго стиха: недостаточно того, что св. Духъ Премудрости лишаетъ своего воздѣйствія нечестивыхъ и

7. Духъ Господа наполняетъ все- | знаетъ *всякое* слово.
ленную и, какъ всеобъемлящій,

удаляется отъ нихъ, но Онъ еще наказываетъ ихъ, ибо Ему извѣстны и внутреннія глубины человѣческаго сердца и Онъ вездѣущъ. Говоря объ этомъ, писатель разумѣетъ такое нечестіе, которое порвало уже великую связь человѣка съ Премудростью и, съ другой стороны, выражается въ богохульныхъ рѣчахъ.

6. „*Человѣколюбивый духъ—премудрость*“... Въ Александрійскомъ кодексѣ стоитъ родителный надежь—*σοφίας*, какъ въ VII, 7 ст.; но это разночтеніе нисколько не измѣняетъ смысла: назвать ли Премудрость Духомъ Божіимъ, или сказать: Духъ Божій есть Духъ премудрости—одно и тоже. Затрудненіе для экзегетовъ представляетъ предикатъ „*человѣколюбивый*“. Его находятъ не отвѣчающимъ контексту: во всемъ этомъ отдѣлѣ итъ рѣчи о любви Божіей къ людямъ, напротивъ, говорится о Его неблаговоленіи. Устранить затрудненіе тѣмъ, что считать это мѣсто позднѣйшей вставкой, какъ дѣлаютъ нѣкоторые экзегеты, нельзя, ибо эти слова находятся во всѣхъ кодексахъ. Обращая вниманіе на то, что это выраженіе въ греческомъ текстѣ связано частыцею *ὅτι*, слѣдуетъ поставить его въ причинную связь съ предшествующимъ и не съ отдѣльными выраженіями, а съ общимъ смысломъ. Теченіе мыслей тогда будетъ такое: при условіи нравственной чистоты, когда Духъ Божій имѣетъ доступъ къ душѣ человѣка, послѣднему нетрудно достигнуть премудрости; *ибо дѣятельность Духа Божія движется исключительно любовью къ человѣку, поэтому именно Онъ „и не оставитъ безнаказаннымъ“ нечестіе, затрудняющее Его дѣятельность на благо людей.*

„*Не оставитъ богохульствующаго устнами*“... Богохульникъ потому не можетъ избѣгать наказанія, что Богъ знаетъ даже внутреннія движенія человѣческой души. Онъ „*свидѣтель внутреннихъ чувствъ*“, „*зритель сердца*“ и „*слушатель языка*“. Въ этомъ перечислѣ замѣтенъ у писателя постепенный переходъ отъ внутренняго къ вѣншему, отъ менѣе къ болѣе доступному. „*Внутренности*“ (*νεφρός*)—это, но библейскому словоупотребленію, то сокровенное начало въ человѣкѣ, гдѣ зарождаются глубокія чувства, сильныя аффекты, бурныя страсти; сердце же означаетъ вообще способность мышленія и чувствованія (Ис. VII, 10; XXV, 2. Іер. XVII, 10 Апок. II, 23); „*языкъ*“—рѣчь, въ которой обнаруживается то и другое. Въ соотвѣтствіи съ этой послѣдовательностью стоятъ и слова „*свидѣтель*“, „*зритель*“, „*слушатель*“.

7. „*Духъ Господа наполняетъ вселенную*“... О понятіи „*Духъ Господа*“ (*πνεῦμα κυρίου*) явнѣя экзегетовъ раздѣляются. Одни отождествляютъ „*Духъ Господа*“ съ понятіемъ Господь, другіе видятъ здѣсь рѣчь о премудрости, какъ міровой душѣ, въ платоновскомъ смыслѣ. Защитники второго мнѣнія ссылаются въ доказательство на мѣста изъ сочиненій Филона, въ которыхъ онъ логосу приписываетъ дѣйствія платоновской міровой души, и на мѣста изъ сочиненій св. отцовъ, въ которыхъ тоже самое приписывается Духу Божію. Подобное отождествленіе Духа Божія съ міровой душой будто имѣетъ мѣсто и у писателя кн. Премудрости. Конечно, нельзя отрицать, что въ своей книгѣ (см. VII гл. 22 ст. VIII, 1; XII, 1) писатель представляетъ премудрость, какъ силу дѣйствующую, исходящую отъ Бога и проникающую весь міръ. Но при этомъ онъ не представляетъ премудрость самостоятельнымъ личнымъ бытіемъ, какъ это нужно было бы допустить, если бы писатель понималъ премудрость въ платоновскомъ смыслѣ міровой души. (У Платона Богъ и міровая душа представляются двумя различными духовными принципами). Поэтому вѣрнѣе будетъ допустить, что свое понятіе о премудрости писатель составилъ не на основаніи платоновской философіи, а на основаніи ветхозавѣтнаго библейскаго ученія о Духѣ Божіемъ, какъ всюду дѣйствующей въ матеріальномъ мірѣ и всепроникающей Божественной силѣ, какъ принципѣ физической жизни. (Быт. I, 2; VI, 3; Пс. XXXII, 6, CXXXVIII, 1—10). Это понятіе о Духѣ Божіемъ въ іудейско-александрійской философіи получило болѣе отвлеченный смыслъ и нашимъ писателемъ было взято для раскрытія идеи премудрости.

Въ 2-ой половинѣ 7-го стиха изъ мысли о вездѣприсутствіи Духа Господа выводится мысль о Его всевѣднѣи: „какъ всеобъемлющій знаетъ *всякое* слово“.

8. Посему никто, говорящий неправду, не утаится, и не минетъ его обличающій судъ.

9. Ибо будетъ испытаніе помысловъ нечестиваго, и слова его взойдутъ къ Господу въ обличеніе беззаконія его;

10. потомучто ухо ревности слышитъ все, и ропотъ не скроется.

11. Итакъ хранитесь отъ безплезнаго ропота и берегитесь отъ злорѣчія языка, ибо и тайное слово не пойдетъ даромъ, а клеветущія уста убиваютъ душу.

12. Не ускоряйте смерти заблужденіями вашей жизни и не привлекайте къ себѣ погибели дѣлами рукъ вашихъ.

8 ст. Изъ мысли предшествующаго стиха о всевѣдѣніи и вседѣйствіи Вожеиъ дѣлается выводъ, что никакой богохульничъ, нечестивецъ („говорящій неправду“) не скроется отъ Бога и не можетъ избѣжать наказанія.

9 ст. „будетъ испытаніе помысловъ нечестиваго“... „Испытаніе“ (εξέτασις), часто встрѣчающееся у нашего писателя слово, взято имъ изъ гражданскаго юридическаго языка, гдѣ оно означаетъ дознаніе, производимое посредствомъ пытокъ; въ нашей книгѣ это слово означаетъ 1) изслѣдованіе, разсмотрѣніе человѣческой жизни Богомъ, (IV, 6) а выйтѣ съ тѣмъ и слѣдствіе этого испытанія—2) наказаніе (VI, 6, XI, 11). Здѣсь нужно взять только первое значеніе этого слова, что можно видѣть изъ 2-ой половины стиха. „Помысль“ (διαβόλιον) означаетъ вообще настроеніе, намѣреніе, какъ и въ 3 ст. λογισμός (установленіе). Взятое во множественномъ числѣ это слово приобрѣтаетъ обыкновенно отрицательный смыслъ;—означаетъ неблагодарныя стремленія, нечестыя пожеланія (Иезек, XI, 5; Ос. IV, 9).

„Слова его взойдутъ къ Господу“... т. е. человѣкъ предстанетъ предъ Богомъ, какъ судій.

10. „Ухо ревности слышитъ все“... Абстрактное понятіе „ревность“ взято здѣсь вмѣсто конкретнаго „ревнитель“ („ухо ревнителя“) въ соотвѣтствіи съ отвлеченнымъ характеромъ выраженій предшествующаго стиха. Въ В. Зав. ревность приписывается Іеговѣ въ двоякомъ смыслѣ. Или этимъ словомъ обозначается ревностная забота Іеговы объ нравльскомъ народѣ (Ис. IX, 6; LXIII, 15 Ювль I, 18; Зах. I, 14), при чемъ Онъ является ревностнымъ мстителемъ его врагамъ (Наум. I, 2); или, какъ это во многихъ мѣстахъ пятокнижія (Исх. XX, 5; XXXIV, 14; Втор. IV, 24), Богъ называется „ревнителемъ“, когда Онъ говоритъ о своемъ правѣ на исключительное почитаніе со стороны израильянъ и что всякое отступленіе отъ Его почитанія будетъ сильно наказано. Въ этомъ послѣднемъ значеніи слово „ревность“ взято и въ данномъ мѣстѣ: Богъ съ особннымъ стараніемъ (ревниво) слѣдитъ за мыслями и словами людей, чтобы не оставилъ безнаказаннымъ богохульную рѣчь.

11 ст. представляетъ выводъ изъ послѣднихъ трехъ стиховъ.

12 ст. „Не ускоряйте смерти заблужденіями вашей жизни“... Ускорятъ смерть, значить старательно домогаться ея. Въ этомъ выраженіи, какъ и въ слѣдующемъ: „не привлекайте къ себѣ погибели дѣлами рукъ вашихъ“, у писателя звучитъ пропія надъ нечестивымъ, которые своимъ постоянствомъ во грѣхахъ какъ бы выражаютъ твердое желаніе собственной гибели.

...„жизни“... Это выраженіе представляетъ прекрасное противопоставленіе предшествующему: „не ускоряйте смерти“

Выяснитъ себѣ, что писатель здѣсь разумѣетъ подъ смертью можно только на основаніи всего ученія нашей книги о смерти и безсмертіи. Мы его представимъ въ самыхъ главныхъ чертахъ. 1) Богъ не виновникъ смерти; по плану Его творческой дѣятельности все должно быть безсмертнымъ: I, 13, 14. Безсмертнымъ Онъ сотворилъ и человѣка, „по образу вѣчнаго бытія своего“; II, 23. 2) Но „завистью діавола“ вошла въ міръ смерть; II, 24. 3) Однако этой смерти поддаются не всѣ, но чрезъ благочестіе и мудрость человѣкъ достигаетъ безсмертія: I, 15. II, 22. IV, 1. VI. 18. VIII, 17. XV, 3 и блаженной жизни у Бога на небѣ III, 1, 14. IV, 2 7. 10. 2, V, 2, 15, VI 19; нечестивые же получаютъ въ наказаніе смерть: 1, 12, 16, II, 24; они не живутъ

13. Богъ не сотворилъ смерти и не радуется гибели живущихъ, и нѣтъ пагубнаго яда, нѣтъ и царства ада на землѣ.

никакой надежды: III, 11, 18. V, 14. XV, 10; густой мракъ покрываетъ ихъ: XV, 21 Богъ совершенно уничтожаетъ ихъ: IV 19. Однако и послѣ такой смерти, которая приравнивается къ уничтоженію, нечестивымъ приписывается память о своей земной жизни, сожалѣніе и раскаяніе, равно какъ знаніе о блаженномъ состояніи праведныхъ (V, 1—5). Это видимое противорѣчіе большинство экзегетовъ стараются примирить предположеніемъ, что псевдосоломонъ допускаетъ нѣкоторое промежуточное состояніе, въ которомъ остаются души не всѣхъ умершихъ, а только нечестивыхъ, пока они въ день всеобщаго суда не будутъ уничтожены. Смерть по этому взгляду есть совершенное уничтоженіе душъ грѣшниковъ въ день суда. Въ доказательство правильности этого взгляда ссылаются на частое упоминаніе о такомъ дѣѣ въ книгѣ: III, 7. 13. 18; IV 20 ср. I, 9. Но противъ этого взгляда можно выдвинуть серьезныя возраженія. Нигдѣ писатель не дѣлаетъ различія между непосредственно послѣ смерти наступающимъ состояніемъ и тѣмъ, которое наступитъ послѣ всеобщаго суда. Это умолчаніе только тогда было бы мыслимо и объяснимо, если бы онъ обращался къ читателямъ, которымъ такое ученіе о безсмертіи было хорошо извѣстно, такъ что не было бы совершенно надобности излагать его подробно, но достаточно было коснуться отдѣльных моментовъ его. Но мы такого ученія о безсмертіи у современныхъ писателю іудеевъ не находимъ. Напротивъ, всеобщій судъ ожидался ими всегда здѣсь на землѣ въ мессіанское время. Нашъ писатель, хотя мессіанскія надежды раздѣлялъ въ широкой степени (III, 7—8; V, 16), однако догмата о возстановленіи тѣла не зналъ (см. замѣчаніе к. III, 7). Поэтому согласно разбираемому взгляду онъ долженъ былъ божественный судъ и общее собраніе на него безтѣлесныхъ душъ перенести въ потустороннюю жизнь; для такого представленія мы не находимъ никакой аналогіи въ эсхатологическихъ представленіяхъ іудеевъ. Поэтому ученіе о смерти писателя правильнѣе представлять въ другомъ видѣ. Именно, подъ смертью разумѣть не совершенное уничтоженіе, но лишь только связанное со смертью тѣла лишеніе безсмертія въ собственномъ смыслѣ, какъ блаженнаго общенія съ Богомъ на небѣ, къ которому ведетъ только мудрость, это съ отрицательной стороны; съ положительной же стороны, это есть непрерывно продолжающееся сознаніе своей вины (V 2—5), въ какомъ печальномъ состояніи души пребывали въ адѣ. (I, 14; XVIII, 13 20).

Такимъ образомъ, смерть, о которой говорятъ писатель книги Премудрости, есть „смерть вторая“ Апокалипсиса II, 11, XXI, 8. Отсюда „день суда“ можетъ быть только заимствованнымъ изъ книгъ В. Завѣта (Ис. II, 12; Іез. XXX, 2; Іонъ I, 15; II, 1; III, 3; Зах. I, 7, 14; III, 8. Мал. III, 1—6), образомъ и ничего болѣе не означать, какъ только вообще время воздаянія, когда каждый получить по заслугамъ. Что касается тѣхъ мѣстъ въ книгѣ, гдѣ писатель говоритъ объ уничтоженіи (напр., IV, 19), то ихъ легко можно понимать не въ буквальномъ смыслѣ, а какъ гиперболическія выраженія ужаса предъ божественнымъ страшнымъ судомъ.

Это ученіе нашего писателя о безсмертіи, почерпнутое имъ, можно полагать, изъ платоновской философіи, составило существенный моментъ въ развитіи религіознаго сознанія іудеевъ и значительно приближало ихъ къ христіанству.

13—16. Отдѣлъ съ 13—16 ст. составляетъ заключеніе главы и содержитъ въ себѣ кратко выраженное ученіе о Богѣ въ Его отношеніи къ міру.

13. Богъ не радуется гибели нечестивыхъ, и не Онъ виновникъ ихъ смерти, она явилась исключительно по ихъ собственной винѣ. Намѣреніемъ Его творческой воли было создать въ мірѣ одну только жизнь (а не смерть). Противоположеніе тринадцатому стиху составляютъ 16 ст. и 24, II гл. Въсѣтъ съ параллельными ему 24—5, XI гл. онъ выражаетъ встрѣчающуюся въ философіи Платона мысль, что только одна любовь была для Бога движущимъ принципомъ въ Его творческой дѣятельности.

14. Мысль предшествующаго стиха, выраженная въ отрицательной формѣ, раскрывается здѣсь съ положительной стороны.

15. Праведность бессмертна, а неправда причиняет смерть: | гомъ и исчахли, и заключили союзъ
16. нечестивые привлекли ее и | съ нею, ибо они достойны быть ея
руками и словами, сочли ее дру- | жребіемъ.

„Ибо Онъ создалъ все для бытія“. Что разумѣть подь „все“? Всю тварь, весь человѣчскій міръ, какъ у Мк. XVI, 15, или даже весь духовный міръ, какъ въ посланіи къ Еф. I, 10. Въ такомъ случаѣ „для бытія“ (ἐς τὸ εἶναι) будетъ значить — къ продолженію жизни, къ бессмертію (въ противоположность οὐκ εἶναι въ кн. Выт. XLII, 86; Мо. II, 18).

При такомъ объясненіи 14 стихъ будетъ только въ другихъ словахъ повторять мысль предшествующаго стиха, между тѣмъ онъ является для него основаніемъ („ибо“). Поэтому подь „все“ нужно разумѣть все сотворенное въ совокупности, весь міръ, вселенную. Какъ Богъ все сотворилъ, такъ Его же волей опредѣляется и сохраненіе, продолженіе бытія (τὸ εἶναι) всего. Эта мысль является общимъ положеніемъ, изъ котораго дѣлается выводъ, что и человѣкъ созданъ для жизни, а не для смерти.

„Все въ міръ спасительно“... т. е. все, что Богъ сотворилъ, служить къ сохраненію и продолженію бытія, при чемъ, какъ видно изъ послѣдующаго, писатель говоритъ преимущественно о сохраненіи человѣка.

„Нѣтъ пагубнаго яда“. Совершенно произвольно многіе экзегеты видятъ въ этихъ и послѣдующихъ словахъ намекъ писателя на рассказъ Моисея (II, 17; III), что люди чрезъ вкушеніе плода отъ древа познанія добра и зла подверглись смерти и отсюда дѣлаютъ дальнѣйшій выводъ, что повѣствованіе Моисея о грѣхопадении прародителей писатель кн. Премудрости понималъ въ аллегорическомъ, а не буквальномъ смыслѣ. Изъ другихъ мѣстъ его книги мы ясно видимъ, что онъ признавалъ историческій характеръ за повѣствованіемъ Моисея о твореніи міра и первыхъ людей (II, 23—4).

„Идомъ“ здѣсь въ переносномъ смыслѣ названо все то, что приводитъ человѣка къ духовной смерти, что лишаетъ его бессмертія. Все это находится въ самомъ человѣкѣ, а во всея матеріальномъ мірѣ нѣтъ ничего такого, прикосновеніе къ чему вело бы человѣка къ нравственной смерти.

„Нѣтъ и царства ада на землѣ“. Эти слова ясно показываютъ, что писатель духовную смерть представлялъ, какъ печальное состояніе умершихъ въ аду. Адъ, какъ мѣсто пребыванія умершихъ, здѣсь берется въ поэтическомъ олицетвореніи: адъ царствуетъ; но нельзя думать, что писатель о дѣйствительномъ князѣ ада говоритъ здѣсь, какъ въ Апок. VI, 8; XX, 2—3. Въ Св. Писаніи адъ и смерть часто отождествляются (Ис. XXXVIII, 18; 1 Кор. XV, 55; Апок. I, 18, VI, 8).

15 ст. Такъ какъ смерти Богъ не сотворилъ (13 ст.), а она является слѣдствіемъ нравственныхъ причинъ грѣха (12 ст.), то отсюда естественный выводъ, что „праведность бессмертна“. Хотя праведные и умираютъ, но это есть только переходъ къ другой жизни, лучшей (III, 1).

16 ст. Въ 16 ст. мысль та же, что и 12 стихѣ и выражена въ такомъ же пролическомъ тонѣ надъ нечестивыми. Смерть для нихъ, конечно, наказаніе, но такое, котораго они страстно добивались: привлекали ее своими дѣлами и словами, чувствовали къ ней привязанность, какъ къ другу и томнились въ этомъ чувствѣ („исчахли“), наконецъ, заключили съ ней продолжительный союзъ и всея этия показали, что она ея достойна.

ГЛАВА 2-я.

1. Неправо умствующіе говорили сами въ себѣ: коротка и прискорбна наша жизнь, и нѣтъ человѣку спасенія отъ смерти, и не знаютъ, что-бы кто освободилъ изъ ада

2. Случайно мы рождены и послѣ будемъ какъ небывшіе: дыханіе въ поздыхъ нашихъ—дымъ, и слово—искра въ движеніи нашего сердца.

II.

1—5 Ученіе современныхъ писателю іудеевъ-вольнодумцевъ о судьбѣ человѣка по смерти и 6—9 о высшей цѣли земной жизни человѣка. 10—20. Ихъ отношеніе къ благочестивымъ истиннымъ израильтянамъ. 21—22 Оцѣвка ихъ взглядовъ писателемъ. 23—24. Происхожденіе смерти.

1—5 ст. Излагаются взгляды вольнодумцевъ на человѣческую жизнь и на судьбу человѣка по смерти.

Въ греческомъ текстѣ 1-й ст. II гл. связанъ съ предшествующимъ частицей — γάρ—ибо (εἰπον γάρ...), значить этотъ стихъ даетъ основаніе для мысли предшествующаго 16 ст. и тѣсно съ нимъ связанъ. Нечестивые потому достойны смерти (1, 16), что они на жизнь смотрять, какъ на случайность и ни въ какое безсмертіе не вѣрять (II, 1).

„Неправо умствующіе“ (λογίζεσθαι οὐκ ὀρθῶς) это — не неправильно мыслящіе; берется здѣсь не интеллектуальная сторона, а нравственная: люди превратно настроенные (см. о λογισμός замѣч. къ I, 3 ст.).

„Говорили сами въ себѣ“, вѣрнѣе между собою (μηδεὶς ἑμῶν).

Вольнодумцы высказываютъ три мысли: 1) о краткости человѣческой жизни; 2) о неизбежности смерти и 3) отрицаютъ возможность жизни для человѣческаго духа по смерти тѣла.

„Коротка и прискорбна наша жизнь...“ Подобныя выраженія мы находимъ и въ другихъ мѣстахъ Св. Писанія (Быт. XLVII, 9; Іов. XIV 1—2 ст. Ис. XXXVIII, 6—7), но тамъ они сказаны съ другимъ настроеніемъ. „Прискорбной“ жизнь считается у нечестивцевъ тогда, когда она не разнообразится чувственными удовольствіями (II, 5—9).

„и не знаютъ, чтобы кто освободилъ изъ ада“. Адъ въ устахъ нечестивцевъ означаетъ вообще состояніе по смерти. Своими словами они хотять сказать, что изъ мертвыхъ никто не возвращается, слѣдовательно, по ихъ мнѣнію, смерть полагаетъ конецъ всему.

2—3 ст. Излагается доказательство высказанной въ 1-й ст. нечестивыми мысли о совершенномъ уничтоженіи по смерти. Это доказательство выводится изъ двухъ основаній: 1) изъ случайности человѣческой жизни и 2) изъ понятія о существѣ души, ея матеріальности.

„Случайно мы рождены и послѣ будемъ, какъ небывшіе“... Мы произошли благодаря простому случаю, безъ всякой высшей цѣли, поэтому „послѣ“, когда пройдетъ эта жизнь, наше случайное существованіе кончится навсегда: „будемъ, какъ небывшіе“. Подобное ученіе въ древности излагалось въ философіи Демокрита и Епикура. Весьма возможно, что часть іудейства, усленно стремившаяся къ греческой культурѣ и образованности, усвоила себѣ и эти философскія воззрѣнія. Писатель ведетъ борьбу съ этими противниками своими изъ іудеевъ и для этого детально, отгнѣвая даже тонкости, излагаетъ эпикурейское ученіе.

„Дыханіе въ поздыхъ нашихъ—дымъ и слово—искра въ движеніи нашего сердца“. Въ этихъ и послѣдующихъ словахъ писатель представляетъ матеріалистическіи

8. Когда она угаснетъ, тѣло обратится въ прахъ, и духъ разсѣется, какъ жидкій воздухъ;

4. и имя наше забудется современемъ, и никто не вспомнитъ о дѣлахъ нашихъ; и жизнь наша пройдетъ какъ слѣдъ облака, и разсѣется какъ туманъ, разогнанный луча-

мисолнца и вытягиваемый теплотою его.

5. Ибо жизньъ наша—прохождение тѣни, и нѣтъ намъ возврата отъ смерти, ибо положена печать, и никто не возвращается.

6. Будемъ же наслаждаться настоящими благами и спѣшить пользоваться міромъ, какъ юностью;

возврѣнія своихъ противниковъ. По этимъ грубо матеріалистическимъ возврѣніямъ жизнь человѣка представляется съ одной биологической стороны и отождествляется съ процессомъ дыханія. Человѣкъ живетъ, пока дышитъ и съ послѣднимъ вздохомъ кончается всякая жизнь.

„Слово“ здѣсь взято для обозначенія сознанія и вообще мыслительной дѣятельности человѣка и она представляется, какъ искра, получившаяся отъ удара сердца. Какъ отъ удара металла о камень происходят искры, такъ точно отъ удара сердца, какъ чисто матеріальной субстанціи, происходитъ мышленіе; послѣднее такимъ образомъ только результатъ животной жизни.

„Дыханіе—дымъ, а слово—искра“. Эти образы взяты писателемъ вѣроятно потому, что его противники раздѣляли какое нибудь изъ древнихъ ученій (напр., Гераклита, стовка Зенона или Эпикура), которое началоюъ всего считало огонь, эфиръ или теплоту.

3 ст. 3-ей стихъ является выводомъ изъ предшествующаго. Если теплота, этотъ принципъ жизни, исчезаетъ, то вмѣстѣ съ ней и тѣло, равно какъ и духъ, уничтожаются.

„Духъ“ разсѣвается, какъ „жидкій воздухъ“. Это заключеніе со стороны матеріалистовъ весьма послѣдовательно, разъ они духъ мыслятъ не какъ нѣчто отличное отъ тѣла, а лишь обнаруженіе той же тѣлесной жизни и въ основѣ его полагаютъ ту же матеріальную субстанцію, только болѣе тонкую—эфиръ, „разрѣженный воздухъ“. Въ другихъ кангахъ Св. Писанія жизнь человѣческая нерѣдко сравнивается съ паромъ, облакомъ, тѣвью (Иак. IV, 14; Пс. XXXVIII, 7; СХLIII, 4; Іов. VII, 7; VIII, 9; XIV, 2), но такъ эти слова только образы для бренности земной жизни человѣка и ими не рѣшается вопросъ, что такое жизньъ духа человѣческаго по существу.

4—5. Въ этихъ стихахъ содержится три мысли: 1) что память объ умершихъ скоро погибаетъ, 2) что человѣческая жизнь быстро и безслѣдно проходитъ и 3) что никакого возврата отъ смерти нѣтъ.

„Имя наше забудется“... Вниманіе матеріалистовъ обращено на землю и они сожалеютъ не о томъ, прежде всего, что со смертью совершенно исчезнутъ, а о томъ, что память о нихъ въ людяхъ будетъ кратковременна (подобныя мысли см. Евкл. II, 16; IX, 5). „Нѣтъ намъ возврата отъ смерти, ибо наложена печать“... Мысль таже, что и въ концѣ 1-го ст., только дополнена образомъ. Какъ нѣтъ выхода изъ мѣста заключенія, на которое наложена печать (Дан. VI, 17; Апок. XX, 3; Мѡ. XXVII, 66), такъ нѣтъ возврата къ жизни послѣ смерти.

Отдѣлъ съ 6—20 ст. II-ой главы можно раздѣлить на двѣ части: 6—9 ст. и 10—20 ст. Въ первой части писатель излагаетъ взглядъ вольнодумцевъ его времени на конечную цѣль и назначеніе земной жизни человѣка, во второй — ихъ взглядъ на отношенія къ другимъ людямъ, по преимуществу тѣмъ, которые не раздѣляютъ ихъ воззрѣній.

6—9 ст. Высшая конечная цѣль земной жизни есть, по мнѣнію этихъ людей, чувственное удовольствіе. Очевидно, противники писателя кп. Премудрости держались эпикурейской философіи. Подобный взглядъ на жизнь въ Вавліи осуждается, кромѣ книги Премудрости, еще у пр. Исаян XXII, 13; 1 Кор. XV, 32.

6 ст. 6 ст. представляетъ практической выводъ изъ изложеннаго выше воззрѣнія на жизнь и судьбу человѣка: разъ со смертью все кончается и жизнь земная скоротечна (3—5 ст.), то остается одно—спѣшить „настоящими благами наслаждаться“. Подъ „настоящими благами“ (τῶν ὄντων ἀγαθῶν) можно разумѣть блага, которыя дѣйстви-

7. преисполнимся дорогимъ виномъ и благовоіями, и да не пройдетъ мимо насъ весенній цвѣтъ жизни;

8. увѣнчаемся цвѣтами розъ прежде, нежели онѣ увяли;

9. никто изъ насъ не лишай себя участія въ нашемъ наслажденіи; вездѣ оставимъ слѣды веселья, ибо

это наша доля и нашъ жребій.

10. Будемъ притѣснять бѣдняка праведника, не пощадимъ вдовы и не постыдимся многолѣтнихъ сѣдинъ старца.

11. Сила наша да будетъ закономъ правды, ибо безсиліе оказывается бесполезнымъ.

тельно существуютъ въ противоположность мнѣнимъ, или блага, доступныя теперь, которая предполагаетъ данный моментъ, въ противоположность благамъ отдаленнымъ вообще и въ особеннсти благамъ будущей жизни.

„Будемъ... спѣшить пользоваться міромъ, какъ юностью“. Въ этихъ словахъ послѣдовательно проводится эпикурейскій взглядъ на міръ, какъ на источникъ наслажденія. Рекомендуются отовсюду павлекать наслажденія съ такой же страстностью, какъ люди пользуются иногда юностью.

7—8. Въ 7—8 ст. указываются главные предметы чувственныхъ удовольствій, которыми въ древности широко пользовались на пирахъ: вино, благовоіи, цвѣты. Въсѣмъ этимъ нужно спѣшить пользоваться, пока есть возможность, „пока розы не увяли“ и пользоваться полною мѣрою— „преисполнимся“, „ибо это наша доля и нашъ жребій“ (9 ст.). Слова „доля“ и „жребій“ (μερίς, κληρος) въ Вибліи употребляются въ смыслѣ назначенія человѣка (III, 14; Екклес. II, 10; III, 22; V, 17; IX, 9). Отсюда мысль 9 ст. такая: не лишай себя ни одного изъ доступныхъ намъ удовольствій, потому что отъ жизни ничего болѣе мы не можемъ ждать: человѣкъ опредѣленъ къ тому, чтобы наслаждаться.

10 ст. „Будемъ притѣснять бѣдняка праведника“. Большинство толковниковъ подъ праведникомъ (δικαιος), о которомъ говорится въ 10 мѣ и послѣдующихъ стихахъ, разумѣютъ израильскій народъ вообще, въ его отношеніи къ притѣснявшимъ его языческимъ народамъ, въ соотвѣтствіе съ этимъ подъ нечестивцами разумѣютъ язычниковъ. Нѣкоторыя мѣста перваго отдѣла кв. Премудрости какъ будто подтверждаютъ такое толкованіе (III, 8; IV, 15), но болѣе рѣшительно (см. II, 12; III, 10) выясняется тотъ взглядъ, что и подъ нечестивымъ и писателя разумѣются іудеи же, отвергнувшіе Моисеевъ законъ и увлекшіеся подражаніемъ всему языческому. Тогда „праведникъ“, какъ коллективное понятіе, нужно относить къ лучшей части іудейскаго народа, оставшейся вѣрной Іеговѣ. Что въ устахъ вольнодумцевъ выраженіе „праведникъ“ имѣло проищескій смыслъ, это само собой понятно. Названіе праведника „бѣднякомъ“ (πένυκτα) можетъ имѣть двойкій смыслъ: 1) что благочестивому его праведность не приноситъ пользы, напротивъ онъ постоянно ведетъ борьбу съ нуждой и недостатками, 2) или писатель хотѣлъ этимъ выставить въ особенно яркомъ свѣтѣ нечестіе своихъ противниковъ, говоря, что они свое преслѣдованіе направляютъ на беззащитныхъ бѣдняковъ, на вдовъ и старцевъ.

Насиліе надъ беззащитными и невинными въ Св. Писаніи всегда представляется, какъ показатель крайняго нечестія (Іер. VII, 6; Зах. VII, 10; Малах. III, 5; Іс. XCIV, 6; Мс. XXIII, 14; Мк. XII, 40). Въ частности неочтеніе къ старости порицалось у всѣхъ древнихъ народовъ и было прямымъ нарушеніемъ Моисеева закона (Лев. XIX, 32). Это требованіе закона писатель кв. Премудрости старается представить вмѣстѣ съ тѣмъ какъ и требованіе естественнаго человѣческаго чувства, отсюда его плеоназмъ „многолѣтнихъ сѣдинъ старца“. Нѣкоторые толковники въ 10 ст. видятъ намекъ на 2 Макк. VI, 18; VII, 1, гдѣ описаны случаи жестокости язычниковъ къ іудеямъ.

11 ст. „Сила наша да будетъ закономъ правды...“ Нравственное паденіе выведенныхъ писателемъ нечестивцевъ тѣмъ большее, что они побуждаются къ насилію не раздраженіемъ и яростью, а ясно сознаваемымъ принципомъ, что сила—мѣрило справедливости. Это свое положеніе они, кажется, противопоставляли Моисееву закону, который

12. Устроимъ ковы праведнику, ибо онъ въ тягость намъ и противится дѣламъ нашимъ, укоряетъ насъ въ грѣхахъ противъ закона и поноситъ насъ за грѣхи нашего воспитанія;

13. объявляетъ себя имѣющимъ познаніе о Богѣ и называетъ себя сыномъ Господа;

14. онъ предъ нами — обличеніе помысловъ нашихъ.

15. Тяжело намъ и смотрѣть на него, ибо жизнь его не похожа на жизнь другихъ, и отличны пути его:

16. онъ считаетъ насъ мерзостью и удаляется отъ путей нашихъ,

какъ отъ нечистотъ, ублажаетъ кончину праведныхъ и тщеславно называетъ отцемъ своимъ Бога.

17. Увидимъ, истинны-ли слова его, и испытаемъ, какой будетъ исходъ его;

18. ибо если этотъ праведникъ есть сынъ Божій, то Богъ защититъ его и избавитъ его отъ руки враговъ.

19. Испытаемъ его оскорбленіемъ и мученіемъ, дабы узнать смиреніе его и видѣть незлобіе его;

20. осудимъ его на безчестную смерть, ибо, по словамъ его, о немъ попеченіе будетъ.

справедливость саму по себѣ считаетъ нормой. Такое превознесеніе силы, повятно, сопровождается презрѣніемъ ко всякаго рода безсилію, слабости; это видно изъ 2-ой половины 11-го стиха.

Нечестивцы побуждаются къ преслѣдованію благочестивыхъ не только общими своимъ принципамъ, но и особыми причинами: 1) тѣмъ, что праведникъ противодействуетъ имъ и обличаетъ ихъ (12 ст.); 2) его вѣра въ свою особую близость къ Богу представляется имъ высокоцѣнимъ (13, 16 ст.); 3) самымъ благочестіемъ своимъ онъ заставляетъ ихъ чувствовать стыдъ и униженіе (14—15 ст.); 4) они знаютъ, что ихъ образъ мыслей и поведения онъ презираетъ и наконецъ 5) (16 ст.) они хотятъ убѣдиться, дѣйствительно ли основательна его надежда на Бога (17—20 ст.).

12. „Устроимъ ковы праведнику...“ Рѣчь о тайномъ умыслѣ, заговорѣ, въ отличіе отъ явнаго насилія. Здѣсь писатель очевидно вспоминаетъ мѣсто изъ пророка Исаи, III, 10 ст., и приводитъ его не по еврейскому тексту, а по переводу LXX. Это обстоятельство даетъ цѣнное указаніе на время происхожденія книги Премудрости Соломона.

„Укоряетъ насъ въ грѣсахъ противъ закона“. Законъ (νόμος) безъ дальнѣйшаго опредѣленія его въ Св. Писаніи всегда означаетъ законъ Моисеевъ. Только иудеи грѣхъ противъ закона Моисеева могъ быть поставленъ въ вину, поэтому эти слова указываютъ, что описанные здѣсь противники писателя были иудеи. Виновные противъ закона, они заслуживали еще упрека „за грѣхи своего (нашего) воспитанія“. Здѣсь писатель очевидно разумѣетъ то языческое воспитаніе, какое стали получать иудеи его времени, подпававъ подъ вліяніе греческой образованности (1 Мак. I, 14).

13. 13 ст. указываетъ другую причину преслѣдованія праведника: онъ нестерпимъ для своихъ враговъ потому, что „объявляетъ себя имѣющимъ познаніе о Богѣ и называетъ себя сыномъ Господа“. Последнее выраженіе здѣсь употреблено въ нравственномъ смыслѣ о внутреннемъ отношеніи, въ какомъ благочестивый по своему настроенію и дѣятельности стоитъ къ Богу. Праведникъ, именующій себя сыномъ Божиимъ, это вѣрный Богу еврейскій народъ (См. XII, 19—21; Исх. IV, 22; Ис. I, 2).

14. „Онъ предъ нами — обличеніе поступковъ нашихъ“, вѣроятно въ томъ смыслѣ, что при сравненіи, какое люди дѣлаютъ между праведникомъ и нечестивыми, послѣдніе выставляются въ худомъ свѣтѣ, такъ что они сами начинаютъ какъ бы стыдиться своихъ поступковъ.

15. „Жизнь его не похожа на жизнь другихъ“... Нечестивые вольнодумцы религіозность и лободѣтель считаютъ какою то непонятною для нихъ странностью въ человѣкѣ, отдѣляющею его отъ всѣхъ другихъ. Весьма тонкое у писателя психологическое наблюденіе. Выраженіе „пути его“ означаетъ образъ, направленіе жизни.

17—20. Нечестивые вольнодумцы подвергаютъ праведника испытанію съ двойною цѣлью, чтобы узнать: 1) оправдается ли его надежда на помощь Божию (18, 20) и

21. Такъ они умствовали и ошиблись, ибо злоба ихъ ослѣпила ихъ,
22. и они не познали тайнъ Божіихъ, не ожидали воздаянія за святость и не считали достойными награды душъ непорочныхъ.

23. Богъ создалъ человѣка для нетлѣнія и содѣлалъ его образомъ вѣчнаго бытія Своего;

24. но завистью діавола вошла въ міръ смерть, и испытываютъ ее приналежащіе къ удѣлу его.

2) устойчивъ ли онъ въ своей нравственной жизни (19 ст.). Если надежда праведника не тщетна, если его слова о пощеніи о немъ Бога не были простыми самоубіеніемъ, то Богъ его защититъ, Онъ избавитъ его даже отъ смерти. Равнымъ образомъ въ страданіяхъ праведникъ обнаружитъ свое „смиреніе и незлобіе“, если только они у него есть.

Отдѣлъ книги Премудрости съ 12—20 ст. многими древними и новыми экзегетами понимался какъ пророчество объ отношеніи къ Іисусу Христу Его враговъ и объ осужденіи Его на смерть. Подъ „праведникомъ“ въ такомъ случаѣ разумѣлся Спаситель. Главное основаніе для такого толкованія брали изъ 13-го и 16 ст., гдѣ враги обвиняютъ праведника въ томъ, что онъ „называетъ себя сыномъ Господа“ (13 ст.) и „Отцомъ своимъ тщеславно называетъ Бога“ (16 ст.). Подобный же упрекъ и въ тѣхъ же выраженіяхъ, по свидѣтельству Евангелія, бросали іудеи и Господу (Іоан. V, 18; XIX, 7); аналогичное же основаніе находить въ 18 ст., сравнивая его съ Мѡ. XXVII, 40. 43; и наконецъ въ словахъ 20-го ст.: „осудимъ его на безчестную смерть“ видятъ указаніе на крестную смерть Спасителя. Но и въ виду нѣканоническаго характера книги Премудрости Соломона, можно и не усматривать въ этомъ отдѣлѣ пророчества въ собственномъ смыслѣ, а видѣть въ немъ живое изображеніе общаго для всѣхъ временъ отношенія нечестивыхъ къ праведнымъ. Это изображеніе по силѣ своей истины оказалось приложимо и къ лицу Іисуса Христа, величайшаго изъ всѣхъ праведниковъ. Такое пониманіе находитъ себя прочное основаніе въ самой книгѣ Премудрости, потому что подъ именемъ праведника (δικαιος), изображаемаго во II гл. 12—20, писатель этой книги видимо разумѣлъ не опредѣленное лицо, а родовое понятіе (собственно благочестиваго израильянина вообще).

21 ст. Съ этого стиха писатель переходитъ къ обсужденію и оцѣнкѣ того образа мыслей своихъ противниковъ, который онъ изложилъ выше.

„Такъ они умствовали и ошиблись“. Ихъ мысли—заблужденіе. Причина этого заблужденія двоякая: она кроется съ одной стороны въ нравственной испорченности іудеев-вольнодумцевъ: „злоба ихъ ослѣпила ихъ“, съ другой—въ ихъ незнаніи божественаго предопредѣленія судьбы праведныхъ по смерти (22 ст.).

22. „Они не познали тайнъ Божіихъ“... На основаніи контекста рѣчи и по сравненію даннаго мѣста съ IV, 17 и III, 9—здѣсь рѣчь идетъ о тайнѣ Божественнаго предопредѣленія судьбы праведника по смерти. Незнаніе этой тайны происходило не оттого, что нечестивымъ было недоступно это знаніе, а оттого, что они не признавали возданія за гробомъ. Отрицавъ безсмертіе, противники писателя естественно отрицали и пледъ возданія.

23—24 ст. Мысль о возданіи чистымъ душамъ въ будущей жизни даетъ поводъ писателю высказаться о происхожденіи смерти (23 - 4) и виѣстѣ съ тѣмъ противопоставить судьбу нечестивыхъ (24) судьбѣ праведныхъ (III, 1—3). Полученіе „воздаянія за святость“, которое состоитъ въ блаженномъ безсмертіи, доступно всякому, потому что (23—4) смерть не входила въ первоначальные планы творческой дѣятельности Божіей и не проявила въ существо природы человѣческой, во составляезъ нѣчто вошедшее въ міръ въ силу посторонняго воздѣйствія, поэтому будущая судьба каждаго зависитъ отъ него самого. „Богъ содѣлалъ человѣка образомъ вѣчнаго бытія Своего“, поэтому опредѣленіе безсмертія вложено въ самую природу человѣческую: „Богъ создалъ человѣка для нетлѣнія“.

24. О смерти см. замѣчаніе къ 12 ст. I. гл. Смерть, о которой здѣсь идетъ рѣчь, не тѣлесная, а духовная, это видно уже изъ того, что ее испытываютъ не всѣ (см. 24 ст. и III, 1 ст.). Причина ея въ зависти діавола къ совершенству первоизданнаго

ГЛАВА 3-я.

1. А души праведныхъ въ рукѣ Божіей, и мученіе не коснется ихъ.
 2. Въ глазахъ неразумныхъ они казались умершими, и исходъ ихъ считался погибелью,
 3. и отшествіе отъ насъ — уничто-

женіемъ; но они пребываютъ въ мирѣ.

4. Ибо хотя они въ глазахъ людей и наказываются, но надежда ихъ полна безсмертія.

человѣка. По зависти онъ ввелъ человѣка въ грѣхъ, а грѣхъ приводитъ человѣка къ смерти духовной. (I, 12; 15).

„Испытываютъ ее принадлежащія къ удѣлу его“. Такимъ образомъ, смерть есть только возможность (а не необходимость), ее испытываютъ не всё, она вошла въ міръ какъ что то постороннее.

III.

1—3 Блаженство праведныхъ по смерти.—4—6 Надежда на безсмертіе служить для нихъ источникомъ утѣшенія въ страданіяхъ земной жизни.—7—9 Другая надежда истинныхъ благочестивыхъ израильтянъ въ томъ, что еще здѣсь на землѣ они восторжествуютъ и будутъ господствовать надъ народами.—10—19 Совершенно противоположна судьба нечестивыхъ: ихъ надежды на счастье земной жизни тщетны.

1—3 ст. Изображеніе судьбы благочестивыхъ по смерти въ противоположность выраженной выше (24 ст. II гл.) мысли о гибели нечестивыхъ.

1 ст. „А души праведныхъ въ рукѣ Божіей“. Рѣчь идетъ о душахъ умершихъ праведниковъ, что ясно изъ противоположенія ихъ судьбы участи нечестивыхъ. Нечестивые „испытываютъ смерть“, души праведныхъ „въ рукѣ Божіей“, т. е. пользуются особымъ благоволеніемъ, покровительствомъ Божиимъ (см. VII, 16 ст., Ис. XXXI, 6; Лук. XXIII, 46).

„Мученіе не коснется ихъ“ — разумъютъ мученія по смерти (ср. Лук. XVI, 28).

2—3 ст. Только во мѣтнн неразумныхъ смерть ираредныхъ считалась уничтоженіемъ, въ дѣйствительности же это есть только переходъ къ высшей блаженной жизни. „Неразумные“ — тѣ же самые люди, о которыхъ была рѣчь выше (I, 3 ст.); „исходъ ихъ“, т. е. смерть: см. Лук. IX, 31 ст., 2 Петр. I, 9.

„По смерти праведные пребываютъ въ мирѣ“. Пребываніе въ мирѣ означаетъ прежде всего состояніе свободное отъ земной печали, см. Евр. III, 11; Апок. XIV, 13; а затѣмъ — съ положительной стороны — блаженство въ Богѣ.

4—9 ст. Какъ смерть, такъ и земныя страданія праведныхъ обычно несчастными считаются за постигшія ихъ божественныя наказанія (4 ст.), въ то время, какъ они (страданія) имѣютъ совершенно другія цѣли (5—6); хотя сами праведники на землѣ и гибнутъ, но дѣла ихъ служатъ къ ихъ торжеству и прославленію (7—9 ст.).

4 ст. Связь 4-го ст. съ предшествующимъ чрезъ „ибо“ нѣсколько затруднительна. Можно думать, что, ставя эту причинную связь, писатель хотѣлъ выразить ту мысль, что пребываніе въ мирѣ праведныхъ, о которомъ онъ говорилъ, какъ о блаженномъ состояніи по смерти (3 ст.), начинается уже здѣсь, на землѣ; *ибо* не смотря на всё страданія праведные имѣютъ твердую надежду на будущее блаженство и въ этомъ находятъ успокоеніе.

„Они (праведные) въ глазахъ людей наказываются“, т. е. переносятъ лишенія и несчастія, которыя рассматриваются, какъ наказаніе Божіе. Такой смыслъ слѣдуетъ изъ употребленія этого глагола („наказываются“) у писателя кн. Премудрости Соломона: XI, 5, 17; XIII, 1. 9. и изъ связи давняго мѣста съ послѣдующими 5 и 6 ст. Люди,

5. И немнога наказаннѣе, они будуть много облагодѣтельствованы, потомучто Богъ испыталъ ихъ и напелъ ихъ достойными Его.

въ горнилѣ и принялъ ихъ какъ жертву всесовершенную.

7. Во время воздаянія имъ они возсіяютъ какъ искры, бѣгущія по стеблю.

6. Онъ испыталъ ихъ какъ золото

въ глазахъ которыхъ наказываются праведные, это прежде всего нечестивые, которые, согласно характеристика ихъ у писателя, ни въ какое издвоздаяніе не вѣрятъ и о страданіяхъ, какъ Божественномъ наказаніи, съ своей точки зрѣнія могли бы говорить лишь въ ироническомъ смыслѣ. Писатель здѣсь очевидно выражаетъ не ихъ взглядъ, а общепринятое у евреевъ воззрѣніе на божественное издвоздаяніе.

„Надежда ихъ полна безсмертія“. Это выраженіе, по аналогіи съ другими подобными: Евр. VI, 11; X, 22, означаетъ твердую, несомнѣнную надежду. Предметъ надежды—безсмертіе.

6. То, что обычно люди считаютъ за наказаніе, въ рукѣ Божіей является только средствомъ воспитанія, возводящимъ человѣка на высшую ступень нравственного совершенства (XI, 5—6, 10, 11; Евр. XII, 5—11). Выраженіе: „немного наказаннѣе, они будутъ много облагодѣтельствованы“, по связи съ предшествующимъ даетъ мысль о непродолжительности земныхъ страданій и о вѣчномъ по смерти блаженствѣ праведныхъ (ср. 2 Мак. VII, 36; 1 Петр. I, 6). Но кромѣ указаній на время, здѣсь слѣдуетъ видѣть указаніе и на степень. Въ этомъ отношеніи страданія земныя, какъ бы они велики не были, не могутъ быть сравнены съ будущимъ небеснымъ блаженствомъ, которое безконечно ихъ превосходитъ (ср. Рим. VIII, 18; 2 Кор. IV, 17). Впрочемъ, многіе толковники выраженіе „облагодѣтельствованы“ относятъ не къ блаженству по смерти, а къ счастливому періоду земной жизни праведныхъ.

„Богъ испыталъ ихъ“; весьма часто встрѣчающееся въ библіи выраженіе для той мысли, что разными средствами, главнымъ образомъ несчастьемъ и страданіями, Богъ испытываетъ послушаніе и вѣру людей (Быт. XXII, 1; Втор. XIII, 4; Суд. II, 22; Пс. LXVI, 10; LXXXI, 8).

„Напелъ ихъ достойными Его“, т. е. достойными общенія съ Богомъ въ жизни загробной, или вообще достойными Его благословенія.

6 ст. Мысль о ниспосылаемыхъ праведнымъ страданіяхъ и ихъ послѣдствіяхъ выражается въ двухъ употребительныхъ образахъ. По первому образу нравственныхъ испытаній и очищеніе человѣка сравниваются съ очищеніемъ и пробой металловъ. Это весьма употребительный въ Вибліи образъ (см. Пс. LXIV, 10; Іов. XXIII, 10; Прит. XVII, 3; Сир. II, 5; Ис. XLVIII, 10; Зах. XIII, 9; Мал. III, 3; Іак. I, 3; 1 Петр. I, 7 и др.). Во второй половинѣ стиха доброе расположеніе души, обнаруженное праведными въ испытаніяхъ, сравнивается съ всесовершенной жертвой, пріятной Богу (ср. Рим. VII, 1; 1 Пет. II, 5).

7—8 ст. При объясненіи данного мѣста экзегетами высказываются три главныхъ мнѣнія. Одни видятъ здѣсь мысль вообще о славномъ времени, которое наступитъ для благочестивыхъ израильтянъ въ этой жизни, безъ всякаго указанія на мессіанско-эсхатологическія чаянія; другіе—о блаженномъ состояніи праведныхъ по смерти на небѣ, послѣ страшнаго суда; и третьи видятъ здѣсь выраженнымъ мнѣніе о близко ожидаемомъ всеобщемъ судѣ, воскресеніи мертвыхъ и открытіи на землѣ мессіанскаго царства. Разберемся, какое изъ этихъ мнѣній болѣе оправдывается текстомъ.

„Во время воздаянія имъ они возсіяютъ“. Выраженіе „время воздаянія“ само по себѣ неопредѣленное и можетъ быть приложено ко всѣмъ тремъ упомянутымъ объясненіямъ. „Они возсіяютъ“, этимъ образомъ защитники третьяго мнѣнія пользуются, какъ главнымъ своимъ аргументомъ: видятъ въ немъ указаніе на свѣтлыя эфирныя тѣла, въ какихъ возстанутъ души праведныхъ для участія въ земномъ мессіанскомъ царствѣ. Но во 1-хъ, это выраженіе столь неопредѣленное, что по нему нельзя заключить о томъ, раздѣлялъ ли писатель кн. Премудрости вѣру въ воскресеніе тѣла и даже соединялъ ли съ этимъ выраженіемъ представленіе о какихъ либо вообще чувственныхъ образахъ, въ

8. Будутъ судить племена и владычествовать надъ народами, а надъ ними будетъ Господь царствовать во вѣки.

истину, и вѣрные въ любви пребудутъ у Него, ибо благодать и милость со святыми Его и промышленіе объ избранныхъ его.

9. Надѣющіеся на Него познаютъ

которыхъ возстанутъ души. Въ 2-хъ, если по книгѣ Премудрости души умершихъ праведныхъ восходятъ къ Богу на небо, то оттуда такимъ образомъ, нужно допустить, онѣ должны возвратиться обратно на землю, чтобы облечься въ новыя тѣла и принять участіе въ мессіанскомъ царствѣ. Такое предположеніе о судьбѣ душъ по смерти весьма разнится отъ обычнаго іудейскаго ученія о воскресеніи и мессіанскомъ всемірномъ судѣ и не имѣетъ себѣ въ Библии аналогіи. Ибо по обычной іудейской эсхатологіи души, какъ добрыхъ, такъ и злыхъ, пребываютъ по смерти въ шедлѣ и восходятъ оттуда при общемъ воскресеніи для воздаяніи. Наконецъ, въ 3-хъ, выраженіе: „какъ искры, бѣгущія по стеблю“—несомнѣнно образное, отсюда и „возсияютъ“ слѣдуетъ понимать тоже какъ образъ, который употребляется и въ другихъ мѣстахъ Св. Писанія (Притч. IV, 18; Дан. XII, 3; Мф. XIII, 43) и означаетъ только то, что праведники будутъ испытывать радость, блаженство, счастье. Такимъ образомъ третья изъ упомянутыхъ толкованій, какъ не достаточно обоснованное, отпадаетъ; обратимся къ первымъ двумъ.

Нельзя признать и 2-й линіи, что здѣсь говорится о блаженномъ состояніи праведныхъ по смерти на моментъ настоящей земной жизни, а не будущей небесной, указываетъ образное выраженіе: „Какъ искры, бѣгущія по стеблю“. Сравнивая этотъ образъ съ подобными же вавилонскими образами (См. Зах. XII, 6; Мал. IV, 1-3) мы устанавливаемъ тотъ несомнѣнный его смыслъ, что праведные, т. е. благочестивые израильтяне, примутъ участіе въ наказаніи своихъ враговъ, они будутъ для нихъ, что псера для соломы. Это наказаніе несомнѣнно совершится въ настоящей жизни, а не за гробомъ, ибо мысль о наказаніи злыхъ чрезъ добрыхъ въ будущей жизни не имѣетъ въ библии аналогіи и ей чужда. По библейскому взгляду наказаніе нечестивыхъ чрезъ праведныхъ произойдетъ здѣсь на землѣ въ мессіанскія времена. Такимъ образомъ 7 ст. содержитъ въ себѣ мысль о наступленіи славнаго времени для благочестивыхъ израильтянъ въ этой земной жизни и по связи этого мѣста съ послѣдующими стихами мы должны въ немъ видѣть выраженіе мессіанской надежды въ самой общей доступной для того времени формѣ.

8 ст. Племена и народы, о которыхъ говорится здѣсь—это язычники. Но и еврейскій народъ не въ полномъ составѣ приметъ участіе въ этомъ судѣ и владычествѣ надъ народами, а только оставшіеся вѣрными Іеговѣ, отступники же „понесутъ наказаніе“ (10 ст.), ибо только мудрость и благочестіе ведутъ къ господству (Свр. 4. 15). Мы находимъ здѣсь такимъ образомъ извѣстную мессіанскую надежду о восстановленіи и вѣчномъ потомъ существованіи истинной еократіи, которая смѣнитъ господство угнетавшей евреевъ языческой власти (См. Дан., VII, 18, 22 27; Пс. CXLIX, 4—9; 1 Кор. VI, 2).

9 ст. „Надѣющіеся на Него познаютъ истину“. Въ этихъ словахъ эзегеты иерѣдко стараются найти платоновскую мысль о томъ, что души праведныхъ и мудрыхъ по смерти, освободившись отъ земныхъ несовершенствъ, идутъ къ Богу и въ общеніи съ Нимъ достигаютъ высшаго знанія и истины (Федон. п. 81). Хотя это мнѣніе не чуждо книги Премудрости Соломона (См. V, 15; VI, 19), но въ данномъ случаѣ здѣсь выражена не эта мысль, какъ видно изъ того уже, что рѣчь идетъ не о времени по смерти, а о настоящей жизни здѣсь на землѣ, когда явятся дѣла праведныхъ. Поэтому истину, которую познаютъ праведные, нужно понимать не въ общемъ смыслѣ, а спеціальномъ: праведные узнаютъ ту истину, которая лежитъ въ отношеніяхъ Бога къ своимъ читателямъ, это будетъ познаніе божественнаго плана, по которому Онъ управляетъ святыми (Ср. II, 22).

„Вѣрные въ любви пребудутъ у Него“. Любовь безъ дальнѣйшихъ опредѣленій ея всегда означаетъ свойство субъекта, (а не любовь, какъ божественное начало), поэтому здѣсь говорится о любви человѣка къ Богу, а не о пребываніи человѣка въ любви Божіей.

10. Нечестивые же, какъ умствовали, такъ и понесутъ наказаніе за то, что презрѣли праведнаго и отступили отъ Господа.

11. Ибо презирающій мудрость и наставленіе несчастенъ, и надежда ихъ суетна, и труды безплодны, и дѣла ихъ непотребны.

12. Жёны ихъ несмысленны, и дѣти ихъ злы, проклятъ родъ ихъ.

13. Блаженна неплодная неосквернившаяся, которая не познала беззаконнаго ложа: она получитъ плодъ при воздаяніи святыхъ душъ.

14. *Блаженъ* и евнухъ, неслѣдавшій беззаконія рукою и непо-

10 ст. „*Нечестивые же, какъ умствовали, такъ и понесутъ наказаніе*“, которое есть естественный плодъ ихъ настроенія и убѣжденій. Объ умствованияхъ этихъ нечестивыхъ писатель подробно говорилъ выше. (II, 2; ср. I—3 ст.).

„*Призрѣли праведнаго*“—мысль слѣдуетъ видѣть ту же самую, что и во II, 10, 12, 18 ст.

11. 11 ст. указываетъ внутреннюю причину; почему нечестивый несчастенъ. „*Ибо онъ презираетъ мудрость*“, т. е. не согласуетъ свое настроеніе и поступки съ требованіями божественной правды. (См. I, 5). Несчастье нечестивыхъ въ томъ, что „*надежда ихъ суетна*“, т. е. безсодержательна, пуста, въ противоположность надеждѣ праведныхъ, которая „*полна безсмертія*“ (III, 4). Въ такомъ случаѣ писатель дѣлаетъ здѣсь глубокое сопоставленіе. По другому объясненію несчастье нечестивыхъ въ томъ, что ихъ ожиданія земныхъ благъ разнаго рода и успѣха въ своихъ начинаніяхъ не осуществляются. Такое объясненіе весьма согласуется съ дальнѣйшими словами стиха: „*труды ихъ безплодны и дѣла непотребны*“.

Съ 12 ст.—IV, 15 ст. вѣдчается особый отдѣлъ, въ которомъ говорится о значеніи бездѣтності и ранней смерти праведныхъ и многочадія и долгой жизни нечестивыхъ. По господствовавшему у евреевъ предположенію многочисленное потомство, (Исх. XXIII, 26; Мо. XXVI, 9; Втор. VI, 14; XXVIII, 4, II; Цар. II, 5. Пс. CXIII, 9; Притч. XVII, 6) и долгодѣтельная жизнь (Исх. XX, 12; Притч. III 1, 2) считались знакомъ божественнаго благоволенія и наградой за добродѣтель, напротивъ, безплодіе было стыдомъ и несчастьемъ (Лук. I, 25). Противники писателя эмансипированные отъ отечественной вѣры іудей, эту вѣру своихъ благочестивыхъ соплеменниковъ высмѣивали и ссылались на опытъ, который указывалъ совершенно противоположное. Псевдо-соломонъ приводить свои возраженія во 1-ыхъ, касательно бездѣтности благочестивыхъ: 12—IV, 6 ст. во 2-ыхъ, IV, 7—15, относительно ихъ ранней смерти. Въ 12 ст. онъ говоритъ, что многочисленное потомство нечестивыхъ не есть еще благо само по себѣ. Это скорѣе зло, ибо черезъ размноженіе нечестіе отдѣльныхъ лицъ распространяется на цѣлыя семьи, на цѣльный родъ. Рѣчь здѣсь не о передачѣ грѣха по наследственности, а о распространеніи зла примѣромъ и дурнымъ влияніемъ.

13 и 14 ст. являются противопоставленіемъ 12 му.

13 ст. „*Блаженна неплодная, неосквернившаяся*“. Слова эти сходны съ IIV, 1 ст. прор. Исаія, гдѣ подъ неплодной разумѣется израильскій народъ и съ XXIII 29 Лк. „*Неплодная*“ означаетъ здѣсь женщину, состоящую въ бракѣ и неимѣющую дѣтей, а не дѣвицу, таково употребленіе этого слова въ библии: (Быт. XI, 80; XXV, 21; XXIX, 30; Исх. XXIII, 26; Суд. XIII, 2, 1 Цар. II, 7; Лук. I, 7. 36). Значитъ, въ данномъ мѣстѣ нельзя видѣть отрицательнаго отношенія писателя къ браку. „*Неосквернившаяся*“ поэтому можетъ означать только незапятнанную грѣховнымъ сожитіемъ, дальнѣйшія слова: „*которая не познала беззаконнаго ложа*“, опредѣленіе выказываютъ эту мысль. Эта неплодная получитъ „*при воздаяніи святыхъ душъ*“ т. е. въ будущей жизни (см. IV, 2; III, 1), „*плодъ духовный*“ (см. Іав. III, 18). Такой смыслъ устанавливается на основаніи параллели этого мѣста со 2-ой половиной 14-го ст.

14 ст. „*Блаженъ и евнухъ*...“ По Мо. XIX 12, слово „евнухъ“ употребляется въ тройномъ значеніи: 1) означаетъ того, кто по природѣ лишень способности рожать дѣтей, 2) кто этого лишень насильно людьми и 3) того, кто по доброй волѣ отказывается отъ брачнаго сожитія.

мысливший лукаваго противъ Господа, ибо дастся ему особенная благодать въры и пріятнѣйшій жребій въ храмъ Господнемъ.

15. Плодъ добрыхъ трудовъ славень, и корень мудрости неподвижень.

16. Дѣти прелюбодѣевъ будутъ несовершенны, и сѣмя беззаконнаго ложа исчезнетъ.

17. Если и будутъ они долгожизненны, но будутъ почитаться за ничто, и поздняя старость ихъ будетъ безъ почета.

18. А если скоро умрутъ, не будутъ имѣть надежды и утѣшенія въ день суда;

19. ибо ужасенъ конецъ неправеднаго рода.

Тѣ экзегеты, которые видятъ въ данномъ мѣстѣ восхваленіе безбрачія, берутъ третье изъ указанныхъ значеній „евнухъ“, но противъ этого возстаютъ контекстъ рѣчи. Въ предшествующемъ стихѣ рѣчь шла о замужней, но бездѣтной женщинѣ, поэтому и здѣсь „евнухъ“ нужно брать въ первомъ значеніи. Однако не всякій евнухъ отъ природы ублажается писателемъ, а лишь такой, который ни дѣлаетъ, ни мыслитъ не погрѣшилъ противъ Бога и закона: „не сдѣлавшій беззаконія рукою и не помыслившій лукаваго противъ Господа“. Такому „дастся... жребій въ храмъ Господнемъ“. Пребываніе въ храмѣ для истиннаго израильянина было высшимъ счастьемъ, ибо здѣсь онъ чувствовалъ близость Божества. Между тѣмъ по закону Моисееву, евнухъ былъ лишень этого. (Втор. XXIII). Писатель книги и говорить, что въ мессіанскія времена такого исключенія по вишнему призыву не будетъ.

15 ст. кратко передаетъ смыслъ двухъ предшествующихъ стиховъ, дополняя мысль, что награда за мудрость и благочестіе постоянна. Цѣль писателя утѣшить бездѣтныхъ благочестивыхъ израильянъ, онъ и говоритъ имъ, что они также будутъ имѣть свой „плодъ“ и свой „отырыскъ“ (ρίζα, корень), только болѣе совершенный и постоянный („неподвижень“), чѣмъ развращенное и гибнущее потомство нечестивыхъ. Такимъ образомъ, этотъ стихъ составляетъ глубокое противопоставленіе ст. 16 му. Слово „корень“ (ρίζα) въ переносномъ смыслѣ употребляется въ библіи для обозначенія потомства (Сир. XI, 15; XLVII, 25), и 2) затѣмъ въ отвлеченномъ смыслѣ всего того, что даетъ матерію и питаніе къ возникновенію и развитію чего либо; отсюда „корень безсмертія“ (XI, 3), „корень всѣхъ золъ сребролюбіе“ (1 Тим. VI, 10), „корень горечи“ (Евр. XII, 15). Изъ этихъ двухъ значеній, слѣдуя контексту рѣчи, надо взять первое. „Корень мудрости“ у писателя означаетъ не то, что цѣлуетъ мудрость, а то, что является ея плодомъ, какъ бы своего рода „потомствомъ“. Мудрость здѣсь—правильное понижаніе божественной воли и неуклонное слѣдованіе ей.

Стихи 16—19 составляютъ противоположеніе стихамъ 13—15: постоянному блаженству бездѣтныхъ праведниковъ противопоставляется ненадежное счастье нечестивыхъ и при обладаніи ими потомствомъ. Счастье нечестивыхъ при обладаніи большимъ плотскимъ потомствомъ оказывается мнимымъ по двумъ причинамъ. 1) Если ихъ дѣти достигаютъ глубокой старости, то она бываетъ безцѣтна (17 ст.); 2) если же умираютъ рано, то безъ надежды на блаженство безсмертной жизни (18—19 ст.).

16. „Дѣти прелюбодѣевъ...“ Имя въ виду ветхозавѣтный образъ выраженія, по которому отношенія Израиля и Іеговы представлялись подъ образомъ брака (Ос. II, 4, 19, 20; Іер. II, 2) и отпаденіе отъ Іеговы въ идолопоклонство называлось прелюбодѣяннємъ, въ данномъ мѣстѣ подъ прелюбодѣяннями разумѣютъ вообще отступниковъ отъ Іеговы іудеевъ. Но въ виду противоположенія писателемъ давнаго мѣста стиху 13-му (гдѣ рѣчь о брачныхъ отношеніяхъ въ тѣсномъ смыслѣ) и 6 ст. IV гл., слѣдуетъ данное мѣсто понимать въ тѣсномъ специальномъ смыслѣ. Писатель хотѣлъ сказать въ данномъ случаѣ то, что многочисленное потомство нечестивыхъ частью является слѣдствіемъ ихъ развращенности и ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить знакомъ благословенія Божія.

...„Будутъ несовершенны“, т. е. не достигнутъ того нравственнаго совершенства, которое уважается людьми (17 ст.) и „исчезнутъ“, не просто умрутъ, а со смертію по-

ГЛАВА 4-я.

1. Лучше бездѣтность съ добродѣтелью, ибо память о ней безсмертна: она признается и у Бога и у людей.

2. Когда она присуща, ей подражаютъ, а когда отойдетъ, стремятся къ ней; и въ вѣчности увѣчанная она торжествуетъ, какъ одержавшая побѣду непорочными подвигами.

3. А плодородное множество нечестивыхъ не принесетъ пользы, и прелюбодѣйныя отрасли не дадутъ корней въ глубину и не достигнуть

незыблемаго основанія;

4. и хотя на время позеленѣють въ вѣтвяхъ, но, не имѣя твердости, поколеблются отъ вѣтра и порывомъ вѣтровъ искоренятся;

5. некрѣпкія вѣтви переломятся, и плодъ ихъ *будетъ* бесполезенъ, незрѣлъ для пищи и ни къ чему негоденъ;

6. ибо дѣти, рождаемыя отъ беззаконныхъ сожитій, суть свидѣтели разврата противъ родителей при допросѣ ихъ.

теряютъ надежду на безсмертіе въ блаженномъ общеніи съ Богомъ (19 ст., ср. Вар. III, 19). Такимъ образомъ 16 ст. кратко выражаетъ ту мысль, которая далѣе въ 17 и 18 стихахъ раскрывается ближе съ двухъ намѣченныхъ сторонъ.

IV.

Продолжается противопоставленіе судьбы праведныхъ судьбѣ нечестивыхъ 1—2. Бездѣтность не лишаетъ праведныхъ возможности оставить послѣ себя благодарную память въ потомствѣ, а нечестивые лишены этой возможности даже при наличности многочисленнаго потомства 3—8. Ранняя смерть праведника — только скорѣйшій переходъ къ лучшей жизни 7—18, для грѣшника смерть—окончательная гибель 19—20.

Стихи 1—6 снова противопоставляютъ судьбу бездѣтныхъ праведниковъ судьбѣ нечестивыхъ съ ихъ многочисленнымъ потомствомъ.

1 ст. Преимущество бездѣтныхъ, но добродѣтельныхъ людей въ томъ, что память объ ихъ добродѣтели сохранится въ потомствѣ, это своего рода тоже безсмертіе. Въ болѣе позднихъ книгахъ св. Писанія Ветхаго Завѣта часто говорится о безсмертіи имени въ потомствѣ, какъ высокой наградѣ за праведность (Пс. CXI, 6; Притч. X, 7; Сир. XXXVII, 26; XXXIX, 13; XLI, 12; Прем. VIII, 13; X, 14). Цѣнная людьми, добродѣтель „признается“ и у Бога.

2 ст. раскрываетъ мысль о цѣнности добродѣтели: когда она живетъ среди людей, ей подражаютъ, когда отойдетъ (т. е. добродѣтельный человекъ умретъ), къ ней стремятся.

„И въ вѣчности увѣчанная она торжествуетъ“, этими словами раскрывается мысль предшествующаго стиха, что „добродѣтель признается у Бога“. „Вѣнец“ весьма часто въ Библии является образомъ счастья и отличія (Иезек. XVI, 12; Пс. XX, 4; LXXXVIII, 40; CXXXI, 18; Прит. XII, 4; Сир. I, 18); въ особенности же—небесной награды вѣрующимъ (Іак. I, 12; 1 Пет. V, 4; Апок. II, 10). Этотъ вѣнецъ дается за „побѣду непорочными подвигами“. Писателю вся жизнь человека представляется какъ борьба его со зломъ. Праведные достигаютъ побѣды въ этой борьбѣ подвигами святой жизни, которые здѣсь названы „непорочными“. Аналогичное представленіе о жизни, какъ борьбѣ и о святости, какъ побѣдномъ вѣнцѣ, находимъ еще у ап. Павла 1 Кор. IX, 24—27; 2 Там. II, 3, 5; IV—17.

3—6 ст. Писатель снова возвращается къ мысли о томъ, что счастье богатыхъ

7. А праведникъ, если и рановременно умереть, будетъ въ покоѣ,

8. ибо не въ долговѣчности честная старость, и не числомъ лѣтъ измѣряется.

9. Мудрость есть сѣдина для людей, и безпорочная жизнь — возрастъ старости.

10. Какъ благоугодившій Богу, онъ возлюбленъ и, какъ жившій посреди грѣшниковъ, преставленъ,

11. восхищенъ, чтобы злоба не измѣнила раауму его, или ковар-

ство не прельстило души его.

12. Ибо упражненіе въ нечестіи помрачаетъ доброе, и волненіе похоти развращаетъ умъ неалобивый.

13. Достигнувъ совершенства въ короткое время, онъ исполнилъ долгъ лѣта;

14. ибо душа его была угодна Господу, потому и ускорилъ онъ изъ среды нечестія. А люди видѣли это и не поняли, даже и не подумали о томъ,

15. что благодать и милость со-

потомствомъ нечестивыхъ — кажущееся. Оно непрочно, нечестивыхъ быстро постигаетъ наказаніе и во время воздаянія самъ же дѣти вынесутъ осужденіе своимъ отцамъ. Мысль о непрочности счастья нечестивыхъ выражена писателемъ въ весьма употребительномъ въ Библии образѣ. Именно, какъ благочестіе и счастье праведныхъ часто уподобляется прочно укоренившемуся, посаженному на тучной землѣ и потому зеленыющему и цвѣтущему дереву (Иез. XVII, 8; Пс. I, 3; СХХVII, 3; Сир. XXIV, 13—17), такъ нечестивцы и ожидающее ихъ наказаніе рисуется въ образѣ противоположномъ этому (Пс. XXXVI, 35—6; Иов. XV, 32, 33; XVIII, 16; Иез. I, 29).

7. Ранняя смерть праведника уже потому не можетъ считаться зломъ или выраженіемъ божественнаго гнѣва, что она для него есть только переходъ къ лучшему существованію.

„*Рановременно умереть...*“ Смыслъ можетъ быть двоякій: или праведный умереть раньше, чѣмъ умираетъ нечестивый, или вообще раньше обыкновеннаго.

„*Будетъ въ покоѣ...*“ Прежде всего разумѣется успокоеніе отъ земныхъ страданій и бѣдъ, а затѣмъ и положительное блаженство, ср. III, 1, 3. Будущая жизнь изображается какъ покой еще у ап. Павла. Евр. IV, 9—10.

8—9. 8—9 ст. даютъ основаніе для 7-го стиха и указываютъ тотъ масштабъ, который долженъ измѣряться возрастъ человѣка. Мудрость и непорочная жизнь, а не количество прожитыхъ дней, составляютъ почтенную сѣдину для людей. Аналогичныя мысли находятся въ кн. Првт. XVI, 31 и Сир. XXV, 6.

10—14. 10—14 ст. содержать дальнѣйшее изложеніе мысли, что ранняя смерть праведника ни въ какомъ случаѣ не противорѣчитъ идеѣ справедливости Божественнаго воздаянія и любви Божіей къ праведнымъ; напротивъ, Богъ, именно по любви, беретъ такихъ людей къ себѣ, чтобы не подвергать ихъ опасности нравственной порчи отъ окружающаго ихъ нечестія.

146—19 ст. Большинство людей не замѣчаютъ, что, посылая раннюю смерть праведникамъ, Богъ имѣетъ благую для нихъ цѣль. Не обращаютъ вниманія нечестивые и на то, что преждевременная кончина праведныхъ выставляетъ ихъ нечестіе еще въ болѣе яркомъ свѣтѣ и продолжаютъ высмѣивать эту раннюю смерть, чѣмъ обнаруживаютъ свое неразуміе.

146. „*А люди видѣли это и не поняли*“. Выраженіе „люди“ (*oi λαοι*) въ Ветхомъ Завѣтѣ употребляется часто для обозначенія всѣхъ народовъ внѣ Израиля. Здѣсь по сопоставленію даннаго мѣста съ II, 12; III, 10 должно разумѣть всѣхъ отступившихъ отъ Закона іудеевъ, которые порвали духовную связь съ израильскимъ народомъ и даже были врагами тѣхъ, кто представлялъ собою въ то время истиннаго Израиля. Выраженіе „люди“ въ Ветхомъ Завѣтѣ является такой же антитезой всему анти-іудейскому, какъ въ Новомъ Завѣтѣ „міръ“ (*κοσμος*) противопоставляется всему христіанскому.

Выраженіе „избранные“ въ Ветхомъ Завѣтѣ прилагается обычно ко всему израильскому народу, какъ политическому цѣлому, который Иегова избралъ въ свой любимый народъ изъ всѣхъ народовъ земли (Ис. LXV, 9; Пс. CIV, 6). Здѣсь это слово упо-

святыми Его и промышленіе обь избранныхъ Его.

16. Праведникъ умирая осудить живыхъ нечестивыхъ, и скоро достигшая совершенства юность—долголѣтнюю старость неправеднаго;

17. ибо они увидятъ кончину мудраго и не поймутъ, что Господь опредѣлилъ о немъ и для чего поставилъ его въ безопасность;

18. они увидятъ и уничтожатъ

его, но Господь посмѣется имъ;

19. и послѣ сего будутъ они безчестнымъ трупомъ и позоромъ между умершими на-вѣкъ, ибо Онъ повергнетъ ихъ ницъ безгласными и сдвинетъ ихъ съ основаній, и они въ-конецъ запустѣютъ и будутъ въ скорби, и память ихъ погибнетъ;

20. въ сознаніи грѣховъ своихъ они предстанутъ со страхомъ, и беззаконія ихъ осудятъ ихъ въ лице ихъ.

треблено въ нравственномъ смыслѣ и относится только къ благочестивымъ и вѣрнымъ почитателямъ Іеговы, они же выше названы святыми.

16. „Праведникъ умирая осудитъ живыхъ нечестивыхъ...“ Сопоставляя данное мѣсто съ 8 ст. III гл., находятъ здѣсь мысль обь осужденіи нечестивыхъ въ будущей жизни. Но выраженіе „живыхъ“, противопологаемое факту смерти праведныхъ, ясно говоритъ о томъ, что нечестивые будутъ осуждены, пока еще они живутъ на землѣ, и осуждены именно самою смертью праведныхъ: „умирая осудитъ“. Какимъ образомъ, ранняя смерть праведника осудитъ оставшихся въ живыхъ нечестивыхъ, показываютъ дальнѣйшія слова: „скоро достигшая совершенства (юность) осудитъ долголѣтнюю старость неправеднаго“. Достигши нравственного совершенства въ короткій срокъ, праведникъ этимъ осудитъ нечестивыхъ, которые за всю долгую свою жизнь „не могли показать никакого знака добродѣтели“ (V, 13). О подобномъ же осужденіи говорится у Мѡ. XII, 41; Евр. XI, 7; Рим. II, 27.

17. 17 ст. повторяетъ мысль 146—15 ст., точнѣе опредѣляя, что „благодать и милость...“ „и промышленіе“ Божіе о праведныхъ проявляются именно въ опредѣленіи Богомъ ихъ ранней смерти, которая ставитъ праведниковъ „въ безопасность“. Въ безопасность отъ чего? сказано въ 11—12 ст. Различіе временъ глаголовъ въ двухъ стихахъ, говорящихъ обь одномъ и томъ же фактѣ (въ 146—15 стоитъ прошедшее время, а въ 17—будущее) объяснить можно тѣмъ, что этотъ фактъ многократно повторяющійся: онъ имѣлъ мѣсто въ прошедшемъ, будетъ повторяться и въ будущемъ.

18. Недостаточно того, что нечестивые не хотятъ понять истинной причины ранней смерти праведника, они еще стараются унижить его, но этимъ только навлекаютъ на себя позоръ.

„Уничжатъ его...“ будутъ считать за ничто, презирать, поднимать на смѣхъ (4 Цар. XIX, 21; 2 Пар. XXXVI, 16; Лук. XXIII, 11). Скорая кончина праведника даетъ поводъ нечестивымъ высмѣять его вѣру въ помощь Іеговы, какъ тщетную, пустую.

„Господь посмѣется имъ...“ такое выраженіе часто въ псалмахъ противопоставляется дерзкой заносчивости нечестивыхъ, чтобы представить ихъ злобу безсильной, неразумной и губельной для нихъ самихъ (Пс. II, 4; XXXVI, 13; LVIII, 9).

19 ст. Писатель книги Премудрости изобразилъ въ 19 ст. униженіе и гибель нечестивыхъ такими чертами, которыя очень напоминаютъ картину гибели царя Вавилонскаго у пророка Исаи въ XIV гл.

ГЛАВА 5-я.

1. Тогда праведникъ съ великимъ дерзновеніемъ станетъ предъ лицомъ тѣхъ, которые оскорбляли его и презирали подвиги его;

2. они же увидѣвши смутятся великимъ страхомъ и изумятся неожиданности спасенія его

8. и, раскаяваясь и вздыхая отъ стѣсненія духа, будутъ говорить

сами въ себѣ: это тотъ самый, который былъ у насъ нѣкогда въ посмѣяніи и притчею поруганія.

4. Безумные, мы почитали жизнь его сумасшествіемъ и кончину его безчестною!

5. какъ же онъ причисленъ къ сынамъ Божиимъ, и жребій его — со святыми?

V.

1—15 Нравственные мученія нечестивыхъ по смерти. 16—24 Окончательное торжество праведныхъ.

1—2 ст. Состояніе праведника по смерти будетъ противоположно состоянію нечестивыхъ, его охватитъ чувство высокой радости и о его счастья будутъ знать его земные противники и оттого придутъ въ изумленіе.

„Велкое дерзновеніе“ праведника очевидно противопоставляется здѣсь страху и смущенію нечестивыхъ (IV, 20; V, 2). Для нечестивыхъ торжество праведника будетъ „неожиданностью“. Во время его земной жизни „они оскорбляли и презирали подвиги его“, считая ихъ безцѣльными и пустыми (подробно объ этотъ писатель говорилъ во II гл. 10 ст. 12; 17—20); теперь они видятъ свою неправду. Въ Новомъ Заветѣ въ такихъ выраженіяхъ изображается состояніе людей при наступленіи всеобщаго суда (1 Іоан. II, 28; IV, 17).

3—13. Въ этомъ отдѣлѣ писатель художественно передаетъ собственную рѣчь нечестивцевъ (хотя 9—12 стихи являются нѣсколько растянутыми и нагроможденными), въ которой изображается ихъ пробудившаяся въ томъ мірѣ совѣсть, ихъ внутреннее смущеніе и раскаяніе, равно какъ ихъ удивленіе неожиданному счастью праведныхъ. Эта рѣчь является прямой противоположностью той высокогнѣрной рѣчи, какую въ уста тѣхъ же людей писатель вложилъ во II гл.

3. „Вздыхая отъ стѣсненія духа“, духъ захватило, они не могутъ поэтому свободно говорить, а только могутъ стонать и вздыхать. Этимъ изображеніемъ писатель пользуется, чтобы выразить противоположность прежнему надменному смѣху нечестивыхъ (Пак. IV, 9).

„Быль у насъ притчею поруганія“, предметомъ насмѣшки, издѣвательства, злорады. (См. Пс. XLIII, 15; LXIII, 12; Іер. XXIV, 9; 2 Пар. VII, 20).

4. „Безумные!“ Это сильное обращеніе нечестивыхъ къ себѣ показываетъ, какъ тяжело имъ сознавать свое заблужденіе.

„Жизнь его почитали сумасшествіемъ“ именно потому, что тѣ блага, ради которыхъ праведникъ переносилъ великія лишенія и бѣды, нечестивымъ казались призрачными, они не вѣрили въ ихъ реальность.

„Кончину его безчестною“; указаніе на позорную смерть, которую они готовили праведнику (II, 20).

5. „Сынами Божиими“ и „святыми“ въ библіи нерѣдко называются ангелы (Іов. I, 6; II, 1; XXXVIII, 7; Тов. VIII, 15; XI, 14; XII, 15), поэтому данное выраженіе, что „праведникъ причисленъ къ сынамъ Божиимъ и жребій его со святыми“ повн-

6. Итакъ мы заблудили отъ пути истины, и свѣтъ правды не свѣтиль намъ, и солнце не озаряло насъ.

7. Мы преисполнились дѣлами беззаконія и погибели и ходили по непроходимымъ пустынямъ, а пути Господня не познали.

8. Какую пользу принесло намъ высокомеріе, и что доставило намъ богатство съ тщеславіемъ?

9. Все это прошло какъ тѣнь и какъ молва быстротечная.

10. Какъ послѣ прохождения корабля, идущаго по волнующейся водѣ, невозможно найти слѣда, ни стези дна его въ волнахъ;

11. или какъ отъ птицы, пролетающей по воздуху, ни какого не остается знака ея пути, но легкій воздухъ, ударяемый крыльями и расъсѣваемый быстротою движенія, проиденъ движущимися крыльями и послѣ того не осталось никакого

знака прохождения по нему;

12. или какъ отъ стрѣлы, пушенной въ цѣль, раздѣленный воздухъ тотчасъ опять сходится, такъ-что нельзя узнать, гдѣ прошла она;

13. такъ и мы родились и умерли, и не могли показать ни одного знака добродѣтели, но истоцились въ беззаконіи нашемъ.

14. Ибо надежда нечестиваго исчезаетъ, какъ прахъ, уносимый вѣтромъ, и какъ тонкій иней, разносимый бурей, и какъ дымъ, разсѣваемый вѣтромъ, и проходить, какъ память объ однодневномъ гостѣ.

15. А праведники живутъ во-вѣки; награда ихъ въ Господѣ и попеченіе о нихъ у Всевышняго.

16. Посему они получаютъ царство славы и вѣнецъ красоты отъ руки Господа, ибо Онъ покроетъ ихъ десницею и защититъ ихъ мышцею.

имаютъ въ томъ смыслѣ, что онъ включенъ въ общество ангеловъ и въ этомъ его высшее блаженство. Но нельзя забывать, что рѣчь нечестивыхъ V главы противопоставляется писателемъ ихъ рѣчи во II главѣ, и въ частности данный стихъ отвѣчаетъ 18 стиху той главы; онъ говоритъ о дѣйствительномъ исполненіи того, чѣмъ всегда утѣшалъ себя праведникъ и въ чемъ насмѣшливо сомнѣвался нечестивый, поэтому выраженіе „сывъ Божій“ нужно понимать въ томъ же значеніи, какъ и во II, 18. Праведникъ называется сывомъ Божиимъ въ значеніи нравственнымъ, какъ истинный чтилаъ Иеговы и потому возлюбленный Богомъ.

6 ст. является выводомъ изъ предшествующаго. Види прославленное состояніе праведника, нечестивые сознаютъ теперь заблужденіе своей земной жизни.

„Солнце не озаряло насъ“... рѣчь не о физическомъ солнцѣ, а о „солнцѣ правды“, въ соотвѣтствіи съ предшествующимъ „свѣтъ правды“ (См. Малах. IV, 2).

7. „Ходили по непроходимымъ пустынямъ“... Это образъ для развращенной жизни, когда человѣкъ удаленъ отъ истиннаго своего блага (Ср. Ис. LIII, 6).

9—13. Писатель приводитъ цѣлый рядъ явленій быстро и безслѣдно исчезающихъ. Эти явленія служатъ у него образомъ скоротечнаго земнаго счастья, земного величія. Только „корень мудрости (добродѣтели) неподвиженъ“ (III, 15), но писателю; поэтому тѣ, кто „не могли показать никакого знака добродѣтели“, исчезаютъ безслѣдно: „истоцились въ беззаконіи“.

14—15. Съ 14-го стиха писатель ведетъ свое разсужденіе о противоположной судьбѣ праведныхъ и нечестивыхъ. Надежда нечестивыхъ на богатство, земныя удовольствія и пр. погнѣбеть, какъ прахъ, какъ иней и дымъ (часо употребляющіеся въ библіи образы, см. Ис. I, 4; XXXIV, 5; Ис. XXIX, 5; Ос. XII, 3; Ис. LXVII, 2), „а праведники живутъ во вѣки“.

Изъ этого противоположенія не слѣдуетъ, что писатель говоритъ здѣсь о совершенномъ уничтоженіи нечестивыхъ по смерти, ибо выше онъ говорилъ о мученіяхъ совѣсти нечестивыхъ въ томъ мірѣ. Поэтому „живутъ во вѣки“ означаетъ не только продолженіе жизни, но жизнь истинную, блаженную, которая продолжится вѣчно. Съ такимъ объясненіемъ согласны послѣдующія слова 15 ст.

16—23. Объ этомъ отдѣлѣ средн экзегетовъ мы встрѣчаемъ такое же различіе

17. Онъ возьметъ всеоружіе—ревность Свою, и тварь вооружитъ къ | отмщенію врагамъ;

жнѣній, какъ и о III, 7—8 ст. Одни относятъ образную рѣчь писателя къ воздаянію за гробомъ, другіе понимаютъ ее въ мессіанско-эсхатологическомъ смыслѣ въ отношеніи къ грядущему мессіанскому царству; и третьи видятъ здѣсь рѣчь только о будущемъ вообще торжествѣ благочестивыхъ израильтянъ въ здѣшней жизни, безъ всякой при-
мѣси эсхатологическихъ чаяній.

Противъ перваго мнѣнія говорятъ два обстоятельства: во-первыхъ, приводимые здѣсь образы мало подходятъ къ изображенію будущей небесной жизни, во-вторыхъ, двадцать четвертый стихъ можетъ быть отнесенъ только къ будущему состоянію земной жизни. Между тѣмъ этотъ стихъ тѣсно связанъ со всѣмъ предшествующимъ описаніемъ, онъ является заключеніемъ ко всей представленной картинѣ, поэтому вмѣстѣ съ 24-ымъ ст. и все это мѣсто слѣдуетъ относить къ земной жизни. На возраженіе, что при такомъ пониманіи здѣсь будетъ наблюдаться рѣзкій переходъ, скачекъ, отъ мыслей о загробной жизни (15 го ст.) къ счастливому для израильтянъ периоду ихъ земной жизни, слѣдуетъ замѣтить, что такіе быстрые переходы у писателя книги Премудрости не рѣдки. Что касается ближайшаго опредѣленія изображаемаго здѣсь момента земной жизни, то нельзя согласаться со 2-ымъ мнѣніемъ и относить его къ будущему мессіанскому царству, такъ какъ нѣтъ никакихъ опредѣляющихъ это царство признаковъ. Остается видѣть здѣсь рѣчь въ пророческомъ стилѣ о счастливомъ измѣненіи вообще участи благочестивыхъ израильтянъ, когда враги ихъ—отступившіе отъ вѣры іудей и угнетатели язычники—получатъ должное воздаяніе.

16 ст. *„Они получаютъ царство славы и вѣнецъ красоты отъ Господа“*. Защитники перваго изъ упомянутыхъ выше толкованій даннаго отдѣла въ этомъ выраженіи видятъ мысль о высшемъ небесномъ блаженствѣ праведныхъ. Но выраженіе „царство“ у писателя употребляется въ общемъ смыслѣ господства (I, 14); „вѣнецъ красоты“—библейскій символъ побѣды и господства (Ис. XXVIII, 1, 5; LXII, 3; Свр. XLVII, 6). Поэтому основательнѣе понимать это мѣсто въ отношеніи къ побѣдѣ, къ торжеству благочестивыхъ израильтянъ надъ своими врагами здѣсь на землѣ. Это торжество правовѣрныхъ израильтянъ наступитъ вслѣдствіе покровительства имъ Бога: *„ибо Онъ покроетъ ихъ десницею и защититъ ихъ мышцею“*. „Мышца“ и „десница“ обычные въ библіи символы покровительства и защиты (Пс. XVII, 36; LXII, 9; CXXI, 5; Притч. II, 7).

17. Писатель въ цѣломъ рядѣ образовъ описываетъ божественный судъ. Судья—Іегова изображается вооруженнымъ воинемъ, Его свойства, которыя Онъ проявляетъ при этомъ воздаяніи, представляются подъ образомъ отдѣльныхъ частей Его вооруженія. Основаніемъ такого образа представленія для писателя могла быть слѣдующія мѣста изъ Ветхаго Завета: (Пс. XVII, 13—18; XXXIV, 2—3; Ис. XLII, 18; LIX, 17; LXIV, 15—16; Зах. XVIII, 3). Въ подобныхъ образахъ и въ Новомъ Заветѣ описывается духовное оружіе христіанъ противъ зла. Еф. VI, 11; Рим. XIII, 12; 1 Петр. I, 13; IV, 1.

„Онъ возьметъ всеоружіе—ревность свою“... Ревность Іеговы, это—Его горячая любовь къ благочестивымъ израильтянамъ и ихъ правому дѣлу, равно какъ гнѣвъ противъ отступниковъ и внѣшнихъ враговъ Израиля. „Всеоружіе“—полное вооруженіе 2 Цар. II, 21; Іов. XXXIX, 20; Іудѣевъ XIV, 8; 2 Макк. III, 25).

„Тварь вооружитъ къ отмщенію враговъ“. „Вооружитъ“—точнѣе передать—сдѣлаетъ орудіею, ибо въ греческомъ текстѣ стоитъ *ἐπιποσειν*, а не *ἐπιτιθειν*. Тварь (*κτίσις*) означаетъ здѣсь неразумную неодушевленную природу. Главнымъ образомъ разумѣются могущественныя стихійныя явленія, черезъ которыя Богъ наказываетъ злыхъ и даетъ успѣхъ дѣлу праведныхъ. Подробнѣе объ этомъ писатель говоритъ въ разсказѣ о судѣ надъ Египтомъ (XVI, 16—25). Здѣсь писатель несомнѣнно выражаетъ религиозное библейское воззрѣніе на физическую природу, по которому она ставится въ

18. облечется въ броню—въ правду и возложитъ на Себя шлемъ—нелицепріятный судъ;

19. возьметъ непобѣдимый щитъ—святость;

20. строгій гнѣвъ Онъ изостритъ, какъ мечъ, и міръ ополчится съ Нимъ противъ безумцевъ.

21. Понесутся мѣткія стрѣлы молній и изъ облаковъ, какъ изъ туго-

натянутого лука, полетятъ въ цѣль.

22. И какъ изъ каменометнаго орудія съ яростью посыплется градъ; вознегодуетъ на нихъ вода морская, и рѣки свирѣпо потопятъ ихъ;

23. возстанетъ противъ нихъ духъ силы и какъ вихрь развѣетъ ихъ.

24. Такъ беззаконіе опустошитъ всю землю, и злодѣяніе ниспровергнетъ престолы сильныхъ.

тѣсную связь съ нравственными отношеніями разумныхъ существъ и общимъ нравственнымъ міропорядкомъ.

18 ст. Ср. Ис. LIX, 17—18.

19. „Святость“ (δσιότης)—нравственное совершенство, такое свойство, о которое разбивается всякая сила зла.

20. 20 ст. въ общей формѣ выражаетъ мысль о гнѣвномъ судѣ Божию надъ нечестивыми, которая въ слѣдующихъ 21—22 ст. раскрывается подробнѣе.

„Міръ ополчится съ нимъ“. Ср. 17 ст. и XVI, 17.

21. Сравненіе молніи, какъ орудія суда и гнѣва Божія, съ стрѣлами въ библіи не рѣдко. Ис. VII, 14; XVII, 15; CXLIH, 6; Аввак. III, 11.

22. Градъ и наводненіе также частыя въ библіи образы гнѣва Божія Ис. XXVIII, 2; Иезек. XIII, 11, 13; Апок. VIII, 7. XI, 19; XVI, 20).

23—24 ст. „Возстанетъ противъ нихъ духъ силы“. Нельзя разумѣть подъ духомъ силы бурю, ураганъ, потому что далѣе дѣйствіе этого духа сиды только сравнивается („какъ вихрь“) съ бурей. „Духъ силы“ — Духъ Божественнаго Всемогущества, по аяылогіи съ Ис. XI, 4; Іер. XV, 30.

„Такъ беззаконіе опустошитъ всю землю и злодѣяніе ниспровергнетъ престолы сильныхъ“.

Заключеніе ко всей предшествующей картинѣ. Изъ него мы ясно видимъ, что судъ Божій надъ нечестивыми и связанное съ нимъ торжество праведныхъ представляется писателемъ нѣмощными совершиться здѣсь на землѣ.

ГЛАВА 6-я.

1. Итакъ слушайте, цари, и разумѣйте, научитесь, судьи концовъ | земли!
2. Внимайте, обладатели множе-

VI.

1—11 Приглашеніе царей и правителей народовъ научиться премудрости, если они хотя бы избѣжать карающаго суда Божія. 12—21. При искренномъ желаніи, научиться премудрости легко, а результатъ этого наученія весьма важенъ: помимо др. благъ, премудрость приводитъ къ блаженному безсмертію. 22—27 Желаящимъ научиться писатель предлагаетъ отъ лица Соломона полное ученіе о премудрости.

Писатель въ томъ, что онъ сказалъ выше о будущей судьбѣ праведныхъ и нечестивыхъ, находитъ для себя побужденіе снова обратиться съ увѣщаніемъ къ тѣмъ самымъ владѣкамъ земныхъ, о которыхъ была рѣчь въ I, 1, выясняя имъ, насколько для нихъ необходимо пріобрѣтеніе мудрости, если они хотятъ избѣжать божественнаго наказанія (VI, 1,—8); поэтому онъ приглашаетъ ихъ внимательно отнестись къ его изложенію о мудрости (9—11).

1—2 ст. „Итакъ, слушайте, цари“... Подобное же обращеніе находимъ во II: онъ

ства и гордящиеся предъ народами!

3. Отъ Господа дана вамъ держава и сила отъ Вышняго, Который изслѣдуетъ ваши дѣла и испытаетъ намѣренія.

4. Ибо вы, будучи служителями Его царства, не судили справедливо, не соблюдали закона и не поступали по волѣ Божіей.

5. Страшно и скоро Онъ явится вамъ,— строго судъ надъ начальствующими,

6. ибо меньшія заслуживаетъ помилованіе, а сильныя сильно будутъ истязаны.

7. Господь всѣхъ не убоится лица и не устрашится величія, ибо Онъ сотворилъ и малаго и великаго и одинаково промышляетъ о всѣхъ;

8. но начальствующимъ предстоитъ строгое испытаніе

9. Итакъ къ вамъ, цари, слова мои, чтобы вы научились премудрости и не падали.

Пс. 10 ст. Выраженіе... „концы земли“, означаетъ прежде всего отдаленныя земли, а потомъ употребляется для обозначенія всего пространства земли. Это широкое обращеніе, конечно, не мѣшаетъ предположенію, что писатель имѣлъ въ виду прежде всего тѣхъ владыкъ и царей, подъ властью которыхъ были тогда евреи и если не называетъ ихъ прямо, то только потому, что не считаетъ это полезнымъ.

„Обладатели множества“... Въ соотвѣствіи съ послѣдующимъ „гордящіеся предъ народами“ слѣдуетъ разумѣть множество народовъ, подвластныхъ тогдашнимъ восточнымъ правителямъ.

3—4 Указываются основанія, почему правители земли должны обратить вниманіе на предлагаемыя имъ наставленія: 1) потому что они свою власть получили отъ Бога (3 ст.); 2) эту власть до сихъ поръ злоупотребляли и нарушали волю Вышняго (4 ст). Въ основаніи обонихъ стиховъ лежатъ теократическое воззрѣніе, что господство чужихъ народовъ и царей надъ израильтянами въ планѣ божественнаго міроуправленія является только средствомъ научить ихъ не гордиться своею силой, какъ собственною и не злоупотреблять ею; въ противномъ случаѣ Богъ ставитъ предѣлы ихъ власти 3 ст. ср. Рим. XIII, 1; Еккл. V, 7... „будучи служителями Его царства“... Вся вселенная разсматривается, какъ Царство Божіе, конечно, не въ узкомъ теократическомъ смыслѣ, въ какомъ только еврейскій народъ составлялъ Его царство, (III, 8), а въ смыслѣ вообще господства и власти Его надъ міромъ. Въ такомъ общемъ и нѣсколько отвлеченномъ значеніи слова „царство“ употреблено еще въ 20 стихѣ „не соблюдали закона“... Не Моисеева, разумѣется, а вообще основныя положенія права и справедливости.

5—6 ст. Указывается новое побужденіе „судьямъ земли“ послѣдовать наставленіямъ писателя въ томъ, что ихъ нарушенія права и справедливости не останутся безнаказанными, „скоро будетъ судъ надъ начальствующими“. На этомъ судѣ они будутъ судимы съ большею строгостью, чѣмъ люди „меньшіе“ ихъ по своему общественному значенію и власти.

7 ст. „Господь всѣхъ“... Такимъ названіемъ Богъ, вѣроятно, противопоставляется слабымъ земнымъ владыкамъ (VIII, 3). Въ Его могущество, далѣе, указывается основаніе для Его справедливости и безпристрастнаго суда.

„Онъ сотворилъ и малаго и великаго“... Малый и великій—люди разнаго званія и состоянія, какъ во Втор. I, 17; Ап. XIII, 16.

„Одинаково промышляетъ о всѣхъ“... Идея промышленія Божія въ мірѣ раскрыта писателемъ книги Премудрости Соломона широко (XII, 3; XIV, 3; XVII, 2; XI, 10, 24) и имѣетъ чисто религіозный характеръ. Богъ представляется, какъ всеобъемлющая, отечески заботящаяся о мірѣ любовь. Здѣсь такимъ образомъ писатель приводилъ своихъ читателей къ христіанскому міросозерпанію.

9 ст. Новое обращеніе къ царямъ „научиться премудрости“ послѣ доказательствъ необходимости этого. По контексту VI главы, понятіе „премудрости“ (σοφία) взято здѣсь у писателя въ религіозномъ и практическомъ значеніи (ср. 3, 4, 10, 17—20 ст.). Это есть умѣнье сообразовать свои поступки съ волей Божіей, благочестіе, добродѣтель.

10. Ибо свято хранящіе святое освятятся, и научившіеся тому найдут оправданіе.

11. Итакъ возжелайте словъ моихъ, полюбите и научитесь.

12. Премудрость свѣтла и неуводяща и легко созерцается любящими ее и обрѣтается ищущими ея;

13. она даже упреждаетъ желаю

щихъ познать ее.

14. Съ ранняго утра ищущій ея не утомится, ибо найдетъ ее сидящею у дверей своихъ.

15. Помышлять о ней есть уже совершенство разума, и бодрствующій ради ея скоро освободится отъ заботъ,

16. ибо она сама обходитъ и

Однако въ дальнѣйшемъ (VII, 17—20; VIII, 8) писатель указываетъ и теоретическій, интеллектуальный моментъ въ понятіи *σοφία*.

„*Не падали*“ означаетъ нравственное паденіе, грѣхи, какъ у ап. Павла Рим. XI, 11.

10 ст. Какъ въ предшествующихъ стихахъ писатель отрицательнымъ путемъ, страхомъ грядущаго суда, склонялъ къ слѣдованію за мудростью, такъ теперь (съ 10 ст. и далѣе) для той же цѣли указываетъ ея положительныя блага.

„*Хранящіе святое*“. т. е. законъ и волю Божию, о которыхъ была рѣчь въ 4-омъ ст.; „*найдутъ оправданіе*“... разумѣется на томъ судѣ Божіемъ, кото;ымъ угрожалъ писатель выше (5—6 ст.).

12 ст. Съ 12—16 ст. писатель проводитъ ту мысль, что подъ условіемъ искренняго стремленія къ мудрости нетрудно достигнуть ея; она идетъ навстрѣчу ищущему ея.

„*Премудрость свѣтла и неуводяща...*“ Первый эпитетъ можетъ значить или то, что премудрость легко достигается, ея свѣтъ идетъ навстрѣчу и освѣщаетъ путь къ ней; или по сравненію съ блескомъ драгоценнаго камня и металла, можетъ указывать на внутреннее достоинство премудрости (ср. Апок. XVIII, 14, 16). Второй предпакъ говорить о томъ, что обладаніе премудростью имѣетъ непреходящую цѣнность, въ противоположность скоро вянущему вѣнку, какимъ украшали побѣдителей на войнѣ (1 Пет. I, 4; V, 4).

„*Легко созерцается любящими ее и обрѣтается ищущими ея*“ (ср. I, 2, I, 1; IV, 10). Основаніе этой мысли въ томъ, что внутреннее духовное существо природы человѣка не чуждо премудрости.

13 ст. „*она даже упреждаетъ желающихъ познать ее*“. Стихъ этотъ усиливаетъ мысль предшествующаго: уже одно желаніе премудрости, хотя бы оно прористекало изъ неяснаго влеченія къ ней, является значительнымъ шагомъ къ ея дѣйствительному обладанію.

14 ст. 14-ый стихъ выражаетъ ту же мысль о легкости овладѣть премудростью, что и тринадцатый стихъ, только въ образной формѣ. Премудрость олицетворяется, какъ невѣста, или возлюбленная (см. VIII, 2), которая „*сидитъ у дверей*“ (Быт. IV, 7, Іак. V, 9) и ее не нужно долго искать.

15 ст. Ранѣе писатель говорилъ о томъ, что искреннее чувство приводитъ къ премудрости; теперь говорить о томъ, какое значеніе она имѣетъ для разума человѣческаго.

„*Помышленіе о ней есть уже совершенство разума*“... Разумъ (*φρόνησις*) берется у писателя, какъ способность мышленія, разсужденія. Отношеніе премудрости къ разуму опредѣляется въ книгѣ, какъ отношеніе высшаго къ низшему (VIII, 6). „*Разсудительность*“ — плодъ премудрости, одна изъ четырехъ главныхъ ея добродѣтелей (см. VII, 7). Поэтому устремленіе разума къ премудрости,—есть стремленіе его къ своему идеалу, своему совершенству. Тогда всѣ мнимыя блага земныя будутъ для человѣка ничто и онъ „*скоро освободится отъ заботы о нихъ*“.

16 ст. Писатель возвращаетъ къ мысли 13 и 14 стиховъ; „*обходитъ и ищетъ*“— олицетвореніе премудрости, какъ и въ книгѣ Притчей. VIII, 2—3.

„*Является имъ на путяхъ и при всякой мысли встрѣчается*“. Здѣсь мы имѣемъ глубокое противопоставленіе у писателя: слово „*пути*“ означаетъ дѣла, поступки человѣка, „*мысль*“—вообще внутреннее расположеніе, настроеніе.

ищетъ достойныхъ ея и благо-склонно является имъ на путяхъ, и при всякой мысли встрѣчается съ ними.

17. Начало ея есть искреннѣйшее желаніе ученія,

18. а забота объ ученіи — любовь, любовь же — храненіе законовъ ея, а наблюденіе законовъ — залогъ безсмертія.

19. а безсмертіе приближаетъ къ Богу;

20. поэтому желаніе премудрости возводитъ къ царству.

21. Итакъ, вѣдители народовъ, если вы услаждаетесь престолами и скипетрами, то почитайте премуд-

рость, чтобы вамъ царствовать во вѣки.

22. Что же есть премудрость, и какъ она произошла, я возвѣщу,

23. и не скрою отъ васъ тайнъ, но изслѣдую отъ начала рожденія,

24. и открою познаніе ея и не мину ю истины;

25. и не пойду вмѣстѣ съ истаевающимъ отъ зависти, ибо таковой не будетъ причастникомъ премудрости.

26. Множество мудрыхъ — спасеніе міру, и царь разумный — благо-состояніе народа.

27. Итакъ учитесь отъ словъ моихъ, и получите пользу.

17 — 21. Въ этомъ отдѣлѣ писатель сначала повторяетъ ранѣе высказанную мысль, что въ стремленіи къ премудрости — начало и условіе ея приобрѣтенія, а затѣмъ цѣлымъ рядомъ посредствующихъ посылокъ приходитъ къ заключенію, что премудрость приводитъ къ господству („царству“) въ истинномъ и собственномъ смыслѣ, т. е. къ высшему достоинству и блаженству въ будущей жизни. Это заключеніе онъ предлагаетъ вниманію вѣдителей народовъ, въ надеждѣ, что если они услаждаются временнымъ владычествомъ, то тѣмъ болѣе должны предпочесть премудрость, которая даетъ вѣчное царство.

„Наблюденіе законовъ — залогъ безсмертія...“ не тѣлеснаго, а духовнаго, въ блаженномъ общеніи съ Богомъ (см. Замѣч. къ I, 12 ст.).

22 — 25 ст. Съ этого мѣста писатель начинаетъ говорить отъ лица Соломона и высказываетъ намѣреніе говорить о происхожденіи и существѣ премудрости. Это намѣреніе онъ высказываетъ торжественно, цѣлымъ рядомъ сильныхъ выраженій и съ нѣкоторымъ полемическимъ оттѣнкомъ, какъ будто возражая противъ того направленія религіозной жизни и въ іудействѣ, и особенно въ Египтѣ, которое изъ религіозной истины дѣлало тайну („не скрою отъ васъ тайнъ“).

26 — 27 ст. Указывается на важное значеніе премудрости для общественнаго блага (ср. Прит. XI, 14) и изъ этого говорящій дѣлаетъ еще разъ призывъ послѣдовать его наставленіямъ.

ГЛАВА 7-я.

1. И я человекъ смертный, подобный всѣмъ, потомокъ первозданнаго земнороднаго.

2. И я въ утробѣ матерней образовался въ плоть въ десяти тысячное время, сгустившись въ крови отъ сѣмени мужа и услажденія, соединеннаго со сномъ.

3. И я родившись началъ дышать общимъ воздухомъ и ниспалъ на ту же землю, первый голосъ обнаружилъ плачемъ одинаково со всѣми,

4. вскормленъ въ пеленахъ и заботахъ,

5. ибо ни одинъ царь не имѣлъ инаго начала рожденія:

6. одинъ для всѣхъ входъ въ жизнь и одинаковый исходъ.

7. Посему я молился, и дарованъ мнѣ разумъ. я взывалъ, и сошелъ на меня духъ премудрости.

8. Я предпочелъ ее скипетрамъ и престоламъ и богатство почиталъ за ничто въ сравненіи съ нею;

9. драгоценнаго камня я не сравнилъ съ нею, потому что предъ нею все золото—ничтожный песокъ, а серебро—грязь въ сравненіи съ нею.

10. Я полюбилъ ее болѣе здоровья и красоты и избралъ ее предпочтительно предъ свѣтомъ, ибо свѣтъ ея неугасимъ.

VII.

1—6. Всякій человекъ по своей природѣ и происхожденію немощенъ, 7—потому онъ нуждается въ помощи Премудрости. 8—10.—Она для человека цѣннѣе всѣхъ благъ земныхъ, 11—12 ибо она ихъ виновница. 13—21.—Въ Премудрости неистощимое сокровище всякаго рода знанія для людей. 22—30. По своему существу и происхожденію Премудрость божественна.

Раскрытію ученія о Премудрости предшествуетъ рѣчь Соломона, устами котораго говоритъ писатель, о томъ, что онъ имѣлъ общее со всѣми людьми тѣлесное происхождение, чувствовалъ ту же самую беспомощность при рожденіи, что и всѣ люди и будетъ имѣть одинъ со всѣми конецъ—смерть. Такимъ началомъ писатель имѣлъ въ виду двоякую цѣль: 1) противопоставить смиреніе выдающагося и славнаго царя надменности тѣхъ властителей народовъ, къ которымъ онъ обращался въ предшествующихъ главахъ; 2) показать, что не знатное происхожденіе и не высокое общественное положеніе даетъ право на обладаніе мудростью, она есть даръ Божій и каждый человекъ ее можетъ получить, если просить о томъ Бога.

1—2 ст. Соломонъ вмѣстѣ со всѣми людьми имѣетъ общее физическое происхождение: „потомокъ первозданнаго земнороднаго“, т. е. Адама (Быт. II, 7; Сир. XVII, 1; 1 Кор. XV, 47). Даже способъ и образъ происхожденія одинъ и тотъ же (2 ст. ср. Іовъ X, 10; Пс. CXXXVIII, 18—15).

3—4 ст. При рожденіи онъ обнаружилъ ту же беспомощность, тѣ же потребности, что и всѣ. „Выраженіе ниспалъ на ту же землю“ сопоставляютъ съ 19—20 ст. VIII гл. и видятъ въ немъ намекъ на предсуществованіе душъ. Однако, хотя мысль о предсуществованіи душъ писателю книги Премудрости С. не чужда, въ данномъ мѣстѣ находить ее нельзя: контекстъ рѣчи говоритъ за то, что выраженіе „ниспалъ“ указываетъ только на образъ появленія человека изъ ложа матери.

5—6 ст. Указывается основаніе („ибо“) для предшествующаго. Соломонъ, хотя и царь, но не могъ имѣть никакихъ преимуществъ относительно своего физическаго происхожденія, потому что „одинъ для всѣхъ входъ въ жизни и одинаковый исходъ“ (смерть).

7—10 ст. Такъ какъ жизнь человѣческая весьма жалка и беспомощна, то Соло-

11. А вмѣстѣ съ нею пришли ко мнѣ всѣ блага и несмѣтное богатство чрезъ руки ея;

12. я радовался всему, потому что премудрость руководствовала ими, но я не зналъ, что она—виновница ихъ.

13. Безъ хитрости я научился, и безъ зависти преподаю, не скрываю богатства ея,

14. ибо она есть неистощимое сокровище для людей; пользуясь ею, они входятъ въ содружество съ Богомъ, посредствомъ даровъ ученія.

15. Только далъ бы мнѣ Богъ говорить по разумнѣю и достойно мыслить о дарованномъ, ибо Онъ есть руководитель къ мудрости и исправитель мудрыхъ.

16. Ибо въ рукъ Его и мы и слова

мои просилъ себѣ отъ Бога премудрости и когда получалъ ее, оцѣнилъ ее выше всѣхъ благъ земныхъ (ср. IX, 5—6 ст.; VIII, 21).

„*Сошелъ на меня духъ премудрости*“. Эти слова можно понимать двояко: или въ томъ смыслѣ, что Богъ просвѣтилъ естественный разумъ Соломона, въ такомъ случаѣ они будутъ значить тоже, что и выше стоящія слова: „даровалъ мнѣ разумъ“; или подъ духомъ премудрости нужно разумѣть особую божественную силу, воздействующую на духъ человѣка, и тогда сошествіе духа премудрости нужно понимать, какъ сверхъестественное благодатное воздействие. Последнее объясненіе заслуживаетъ предпочтенія, ибо во многихъ мѣстахъ своей книги писатель представляетъ Премудрость, какъ Божественную силу, какъ нѣчто объективное (I, 5; VII, 22).

Въ перечисленіи благъ земныхъ, сравнительно съ которыми предпочтается премудрость, у писателя замѣчается нѣкоторая послѣдовательность: сначала онъ указываетъ блага вѣщныя, которыя человѣкъ самъ можетъ создать—богатство, власть (8 и 9 ст.); а затѣмъ называетъ такія блага, которыя являются даромъ Творца: здоровье, красота, солнечный свѣтъ (10 ст.).

11—12. Вмѣстѣ съ премудростью пришли къ нему и тѣ земныя блага, которыми онъ пренебрегъ ради ея. Это его радовало, ибо премудрость учила его правильному пользованію ими, хотя онъ и не зналъ, что она ихъ виновница.

11 ст. очевидно воспроизводитъ исторію Соломона (см. 3 Цар. III, 13).

12 ст. „*Я не зналъ, что она—виновница ихъ*“. Пониманіе этихъ словъ представляетъ трудность потому, что писатель устами того же Соломона учить о премудрости, какъ Божественной силѣ, творящей міръ и управляющей имъ (22 ст.; VIII, 1, 5), поэтому ни тотъ, ни другой не могли не знать, что премудрость эта есть виновница всѣхъ земныхъ благъ, которыми пользуется человѣкъ. Здѣсь слово „виновница“ (γενητις) употреблено не въ значеніи первопривычн, а въ томъ смыслѣ, что слѣдованіе божественной премудрости ведетъ за собой, какъ естественное слѣдствіе, блага земныя. Этого Соломонъ, говоритъ писатель, не зналъ, когда рѣшалъ идти вслѣдъ премудрости, поэтому его рѣшеніе свободно отъ всякаго подозрѣнія въ корыстности.

13—14. Писатель повторяетъ высказанную имъ раньше (VI, 23—25) мысль, что онъ преподаетъ ученіе о мудрости со всею полнотою, ничего не скрывая, потому что ся богатства неистощимы (VIII, 18). Главное же сокровище премудрости въ томъ, что она приводитъ человѣка „въ содружество съ Богомъ“, т. е. въ тѣсное общеніе (ср. 27—28 ст.). Къ этому человѣкъ приходитъ „посредствомъ даровъ ученія“. Какіе это дары и какъ они приводятъ къ Богу, писатель сказалъ выше (VI, 17—19).

15. Чтобы преподавать совершенное ученіе премудрости, нужно имѣть о ней достойное ея представленіе („достойно мыслить о дарованномъ“) и умѣть передать свое разумнѣе премудрости точными словами („говорить по разумнѣю“). О томъ и другомъ царь Соломонъ, устами котораго говоритъ писатель книги, проситъ Бога, „ибо Онъ есть руководитель къ мудрости“.

16—21 ст. Описаніе человѣческой мудрости въ дѣлѣ ея объемѣ и отдѣльных частяхъ съ чисто теоретической стороны. Это описаніе напоминаетъ разсказъ 3-ей кн. Царствъ IV, 29—34 о мудрости Соломона. Изъ этого мѣста мы узнаемъ о цѣлѣ наукъ, которыя изучали образованные евреи въ послѣднія два столѣтія до Рожд. Хр. Науки

наши, и всякое разумѣніе и искусство дѣланія.

17. Самъ Онъ дароваль мнѣ неложное познаніе существующаго, чтобы познать устройство міра и дѣйствіе стихій,

18. начало, конецъ и средину времени, смѣны поворотовъ и перемѣны времянь,

19. круги годовъ и положеніе звѣздъ,

20. природу животныхъ и свойства звѣрей, стремленія вѣтровъ и мысли людей, различія растений и силы корней.

21. Позналь я все, и сокровенное и явное, ибо научила меня Премудрость, художница всего.

эти слѣдующія: хронологія, астрономія, зоологія, авгелологія (ученіе о духахъ), психологія, ботаника, форякологія и, по VIII, 8 ст. исторія и риторика. Этотъ подробный перечень наукъ писатель сдѣлалъ для того, чтобы показать, какое громадное богатство знаній мудрость человѣческая черпаетъ изъ неисощимаго источника Премудрости Божественной.

17 ст. „...*Неложное познаніе существующаго*“... (τὸν βῦτον ὑψῶσιν ἀψευδῆ). Это выраженіе нѣкоторые экзегеты объясняютъ изъ началъ платоновской философіи. Платонъ различалъ знаніе бытія чувственнаго, міра явленій, отъ знанія бытія безусловнаго и абсолютнаго, міра идей, τὰ βῦτα или τὸ βῦ. Думають, что и нашъ писатель выраженіемъ „τὸν βῦτον ὑψῶσιν“ показалъ, что онъ согласно Платону различаетъ между знаніемъ идей и знаніемъ явленій. Однако дальнѣйшая рѣчь писателя не оправдываетъ такого толкованія. Съ 18—20 ст. писатель говоритъ опредѣленно, изъ чего состоитъ „познаніе существующаго“. Указанія имъ науки ясно говорятъ, что онъ не вкладывалъ платоновскаго смысла въ выраженіи „τὸν βῦτον ὑψῶσιν“. „*Познаніе существующаго*“ это—знаніе всѣхъ явленій, которыя окружаютъ человѣка. Предикать „неложное“ называется только на основательность и совершенство этихъ знаній.

18—19. Говорится о познаніяхъ въ хронологіи и астрономіи.

„*Начало, конецъ и средину времянь*...“, т. е. познаніе мѣры и продолжительности времени вообще.

„*Смѣны поворотовъ и перемѣны времянь*...“ Разумѣются знанія движенія планетъ и связанныхъ съ нимъ измѣненія въ температурѣ воздуха, направленія вѣтровъ и др. атмосферическихъ явленій.

„*Круги года*...“ т. е. смѣны дня и ночи, мѣсяцевъ и времени года.

20 ст. Въ этомъ перечнѣ обращаетъ на себя вниманіе выраженіе „*стремленія вѣтровъ*“ (βλαί πνευμάτων). Трудно допустить, чтобы рѣчь здѣсь шла именно о вѣтрахъ, какъ переводить русскій текстъ и какъ понимали многіе экзегеты. Упомянутое о вѣтрахъ здѣсь было бы неумѣстно, такъ какъ въ этомъ стихѣ писатель не говоритъ о стихійныхъ явленіяхъ природы. Когда писатель дѣйствительно говоритъ о вѣтрахъ, онъ употребляетъ другое выраженіе: „βλαί ἀνέμων“. Наконецъ и самое главное, перечисленіе предметовъ въ 20 ст. дѣлается парами и каждая пара перечисляемыхъ предметовъ взята изъ одной и той же области: 1) „природа животныхъ и свойства звѣрей“, 2) „различія растений и силы корней“, только третья пара представляетъ странное сочетаніе: „стремленія вѣтровъ и мысли людей“. Соединяются предметы ничего общаго между собою не имѣющіе, тогда какъ слѣдовало бы ожидать сочетанія аналогичнаго съ предшествующими. Всѣ эти странности исчезнутъ, если мы греческое слово πνευμάτων будемъ переводить — „духовъ“. Значитъ предметомъ знанія въ этой парѣ указывается міръ духовъ и духовный міръ человѣка. Ученіе о духахъ, ихъ природѣ, вліяніи на судьбу человѣка занимало видное мѣсто въ міровоззрѣніи древняго человѣка.

21. Писатель дѣлаетъ заключеніе къ своему описанію объема человѣческой мудрости. Все богатое содержаніе ея человѣкъ получалъ отъ Премудрости Божіей, которая дѣйствуетъ во всемъ мірѣ, все образуетъ и приводитъ въ порядокъ, поэтому она — „*художница всего*“.

22—30 ст. Илагается ученіе о существѣ премудрости, ея происхожденіи и дѣятельности во вселенной.

22. Она есть духъ разумный, свя- чистый, ясный, невредительный, тый, едиnorodный, многочастный, благолюбивый, скорый, неударжи- тонкий, удобоподвижный, свѣтлый, мый,

22. 22 ст. съ предшествующимъ связанъ частницей γαρ. Эта связь указываетъ на то, что здѣсь дается основаніе предшествующему. Именно, писатель изображаетъ намъ Божественный духъ премудрости въ его мировой дѣятельности, чтобы показать, почему премудрость выше названа „художницей всего“ (21 ст) и почему она является источникомъ многоразличныхъ и всеобъемлющихъ знаній. Существо и дѣятельность премудрости ближе опредѣляется 21-мъ предикатомъ.

„Она есть духъ разумный“... Духомъ премудрость названа, какъ дѣйствующая и открывающаяся Божественная сила, существующая сама въ себѣ и являющаяся средоточіемъ различныхъ свойствъ и дѣятвй, ей непосредственно принадлежащихъ и далѣе писателемъ ей усвоенныхъ. Предикатъ „разумный“ σοφός, у Платона часто употребляется для обозначенія чисто духовнаго бытія. Принимая его въ этомъ смыслѣ, мы получимъ здѣсь ту мысль, что въ существѣ Божественной Премудрости, какъ дѣйствующей во вселенной силѣ, не должно мыслить ничего матеріальнаго. Но эта мысль дана уже въ понятіи „духъ“ и прилагательное σοφός при такомъ его пониманіи было бы тождественнымъ, поэтому лучше „πνεύμα σοφόν“ понимать въ значеніи σοφόν.

... „Святый“... — употреблено здѣсь въ томъ же значеніи, какъ и въ 1, 5 ст.

... „Едиnorodный, многочастный“... (μονογενής, πολυμερές). Первый предикатъ указываетъ на однородность природы, означаетъ простой, недѣлимый. „Многочастный“ же не означаетъ понятія противоположнаго предшествующему предикату, а значить то, что сила и дѣятельность Премудрости распространяется по всему міру, во всѣхъ его частяхъ, во всѣхъ областяхъ. Это свойство Премудрости раскрыто въ VIII, 1 ст. и у Ап. Павла 1 Кор. XII, 11.

... „Тонкий“... (λεπτός), ибо иначе премудрость не могла бы проникать весь міръ. Это слово слѣдуетъ понимать, какъ образно говорящее о духовности премудрости.

... „Удобоподвижный“... (εὐκίνητος). Это свойство можно разсматривать, какъ слѣдствіе предшествующаго. Подробнѣе оно раскрывается писателемъ въ 24 ст.

... „Свѣтлый, чистый, ясный“... Всѣ эти предикаты указываютъ на свѣтосвою природу Премудрости. Какой источникъ этого свѣта у Премудрости указываетъ 26 ст.

... „Невредительный“... (ἀπλήμαντος) — имѣетъ активное и пассивное значеніе. Въ первомъ случаѣ будетъ значить — никому не причиняющій вреда. Такой смыслъ очень скуденъ, поэтому лучше брать этотъ предикатъ въ пассивномъ значеніи: неповрежденный, нетронутый измѣненіями чувственнаго земнаго бытія, неизмѣняемый.

... „Скорый, неударжимый“... Предикаты означаютъ энергію Премудрости, какъ мірообразующей и міръ проникающей силы.

... „Благодѣтельный, человеколюбивый“... Оба предиката понимаются въ смыслѣ указанія на Божественную благодать, какъ единственное побужденіе къ творенію міра. Однако, сравнивая это мѣсто съ 1, 6 ст., съ большими основаніемъ здѣсь можно видѣть указаніе на отношеніе премудрости къ нравственному міру.

... „Твердый, непоколебимый“... Законы, устанавливаемые премудростью и въ мірѣ физическомъ, и въ мірѣ нравственномъ, неизмѣнны. Основаніе этой неизмѣняемости въ неизмѣняемости самой премудрости.

... „Спокойный, безпечальный“... Указывается на моментъ самодовлѣмости Премудрости

... „всевидящій“... см. 1, 6—10 ст.

... „Проникающій въ умы, чистые, тончайшіе души“... Этотъ предикатъ показываетъ, что премудрость управляетъ не только природой и людьми, но и міромъ высшихъ духовъ.

Что касается числа (21) предикатовъ, то экзегеты обращали вниманіе на то, что оно является произведеніемъ 3 и 7. Оба эти числа почитались у евреевъ за священныя (Числ. XIX, 12; Сир. XXV, 1; Зах. III, 9; 4 Цар. V, 10, IV, 35; Притч. IX, 1).

23. благодѣтельный, челоѡколюбивый, твердый, непоколебимый, спокойный, беззечальный, всевидящій и проникающій все умные, чистые, тончайшіе духи.

24. Ибо премудрость подвижнае всякаго движенія, и по чистотѣ своей сквозь все проходить и проникаетъ.

25. Она есть дыханіе силы Божіей и чистое изліаніе славы Вседержителя, посему ничто оскверненное не войдетъ въ нее.

26. Она есть отблескъ вѣчнаго

свѣта и чистое зеркало дѣйствія Божія и образъ благодсти Его.

27. Она—одна, но можетъ все и, пребывая въ самой себѣ, все обновляетъ, и переходя изъ рода въ родъ въ святая души, приготовляетъ друзей Божіихъ и пророковъ;

28. ибо Богъ ни кого не любитъ, кромѣ живущаго съ премудростью.

29. Она прекраснѣе солнца и превосходитъ сонма звѣздъ; въ сравненіи со свѣтомъ она выше;

30. ибо свѣтъ смѣняется ночью, а премудрости непревозмогаетъ злоба.

Поэтому весьма вѣроятно, что количество предикатовъ до 21-го было доведено писателемъ намѣренно, по крайней мѣрѣ многіе предикаты являются однозначными и ничего не прибавляютъ къ существу дѣла. Указать какой-либо порядокъ въ перечисленіи предикатовъ очень трудно и всѣ попытки экзегетовъ до сихъ поръ были безуспѣшны. Можно только сказать, что одни предикаты опредѣляютъ метафизическую природу духа премудрости, другіе нравственную; первые объясняютъ дѣйствіе премудрости въ мірѣ вообще, вторые—ея дѣйствія въ мірѣ разумныхъ существъ.

24—30 ст. Въ этомъ отдѣлѣ писатель опредѣляетъ и поясняетъ нѣкоторыя свойства Премудрости, о которыхъ онъ говорилъ въ двухъ предшествующихъ стихахъ.

24. Говорится о подвижности и всдѣриисутствіи Премудрости, въ поясненіе указанныхъ въ 22 ст. свойствъ ей: „духъ—удободвижный, тонкій, чистый“.

25. Основаніе указанныхъ выше свойствъ Премудрости лежатъ въ ея родствѣ и тѣсной связи съ Богомъ.

„Она есть дыханіе силы Божіей“... Подъ образомъ „дыханія“ въ Библии часто представляется творческая дѣятельность Божія (Пс. XXXII, 6; Іовъ XXXIII, 4; Сир. XXIV, 3). Поэтому названіе Премудрости „дыханіемъ силы Б...“ означаетъ то, что она непосредственная участница къ творенію

...„чистое изліаніе славы Вседержителя“... „Изліаніе“ (ἀπόρροα) слѣдуетъ ли понимать какъ поэтическое и образное выраженіе или въ собственномъ ямнанетномъ для Бога смыслѣ? Въ библии образъ изліанія часто употребляется для обозначенія полноты и изобилія даровъ Св. Духа (Іонъ III, 1; Ис. XXXII, 15; XLIV, 3; Зах. XII, 12; Прит. I, 23, Дѣян. II, 45; Тит. III, 11). Приятнѣе этотъ образъ въ данномъ случаѣ, получимъ ту мысль, что Богъ изливаетъ свою премудрость на все свои дѣла, отсюда выдвигая во всей вселенной Божественная Премудрость называется какъ нѣчто разливаемое или „изліанія“ отъ Бога, безъ всякаго отношенія этого выраженія къ ямнанетной жизни Божіей. Это объясненіе, вѣрное само по себѣ, къ контексту рѣчи менѣе подходитъ, чѣмъ то, которое опирается на буквальный пониманіи слова „изліаніе“. Писатель въ этомъ мѣстѣ (начиная съ 22 ст.) говоритъ о Премудрости, какъ разливающейся во всей вселенной Божественной силѣ, исходящей изъ существа Божія, поэтому вѣрнѣе предположить, что со словомъ „изліаніе“ онъ соединяетъ понятіе эманации „ничто оскверненное не войдетъ въ нее“ ср. I, 5 ст.

26. „Она есть отблескъ вѣчнаго свѣта“... Вѣчный свѣтомъ здѣсь названо Высшее существо, Богъ. Въ В. Зав. Онъ часто представляется въ этомъ образѣ (Ис. XV, 13; XXIV, 17; XXVI, 14; Іовъ XII, 12; Пс. XLIX, 2; LXXIX, 8. Іез. I, 29. Аввак. III, 3). „Отблескъ“—отраженіе. Божественная премудрость названа такъ потому, что въ ней отражаются Божественныя величіе и слава.

„Образъ благодсти Его“, ибо въ дѣлахъ премудрости проявляется Божественная благодсть.

27—30 ст. Указывается дѣйствіе Премудрости въ нравственномъ мірѣ: она при-

ГЛАВА 8-я.

1. Она быстро распространяется от одного конца до другого и все устрояет на пользу.

2. Я полюбилъ ее и разыскалъ отъ юности моея, и пожелалъ взять ее въ невѣсту себѣ и стать любителемъ красоты ея.

3. Она возвышаетъ свое благородство тѣмъ, что имѣетъ сожитіе съ

Богомъ, и Владыка всѣхъ возлюбилъ ее:

4. она таинница ума Божія и избирательница дѣлъ Его.

5. Если богатство есть вождельное приобрѣтеніе въ жизни, то что богаче премудрости, которая все дѣлаетъ?

готовляетъ посетителей добра (27-8) и успѣшно борется со зломъ: „злоба не превозмогаетъ ея“ (30 ст).

VIII.

1—2. Писатель отъ лица царя Соломона говоритъ, что онъ еще съ юности стремился къ мудрости: 3—4, по причинѣ ея внутренней близости къ Богу и 5—8, важнаго значенія вообще для жизни человѣка и 9—16 въ особенности для царя въ его управленіи народомъ. — 17—21, Зная что премудрость — даръ Божій, онъ обращается съ молитвой о дарованіи ея къ Богу.

2 ст. Псевдосоломонъ вновь (VII, 7) говоритъ о своей любви къ премудрости и своемъ ревностномъ стремленіи къ ней (ср. Сир. LI, 13—21). Аллегорія, которой писатель пользуется, означаетъ самую глубокою любовь къ мудрости и тѣснѣйшее единеніе съ ней. Эти отношенія къ мудрости побуждаютъ писателя далѣе снова говорить о ея преимуществахъ и значеніи. Понятія божественной и человѣческой мудрости у него въ этомъ разказѣ точно не разграничиваются: 1 ст. и 4 относятся къ первой, 2 и 5 только къ послѣдней, 3 ст. можно понимать въ отношеніи къ обоимъ.

3. „Она возвышаетъ (свое) благородство тѣмъ, что имѣетъ сожитіе съ Богомъ“... Русскій текстъ, вставивъ для поясненія мѣстоимѣніе „свое“, опредѣляетъ смыслъ этихъ словъ въ отношеніи къ премудрости, какъ свойству Божественному. Родство и близость („сожитіе—образъ взять изъ брачныхъ отношеній въ соотвѣтствіи съ предшествующимъ „невѣста“) премудрости къ Богу возвышаютъ ея внутреннее достоинство и значеніе. Нѣкоторые экзегеты выраженіе „возвышаетъ благородство“ относятъ къ человѣческому благородству, которое возвышается премудростью (разумѣя подъ нимъ связанная съ рожденіемъ премудроста). Но противъ земныхъ преимуществъ въ отношеніи къ премудрости писатель уже высказался (VII, 1—6), а затѣмъ ближайшій контекстъ болѣе благоприятствуетъ 1-му пониманію даннаго мѣста, наконецъ образъ „сожитіе“ то же говоритъ за то, что здѣсь рѣчь идетъ о премудрости, какъ внутреннемъ свойствѣ Божіемъ.

4. „Она таинница ума Божія“... „Таинница“, т. е. посвященная въ тайны Божіи, глубоко освѣдомленная во внутренней жизни Божіей („ума Божія“). „Избирательница дѣлъ Его“. Объясненіе этому выраженію даетъ 9 ст. IX гл. Премудрость выбираетъ между дѣлами Божіими, идея которыхъ находится въ умѣ Божіемъ, такія, которыя творческою волею должны быть осуществлены въ извѣстный моментъ. Такимъ образомъ это выраженіе значить: Богъ творить міръ премудростью.

5—8 ст. Премудрость является источникомъ драгоценныхъ для человѣческой жизни благъ, какъ вѣдѣныхъ, такъ и внутреннѣхъ. Эта мысль у писателя раскрыта въ четырехъ условныхъ предложеніяхъ.

5. Подъ „богатствомъ“ нѣкоторые экзегеты разумѣютъ здѣсь духовныя и моральныя блага. Но писатель на такой смыслъ не дѣлаетъ никакихъ указаній, между тѣмъ

6. Если же благоразуміе дѣлаеть *многое*, то какой художникъ лучше ея?

7. Если кто любитъ праведность, — плоды ея суть добродѣтели: она научаетъ цѣломудрію и разсудительности, справедливости и мужеству, полезныѣ которыхъ ничего нѣтъ

для людей въ жизни.

8. Если кто желаетъ большой опытности, мудрость знаетъ давно-прошедшее и угадываетъ будущее, знаетъ тонкости словъ и разрѣшеніе загадокъ, предузнаётъ знаменія и чюдеса и послѣдствія лѣтъ и временъ.

какъ выше (VII, 11—12) онъ уже сказалъ, что премудрость даетъ и матеріальныя блага. Послѣднія въ ея власти, ибо она художница и управительница вселенной, поэтому она выше и цѣняе ихъ всёхъ.

6. Если обыкновенное человеческое благоразуміе помогаетъ намъ въ достиженіи нашихъ цѣлей, то тѣмъ болѣе существенную пользу можетъ оказать намъ премудрость, сила и дѣятельность которой проявились въ образованіи и устройствѣ вселенной. Выраженіе „художникъ“ (*τεχνίτης*) взято здѣсь въ соотвѣтствіе съ тѣмъ, что премудрость изображается въ книгѣ, какъ художница.

7. Премудрость удовлетворяетъ стремленію человѣка къ праведности, ибо она источникъ всякой добродѣтели. Отъ нея происходятъ четыре главныхъ добродѣтели: цѣломудріе, разсудительность, справедливость и мужество. Это четырехчленное дѣленіе служить несомнѣннымъ доказательствомъ знакомства писателя съ греческой философіей. Такое дѣленіе добродѣтели впервые находимъ у Платона, потомъ у стоиковъ и позднѣе въ іудейско-александрійской философіи. Писатель книги премудрости С., нужно полагать, познакомился съ этимъ ученіемъ о добродѣтели изъ послѣдняго источника, а не непосредственно изъ Платона, съ которымъ онъ здѣсь расходится. У Платона главныхъ добродѣтелей считалось собственно три (разсудительность, мужество и цѣломудріе) въ соотвѣтствіе съ трехчастнымъ дѣленіемъ души, четвертая же, справедливость, разсматривалась не какъ особое свойство души, но какъ гармонія всей духовной жизни, когда каждая сила, способность свободно развиваются. Писатель книги Премудрости Соломона такого представленія о четырехъ добродѣтеляхъ не могъ имѣть уже потому одному, что онъ не раздѣлялъ платоновскаго взгляда о трехъ-частномъ дѣленіи души. Понятіе „справедливость“ у него употребляется въ двойномъ значеніи: въ началѣ стиха („праведность“ — *δικαιοσύνη*) какъ добродѣтель въ цѣломъ, а потомъ — какъ часть ея. Если первое приближается къ платоновскому пониманію, то второе отъ него значительно разнится: *δικαιοσύνη* означаетъ здѣсь справедливыя отношенія къ людямъ (ср. IX, 8).

8 ст. Премудрость объединяетъ въ себѣ множество разнообразныхъ званій. Мысль та же, что и въ VII, 14—21 ст., хотя тамъ названы болѣе физическіе и естественно историческіе предметы, здѣсь же рѣчь идетъ о такихъ познаніяхъ, которыя касаются человеческой жизни и отношеній.

„Если кто желаетъ большой опытности“... широкаго жизненнаго опыта (Сир. XXV, 5), который пріобрѣтается не только личнымъ переживаніемъ, но и знакомствомъ съ опытомъ, знаніями другихъ людей, тотъ пусть обратится къ мудрости, которая „знаетъ давно прошедшее и угадываетъ будущее“. Хорошее знаніе прошлой исторіи человечества и широкое знакомство съ настоящимъ даетъ возможность людямъ предугадывать и будущія событія.

„Тонкости словъ и разрѣшеніе загадокъ“. Подъ первымъ разумѣется покушеное составленныя рѣчи, затѣмъ притчи, подъ вторымъ — загадка въ собственномъ смыслѣ (Суд. XIV, 12). Ужъные разбираются во всемъ этомъ составляло необходимое качество восточнаго мудреца, знаніе, какъ извѣстно славился Соломонъ. (3 Цар. V, 12; Сир. XLVII, 15—17; Притч. I).

„Предузнаетъ знаменія и чюдеса“... Ср. X, 16 ст.

„Послѣдствія лѣтъ и временъ“..., слова имѣютъ тоже значеніе, что и предшествующее выраженіе „угадываетъ будущее“ (ср. Дѣян. I, 7; 1 Сол. V, 1).

9. Посему я разсудилъ принять ее въ сожитіе съ собою, зная, что она будетъ мнѣ совѣтницею на доброе и утѣшенемъ въ заботахъ и печали.

10. Черезъ нее я буду имѣть славу въ народѣ и честь предъ старѣйшими, будучи юношею;

11. окажусь проникательнымъ въ судѣ, и въ глазахъ сильныхъ заслужу удивленіе.

12. Когда я буду молчать,—они будутъ ожидать, и когда начну говорить,—будутъ внимать, и когда продлю бесѣду,—положатъ руку на уста свои.

13. Черезъ нее я достигну безсмертія и оставлю вѣчную память будущимъ послѣ меня.

14. Я буду управлять народами, и племена покорятся мнѣ;

15. убоятся меня, когда услышатъ

обо мнѣ страшные тираны; въ народѣ явлюсь добрымъ и на войнѣ мужественнымъ.

16. Вошедъ въ домъ свой, я успокоюсь ею, ибо въ обращеніи ея нѣтъ суровости, ни въ сожитіи съ нею скорби, но веселіе и радость.

17. Размышляя о себѣ самъ въ себѣ и обдумывая въ сердцѣ своемъ, что въ родствѣ съ премудростью—безсмертіе,

18. и въ дружествѣ съ нею—благое наслажденіе, и въ трудахъ рукъ ея—богатство неоскудѣвающее, и въ собесѣдованіи съ нею—разумъ, и въ общеніи словъ ея—добрая слава,—я ходилъ и искалъ, какъ бы мнѣ взять ее себѣ.

19. Я былъ отрокъ даровитый и душу получилъ добрую;

20. притомъ, будучи добрымъ, я вошелъ и въ тѣло чистое.

9—16 ст. Писатель до этого говорилъ о существѣ премудрости вообще. Теперь отъ лица царя Соломона онъ высказываетъ, какія надежды у него лично соединились съ приобретеніемъ премудрости. Черезъ нее онъ надѣялся обезпечить успѣхъ своей общественной дѣятельности (9—15) и счастье семейной жизни (16 ст.).

10 ст. ср. 3 Цар. V, 11, 14; X, 1, 6—7; Сир. IV, 13; XXXVIII, 24.

11 ст. ср. 3 Цар. III, 16—28.

12 ст. ср. Іов. XXIX, 9; XL, 4; Притч. XXX, 32.

13 ст. ср. I, 15; III, 4.

14—15 ст. Содержаніе этихъ стиховъ не соотвѣтствуетъ характеру исторической личности Соломона, который не былъ виновственнымъ царемъ и не покорялъ чужеземныхъ народовъ. Писатель очевидно идеализируетъ личность Соломона, онъ выводитъ его въ своемъ сочиненіи, какъ живого носителя мудрости, поэтому приписываетъ ему всѣ качества, какія должны быть въ такой идеальной личности.

17—18. По свойственной писателю манерѣ въ этихъ стихахъ онъ кратко повторяетъ широко раскрытую имъ выше мысль о значеніи мудрости и о своемъ желаніи ея приобретенія. „Размышляя о себѣ самъ въ себѣ и обдумывая въ сердцѣ своемъ (II, 21), что въ родствѣ съ премудростью—безсмертіе (см. 13 ст. VI, 17—20), и въ дружествѣ съ ней благое наслажденіе (см. 16 ст.) и въ трудахъ рукъ ея—богатство неоскудѣвающее (см. VII, 11; VIII, 5) и въ собесѣдованіи съ нею—разумъ (см. VI, 15; VII, 16; VIII, 6) и въ общеніи словъ ея—добрая слава (VIII, 10 ст.), я ходилъ и искалъ, какъ бы мнѣ взять ее“ (VII, 7, 8, 10; VI, 16).

19—20. Писатель указываетъ новый мотивъ своего стремленія къ приобретенію мудрости. До сихъ поръ онъ указывалъ основаніе къ этому объективное, въ существѣ премудрости, въ ея значеніи для человѣка; теперь указываетъ мотивъ субъективный, въ стремленіи къ мудрости всего лучшаго въ человѣческой природѣ. Это мѣсто стоитъ въ параллели съ VII, 1—7 ст. Какъ тамъ онъ училъ, что человѣкъ, если даже онъ родился въ наилучшихъ вѣншихъ условіяхъ, самъ по себѣ, безъ премудрости ничего не можетъ сдѣлать; такъ теперь онъ говоритъ, что даже при несомнѣнномъ природномъ стремленіи къ добру, онъ не можетъ обойтись безъ божественной помощи.

„Я былъ отрокъ даровитый и душу получилъ добрую...“ Эти два предложенія въ греческомъ текстѣ соединены связкой (καὶ ὅτι), которая часто употребляется для

21. Познавъ же, что иначе не могу | даръ,—я обратился къ Господу и
 овладѣть ею, какъ если даруетъ | молился Ему, и говорилъ отъ всего
 Богъ,—и что уже было дѣломъ ра- | сердца моего:
 зума, чтобы познать, чей этотъ

ГЛАВА 9-я.

1. Боже отцовъ и Господи мило- | шій человекъ, чтобы онъ владыче-
 сти, сотворившій все словомъ Тво- | ствовалъ надъ созданными Тобою
 имъ. | тварями
 2. и премудростью Твоею устрой- | 3. и управлялъ міромъ свято и

обозначенія поправки къ предшествующей мысли (см. Гал. IV, 9; Еф. IV, 28; V, 11; Рим. VIII, 34). Поэтому предикать „даровитый“ (εὐφυής) означаетъ здѣсь одаренный стремленіемъ къ добру. Выраженіе „душу получилъ добрую“ можетъ быть понято въ двухъ противоположныхъ смыслахъ: что тѣла образуются раньше, чѣмъ души, или обратно, души существуютъ раньше, чѣмъ онѣ начинаютъ жить въ тѣлахъ. Послѣдующія слова говорятъ въ пользу второго пониманія. „Будучи добрымъ“ (ἀγαθὸς ὄν), т. е. мое собственное я, моя душа уже была доброй, прежде чѣмъ вошла „въ тѣло чистое“, т. е. такое, въ которомъ власть чувственныхъ движеній не была столь сильной, чтобы могла заглушить стремленіе къ добродѣтели. Такимъ образомъ въ данномъ мѣстѣ содержится намекъ на ученіе о предсуществованіи душъ. Въ Ветхомъ Заветѣ нѣтъ никакихъ указаній на это ученіе; писатель книги Премудрости могъ заимствовать его только изъ Платоновской философіи. Однако ученіе о предсуществованіи душъ Платона у него значительно измѣнено. По Платону только согрѣшившія, падшія души посылаются въ тѣла; здѣсь онѣ ведутъ борьбу со всѣмъ тѣмъ зломъ, источникомъ котораго является тѣло и если одерживаютъ побѣду надъ низкими плотскими чувствами, то возвращаются по смерти въ свое первоначальное блаженное состояніе, если же подчиняются тѣлу—гибнутъ. У писателя книги Премудрости Соломона, напротивъ „добрая душа“ посылается въ тѣло и притомъ „тѣло чистое“. Значитъ ли это, что писатель не смотритъ на тѣло, какъ на источникъ зла? Отвѣтъ найдемъ въ IX, 15: „тлѣнное тѣло отягощаетъ душу, и эта земная хранина подавляетъ многозаботливый умъ“.

21 ст. Будучи хорошо одаренъ отъ природы, псевдо-Соломонъ тѣмъ не менѣе не считалъ возможнымъ достигнуть мудрости одними своими успліями. Онъ зналъ, что премудрость—есть даръ Божій и о немъ слѣдуетъ молиться. Дѣло естественнаго разума сказать—„чей это даръ“ и кому молиться.

IX.

Молитва отъ лица Соломона о ниспосланіи мудрости. 1—4. Исповѣданіе благости, всемогущества и мудрости Божіей и высокаго назначенія человекъ. 5—8. Указаніе личныхъ обстоятельствъ жизни. 9—19. Безъ премудрости человекъ не можетъ познать волю Божію и исполнить свое назначеніе.

1—4 ст. Вступленіе въ молитву Соломона. Писатель говоритъ о Божественной благости, всемогществѣ и мудрости и о высшемъ назначеніи человекъ.

1 ст. Въ обращеніи писатель выражаетъ ту мысль, что Богъ, вслѣдствіе своего отношенія къ Израилю („Боже отецъ“), по причинѣ Своей милости и въ силу Своего всемогущества захочетъ и можетъ надѣлать его мудростью.

2—3 ст. Приводится дальѣйшее основаніе, почему псевдо-Соломонъ надѣется на

справедливо, и въ правотѣ души производилъ судъ!

4. Даруй мнѣ присѣдѣющую престолу Твоему премудрость и не отринь меня отъ отроковъ Твоихъ,

5. ибо я рабъ Твой и сынъ рабы Твоей, человекъ немощный и кратковременный и слабый въ разумѣніи суда и законовъ.

6. Да хотя бы кто и совершенно былъ между сынами человеческими, безъ Твоей премудрости онъ будетъ признанъ за ничто.

7. Ты избралъ меня царемъ народа Твоего и судьбою сыновъ Твоихъ и дочерей;

8. Ты сказалъ, чтобъ я построилъ храмъ на святой горѣ Твоей и алтарь въ городѣ обитанія Твоего, но подобію святой скинии, которую Ты прудготовилъ отъ начала.

9. Съ Тобою премудрость, которая знаетъ дѣла Твои и присуца

была, когда Ты творилъ міръ, и вѣдаетъ, что угодно предъ очами Твоими и что право по заповѣдямъ Твоимъ:

10. ниспосли ее отъ святыхъ небесъ и отъ престола славы Твоей ниспосли ее, чтобы она споспѣшествовала мнѣ въ трудахъ моихъ, и чтобы я зналъ, что благоугодно предъ тобою;

11. ибо она все знаетъ и разумѣетъ и мудро будетъ руководить меня въ дѣлахъ моихъ, и сохранить меня въ своей славі;

11. и дѣла мои будутъ благопріятны, и буду судить народъ Твой справедливо и буду достойнымъ престола отца моего.

13. Ибо какой человекъ въ состояніи познать совѣтъ Божій? или кто можетъ уразумѣть, что угодно Господу?

исполненіе своей молитвы. Это основаніе—въ высокому назначеніи человекъ. Человекъ по самому устройству назначался Премудростью Божіею къ господству надъ природой и высокому управленію міромъ (Быт. II, 25; Пс. VIII, 7; Сир. XVII, 1). Такая его задача дѣлаетъ для него необходимымъ усвоеніе Премудрости Божіей.

...*„Управляя міромъ свято и справедливо...“* Оба эти понятія („Свято и справедливо“) въ Священномъ Писаніи часто соединяются вмѣстѣ (Лук. I, 75; Еф. IV, 24); первое означаетъ устремленіе души къ Богу, второе опредѣляетъ должныя отношенія къ ближнимъ.

4. *„Даруй мнѣ присѣдѣющую престолу Твоему премудрость...“* Поэтическое олицетвореніе Премудрости, какъ и выше (VI, 14).

„Не отринь меня отъ отроковъ Твоихъ“ ср. II, 13 ст.

5—8 ст. Царь мотивируетъ свою просьбу обстоятельствами личной жизни, причемъ въ 5—6 ст. онъ указываетъ на свою природную слабость, общую у него со всеми прочими людьми, а 7—8 ст. на высокое назначеніе, данное ему отъ Бога: 1) быть царемъ Израиля (7) а 2) построить храмъ.

9—12. Выполненіе свое высокое назначеніе царь можетъ только при помощи Премудрости, какъ Божественной силы, поэтому онъ проситъ Бога ниспослать ее отъ Святыхъ небесъ.

9 ст. *„Премудрость... знаетъ дѣла Твои...“* (см. VIII, 4); *„присуца (парбса) была, когда Ты творилъ міръ“*. Здѣсь мысль не объ одномъ только присутствіи премудрости при твореніи, но и объ участіи въ твореніи (ср. Притч. III, 19; VIII, 22).

10. *„Ниспосли ее отъ святыхъ небесъ...“* Небо называется святымъ, какъ мѣсто присутствія Божества. Однако, если здѣсь Богъ съ премудростью представляется обитающимъ на небѣ, то въ другихъ мѣстахъ нашей книги идея вседѣйствія Божества выражена весьма опредѣленно (см. I, 7; VII, 22); изъ этого слѣдуетъ, что слово „небо“ нельзя здѣсь брать въ буквальномъ и топографическомъ смыслѣ, а представлять слѣдуетъ символически, какъ сверхчувственный безконечный міръ.

„Отъ престола славы твоя ниспосли...“ „Престолъ славы“ — образъ величія Божія.

13—17. Молящійся снова возвращается къ своей личности и даетъ своимъ мы-

14. Помышленія смертныхъ не-тверды, и мысли наши ошибочны.

15. ибо тлѣнное тѣло отягощаетъ душу, и эта земная хранина подавляетъ многозаботливый умъ.

16. Мы едва можемъ постигать и то, что на землѣ, и съ трудомъ понимаемъ то, что подъ руками, а что на небесахъ—кто изслѣдовалъ?

17. Волю же Твою кто позналъ бы, еслибы Ты не даровалъ премудрости и не ниспослалъ свыше святаго Твоего Духа?

18. Итакъ исправились пути живущихъ на землѣ, и люди научились тому, что угодно Тебѣ,

19. и спаслись премудростью.

слятъ общее направленіе. Въ то время, какъ до сихъ поръ онъ говорилъ относительно своего назначенія, какъ царя, теперь онъ говоритъ о себѣ, какъ о человѣкѣ вообще, что безъ мудрости для него невозможно познание божественной воли, и причину этого указываетъ (15 ст.) въ зависимости человеческого духа отъ матеріальнаго тѣла.

13 ст. Ср. Ис. XL. 13; Іудиф. VIII. 13, 14; Рим. XI. 34; 2 Кор. III. 5.

15. „Тлѣнное тѣло отягощаетъ душу“. Прилагательное „тлѣнный“ (φθαρτός), какииъ здѣсь названо тѣло, по своему значенію близко подходитъ къ понятію матеріальный, земной, отсюда скоропреходящій, бранный.

„Эта земная хранина подавляетъ многозаботливый умъ“. Сравненіе тѣла съ храниной часто встрѣчается въ Св. Писаніи (Іов. IV, 19; Ис. XXXVIII, 12; 2 Кор. V, 4; 2 Петр. I, 13), весьма употребительно оно было и у древнихъ философовъ: пифагорейцевъ и неоплатониковъ. У евреевъ этотъ образъ указывалъ только на непостоянство и бренность настоящаго; у греческихъ философовъ, у нашего писателя и у Филона это сравненіе содержало еще въ себѣ указаніе на истинную жизнь души человѣка до соединенія съ тѣломъ, въ сравненіи съ которой настоящая жизнь есть только временное обитаніе въ земной „храминѣ“. Условія жизни души въ этомъ мірѣ неблагоприятны для нея. Тлѣнное тѣло, въ которое она вошла, подавляетъ ея стремленія къ небесному и божественному. Какъ нѣкая тяжесть, тѣло увлекаетъ душу долу, къ землѣ; какъ темница, „земная хранина“ эта стѣсняетъ и огранчиваетъ умственный взоръ человѣка областью тлѣннаго.

16 ст. Выраженіе „то, что подъ руками“ означаетъ непосредственную близость (XIX, 3) и отсюда доступность и легкость познанія предмета.

„Мы едва можемъ постигать и то, что на землѣ. а что на небесахъ—кто изслѣдовалъ“. Говоритъ-ли здѣсь писатель о непостижимости сверхчувственного міра, или у него рѣчь только о неизвѣстности для человѣка предопредѣленія Божія о немъ? Въ пользу послѣдняго толкованія говорить 13 и 17 ст. этой главы. Подобная мысль выражена въ ев. Іоанна III, 12.

17 ст. Стихъ этотъ устанавливаетъ тожество Премудрости и Духа Божія (ср. I, 5; VII, 7--22). Однако на основаніи даннаго мѣста, какъ и указанныхъ параллельныхъ, нельзя сказать съ точностью, представлялъ ли писатель нашей книги Божественную премудрость личнымъ существомъ, или же разумѣлъ подъ ней Божественную духовную силу, ибо въ нѣкоторыхъ мѣстахъ книги понятіе о ней переходитъ въ понятіе о свойствахъ и дѣйствіяхъ Божиихъ въ мірѣ и человѣкѣ.

18—19. Здѣсь очевидно конецъ молитвы, такъ какъ въ слѣдующей главѣ о Богѣ говорится уже въ третьемъ лицѣ (X, 5 и 10 ст.).

ГЛАВА 10-я.

1. Она сохранила первоизданнаго отца міра, который сотворенъ былъ одинъ, и спасала его отъ собствен-	наго его паденія: 2. она дала ему силу владычествовать надъ всѣмъ.
--	---

X.

1—2. Съ самыхъ первыхъ вѣремъ существованія человѣка премудрость создавала его благополучіе и счастье, а отступленія отъ нея вели къ погибели: примѣры— Адама, 3 Каина, 4 Ноя, 5 Авраама, 6—8 Лота и содомлянъ, 9—12 Иакова, 13—14 Иосифа, 15—21 Еврейскаго народа, выводимаго изъ рабства Моисеемъ и египтянъ.

10-ая глава содержитъ въ себѣ рядъ отдѣльныхъ примѣровъ изъ древнѣйшей исторіи, начиная съ Адама и до выхода евреевъ изъ Египта, которыми писатель доказываетъ, что премудрость всегда давала людямъ благо, а презрѣніе ея влекло за собой печальныя послѣдствія. Премудрость является здѣсь, какъ руководящая и помощующая божественная сила, какъ посредница между Богомъ и Израилемъ. Однако при этомъ понятіе Божественной и человѣческой мудрости писатель часто объединяетъ до такой степени, что не всегда можно различить, какое изъ нихъ преобладаетъ; существа дѣла это не мѣняется, потому что человѣческая мудрость, по мысли писателя, происходитъ отъ Божественной и въ ней имѣетъ свое постоянное основаніе. Понятіе о Божественной премудрости писателемъ иногда расширяется до понятія провидѣнія вообще, а мудрость человѣческая у него является синонимомъ благочестія и познанія Божественной воли.

1—2. Приводится примѣръ Адама, который называется „первоизданнѣмъ отцомъ міра“. „Отецъ міра“ выражаетъ мысль о томъ, что Адамъ былъ родоначальникомъ всего человѣчества; прилагательное „первоизданнѣй“ (VII, I) опредѣляетъ происхожденіе перваго человѣка, указываетъ на исторію творенія человѣка (Быт., I, 26, 27, II, 7—8).

... „Сотворенъ былъ одинъ“... Часто объясняютъ это выраженіе въ томъ смыслѣ, что только одинъ первый человѣкъ былъ въ собственномъ смыслѣ твореніемъ Божиимъ, поэтому напримѣръ въ Ев. Луки онъ называется (сыномъ) „Божіимъ“ (III 38). Другихъ сотворенныхъ вѣствъ съ Адамомъ или впоследствии людей не было, всѣ остальные люди произошли отъ Адама. Такимъ образомъ здѣсь дается мысль о единствѣ человѣческаго рода. Другое толкованіе, болѣе отвѣчающее контексту рѣчи, то, что сотворенный Адамъ былъ одинъ, никакого другое подобное ему существо не могло оказать ему помощи, лишенный человѣческаго сотрудинчества, онъ былъ беззащитенъ, однако первый человѣкъ не погибъ, ибо на стражѣ стояла Божественная премудрость. „Она... спасла его отъ собственнаго его паденія“.

Приведенныя слова писателя книги Премудрости нельзя понимать, какъ отрицаніе разсказа кн. Бытія о грѣхопадѣніи Адама, ибо въ другихъ мѣстахъ своей книги онъ этотъ разсказъ признаетъ. (II, 24). Здѣсь можно видѣть ту мысль, что премудрость, воздѣйствуя на перваго человѣка, привела его къ раскаянію, которое спасло его отъ дальнѣйшаго паденія. Хотя мѣнѣе о раскаяніи Адама не встрѣчается для себя подтвержденія въ кн. Бытія, однако у раввиновъ оно встрѣчается не рѣдко и могло быть раздѣлѣно писателемъ книги Премудрости.

„Она дала ему силу владычествовать надъ всѣмъ“. Ср. Быт. I, 28. Подъ премудростью здѣсь съ одинаковымъ правомъ можно разумѣть и міротворящую Божествен-

3. А отступившіи отъ нея неправедный во гнѣвъ своемъ погибъ отъ братоубійственной ярости.

4. Ради его потопляемую землю опять премудрость спасла, сохранивши праведника посредствомъ малаго дерева.

5. Она же между народами, смѣшанными въ единомыслии зла, нашла праведника и соблюла его неукоризненнымъ предъ Богомъ, и сохранила мужественнымъ въ жалости къ сыну.

ную силу (какъ въ 2 ст. IX гл.) и данный человѣку, предпочтительно предъ всей неразумной природой, разумъ—необходимое условіе его владычествованія.

3 ст. Приводится примѣръ Каина (Быт. IV, 1—17 ст.), показывающей, къ чему приводитъ удаленіе отъ премудрости.

... „отступившій отъ нея неправедный во гнѣвъ своемъ“... Гнѣвъ, зависть, злоба—чувства несомѣстимыя съ премудростью (VI, 25; Іак. III, 14, 15), поэтому, кто предается имъ, тотъ отступаетъ отъ нея,—какъ отступилъ отъ премудрости Каинъ.

... „погибъ отъ братоубійственной ярости“. Въ книгѣ Бытія говорится, что наказаніемъ за братоубійство Каину была не смерть (IV, 15), а изгнаніе и скитальничество. Поднѣйшее равнинское преданіе говоритъ, что Каинъ погибъ отъ несчастнаго случая во время охоты и въ этомъ равнины видятъ Божественный судъ за его братоубійство. Если не видѣть въ приведенныхъ словахъ воспроизведеніе указаннаго равнинскаго преданія, то слѣдуетъ ихъ понимать въ духовномъ смыслѣ, именно: злоба, съ которой Каинъ возсталъ на своего брата, терзала потомъ внутренно его самого.

4 ст. Примѣръ Ноя. Быт. VI, 11—VIII, 19 ст. „Ради его потопляемую землю“... Писатель устанавливаетъ связь между дѣломъ Каина и потопомъ. Въ какомъ видѣ ему представляется эта связь, онъ опредѣленно не указываетъ; можетъ быть такъ, что злоба Каина, въ его потомствѣ все болѣе и болѣе развившаяся, привела къ тому всеобщему развращенію людей, которое послужило причиной потопа (Быт. VI, 1—7).

... „сохранивши праведника посредствомъ малаго дерева“. Предикать *δικαιοσύνη* (=праведникъ) здѣсь означаетъ Ноя, въ 5 ст.—Авраама, въ 6 Лота, въ 10—Іакова, въ 13—Іосифа и въ 20 ст., XII, 9, XVI, 23, XVIII, 20—весь израильскій народъ. Эта особенность, что писатель, рассказывая о библейскихъ событіяхъ, не называетъ по имени лицъ, говоритъ о томъ, что онъ предполагалъ въ своихъ читателяхъ хорошее знакомство съ библейскимъ повѣствованіемъ, слѣдовательно назначалъ свою книгу прежде всего читателямъ изъ евреевъ. Цѣль такого приѣма—выдвинуть на первый планъ идею, иллюстрируемую историческими фактами, и не отвлекать вниманіе читателя историческими подробностями.

Выраженіе „*посредствомъ малаго дерева*“ очевидно означаетъ у писателя ковчегъ (ср. XIV ст.), въ которомъ спасся Ной (Быт. VI, 1—14). Вѣроятно писатель хотѣлъ этими словами выразить ту мысль, что ковчегъ, не смотря на его величїю, все же былъ ничтоженъ въ сравненіи съ чрезвычайнымъ потопомъ и потому безъ высшей помощи Божіей Ной спасенъ не могъ. Его, какъ и всю землю „*спасла премудрость*“, Божественное Провидѣніе, ср. XIV, 3 и 5 ст.

5 ст. Примѣръ Авраама. Мысль у писателя такая: какъ не трудно было найти праведника среди всеобщаго развращенія, премудрость нашла его въ лицѣ Авраама и не только нашла, но и „*соблюла его неукоризненнымъ предъ Богомъ*“. О всеобщемъ развращеніи народовъ во времена Авраама кн. Бытія намъ ничего не рассказываетъ, но изъ факта всеобщаго господства идолопоклонства въ то время (Іис. Нав. XXIV, 2) писатель могъ вывести мысль о всеобщей нравственной распущенности, какъ естественномъ слѣдствіи (ср. XIV, 21—31 ст.).

... „*сохранила мужественнымъ въ жалости къ сыну*“. Здѣсь очевидно намекъ на рассказъ XXII гл. кн. Бытія объ искушеніи Авраама повелѣніемъ Божиимъ привести въ жертву Исаака. Авраамъ сохранилъ мужество (одну изъ главныхъ добродѣтелей мудрости, см. VIII, 7) въ этомъ испытаніи, не поддавшись естественному чувству жалости къ сыну.

6. Она во время погибели нечестивых спасла праведнаго, который избѣжалъ огня, нисшедшаго на пять городовъ,

7. отъ которыхъ во свидѣтельство нечестія осталась дымящаяся пустая земля и растенія, не въ свое время приносящія плоды, и памятникомъ невѣрной души—стоящій со-

ляной столбъ.

8. Ибо они, презрѣвши премудрость, не только повредили себѣ тѣмъ, что не познали добра, но и оставили живущимъ память о своемъ безуміи, дабы не могли скрыть того, въ чемъ заблудили.

9. Премудрость же спасла отъ бѣды служащихъ ей.

6—8 ст. Спасеніе Лота премудростью. Страшный примѣръ наказанія за нечестіе жителей Пентаполя. См. Быт. XIX гл., ср. 2 Петр. II, 7.

... „избѣжалъ огня, нисшедшаго на пять городовъ“. О гибели Содома и Гоморры см. объяснительное замѣчаніе къ 24—25 ст. XIX гл. кн. Бытія. Толковая Библия т. I стр. 124.

Города, составлявшіе Пентаполь, перечислены въ XIV гл. 2 ст. кн. Бытія, именно: Содомъ, Гоморра, Ада, Севоямъ и Сигоръ. Писатель кн. Премудрости не точно говорить здѣсь о гибели „пяти городовъ“, такъ какъ по книгѣ Бытія XIX гл. и Вт. XXIX: 23, погибли только первые четыре города, а Сигоръ остался цѣлымъ. (См. Ис. XV, 5; Іер. XLVIII, 34).

... „отъ которыхъ во свидѣтельство нечестія осталась дымящаяся пустая земля“... Говорится о состояніи долины Сиддимъ послѣ содомской катастрофы. Писатель ничего не говоритъ о соленомъ морѣ, которое, по общепринятому мнѣнію (Быт. XIV, 3), вслѣдствіе прошедшаго пониженія почвы, затопило долину Сиддимъ; по его свидѣтельству на мѣстѣ погбишихъ пяти городовъ осталась дымящаяся пустыня. Это показаніе кн. Премудрости С. находится въ согласіи съ 28 ст. XIX кн. Бытія, передающемъ о томъ, что видѣлъ Авраамъ, когда наблюдалъ надъ мѣстомъ катастрофы; согласны съ кн. Премудрости С. и древніе писатели (напр. Филонъ. De vita Mos. II стр. 143. De Abraham. стр. 21). По ихъ мнѣнію долина Сиддимъ представляла дымящуюся пустыню вслѣдствіе вулканическаго свойства и смолисто-сѣрнаго состава почвы.

... „растенія, не въ свое время приносящія плоды“... Предполагаютъ, рѣчь идетъ о томъ, что въ долинѣ Сиддимъ, вслѣдствіе вулканическаго состоянія почвы, плоды созрѣвали раньше обычнаго времени, при чемъ они не успѣвали вполне развиваться и отъ сильнаго зноя высыхали. Можетъ быть писатель говоритъ здѣсь о такъ называемомъ содомскомъ яблокѣ, которое, по обычному представленію, имѣло красный, румяный видъ, но когда его раздавливали, разлеталось въ черную пыль. Объ этомъ плодѣ говорятъ древніе писатели (Іосиф. Фл. Іудейская война, IV, стр. 300; Тац. Исторія, V, 7).

... „памятникомъ невѣрной души—стоящій соляной столбъ“. Этими словами безъ сомнѣнія указывается на рассказъ кн. Бытія о женѣ Лота (Быт. XIX, 26). Нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что писатель кн. Бытія, равно какъ и кн. Премудрости С., передавая объ этомъ событіи, представляютъ его чудомъ; поэтому всѣ естественныя объясненія этого событія, а ихъ предлагается много, не будутъ отвѣчать характеру преданія. Судьба городовъ Пентаполя въ св. Писаніи осталась часто употребляемымъ образомъ совершеннѣйшей гибели и страшнаго наказанія: Вт. XXIX, 23; Ис. I, 9; XIII, 19; XXIII, 14; Іер. XLIX, 18; Л. 40; LVIII, 38; Іез. XVI, 50. Ос. XI, 8; Зах. II, 9. Мѣ. X, 15; XI, 23; Рян. IX, 29; Іуд. 7 ст.; 2 Петр. II, 6.

8. Прячина гибели жителей пяти городовъ указывается въ томъ, что они „презрѣвши премудрость... не познавъ добра...“ Премудрость въ данномъ случаѣ писатель отождествляетъ съ добродѣтелью, благочестіемъ. Удаленіе отъ благочестивой жизни онъ называетъ безуміемъ. Памятникомъ этого безумія жителей Пентаполя въ назиданіе послѣдующихъ поколѣній было печальное состояніе долины Сиддимъ. Такимъ образомъ грозныя бѣдствія имѣютъ благую провиденціальную цѣль.

9. Въ этомъ стихѣ писатель дѣлаетъ переходъ къ слѣдующимъ примѣрамъ въ формѣ противопоставленія.

10. Праведнаго, бѣжавшаго отъ братаго гнѣва, она наставляла на правыя пути, показала ему царство Божіе и даровала ему познаніе святыхъ, помогала ему въ огорченіяхъ и обильно вознаградила труды его.

11. Когда изъ корыстолюбія обижали его, она предстала и обогатила его,

12. сохранила его отъ враговъ и обезопасила отъ коварствовавшихъ противъ него, и въ крѣпкой борьбѣ доставила ему побѣду, дабы онъ

зналъ, что благочестіе всего сильнѣе. 13. Она не оставила проданнаго праведника, но спасла его отъ грѣха:

14. она нисходила съ нимъ въ ровъ и не оставляла его въ узахъ, и потомъ принесла ему скипетръ царства и власть надъ угнетавшими его, показала лжецами обвинявшихъ его и даровала ему вѣчную славу.

15. Она освободила святой народъ и непорочное сѣмя отъ народа угнетавшихъ его,

10—11. Примѣръ Іакова. „*Праведнаго, бѣжавшаго отъ братаго гнѣва...*“ — указаніе на бѣгство Іакова отъ Исава въ Месопотамію (Быт. XXVII, 43), „...*показала ему царство Божіе*“... Эти слова относятся къ видѣнію Іаковомъ таинственной дѣятели (Быт. XXVIII, 12, 13, 17). „Царство Божіе“ — міръ ангельскій.

... „*даровала ему познаніе святыхъ...*“, т. е. ангеловъ (ср. V, 5), или вообще сверхъчужденнаго міра (IX, 10, Притч. XXX, 8);

... „*помогала ему въ огорченіяхъ и обильно вознаграждала труды его*“. Разумѣются тѣ огорченія, которыя терпѣлъ Іаковъ отъ Лавана и на которыя онъ самъ жаловался (Быт. XXXI, 39—42). Лаванъ былъ къ нему несправедливъ, неоднократно мѣнялъ условія платы за его труды („изъ корыстолюбія обижали его“) и несмотря на все это, вопреки желанію Лавана, Іаковъ разбогатѣлъ у него (Быт. XXX, 43; XXXI, 7). Въ этомъ Іаковъ видѣлъ дѣло Божіе (Быт. XXXI, 9—12), писатель нашей книги называетъ это дѣломъ премудрости: „...она предстала и обогатила его“ (Іакова) (Ср. VII, II ст.).

12. Первая половинна стиха одинаково можетъ быть отвесена и къ преслѣдованію Іакова Лаваномъ (Быт. XXXI, 23) и къ его боязни при возвращеніи въ Ханаанъ нападенія Исава (Быт. XXXII, 7—8);

... „*въ крѣпкой борьбѣ доставила ему побѣду...*“ Слова относятся къ борьбѣ Іакова съ Богомъ (Быт. XXXII, 24, 28, 30; Ос. XII, 3—4). Этотъ библейскій рассказъ писатель ки. Премудрости понимаетъ какъ символъ того, что „благочестіе всего сильнѣе“, что для надѣющагося на Бога ничто не страшно. Мысль отвѣчающая 28 ст. XXXII гл. кн. Бытія.

13—14. Примѣръ Іосифа, „*проданнаго праведника*“ (Быт. XXXVII, 25—28), котораго премудрость „*спасла отъ грѣха*“, разумѣется искушеніе жены Потифара (Быт. XXXIX, 7—12). „*Она нисходила съ нимъ въ ровъ и не оставила его въ узахъ...*“ Богъ спасъ Іосифа и изъ сухого колодца, куда его бросили на голодную смерть братья (Быт. XXXVII, 22) и изъ египетской тюрьмы (Быт. XXXIX, 20, 21); „*принесла ему скипетръ царства...*“ ср. Быт. XLII, 39—40 ст.

... „*показала лжецами обвинявшихъ его...*“ — разумѣется клевета жены Потифара (Быт. XXXIX, 14—18);

... „*даровала ему вѣчную память...*“ — безсмертная память въ потомствѣ (ср. IV, 1; VIII, 13).

15—21. Въ этомъ отдѣлѣ говорится объ участіи Божественной Премудрости въ освобожденіи израильскаго народа отъ египетскаго рабства.

15. Названіе народа еврейскаго „свѣтъ народомъ“ и „непорочнымъ сѣменемъ“ не соответствуетъ дѣйствительному состоянію его во время исхода изъ Египта (Іезек. XX, 8; XXIII, 3). Непостоянство въ религіи, склонность къ ядопоклонству, малодушіе и ропотъ исторически болѣе вѣрно характеризуютъ евреевъ въ моментъ исхода. Писатель ки. Премудрости беретъ не эту историческую сторону, а идеальную, какиъ долженъ быть

16. вошла въ душу служителя Господня и противостала страшнымъ царямъ чудесами и знаменіями.

17. Она воздала святымъ награду за труды ихъ, вела ихъ путемъ дивнымъ; и днемъ была имъ покровомъ, а ночью— звѣзднымъ свѣтомъ.

18. Она перевела ихъ чрезъ Чермное море и провела ихъ сквозь большую воду,

19. а враговъ ихъ потопила и извергла ихъ изъ глубины бездны.

20. Итакъ праведные завладѣли доспѣхами нечестивыхъ и воспѣли святое имя Твое, Господи, и единодушно прославили поборающую руку Твою;

21. ибо премудрость отверзла уста нѣмыхъ и сдѣлала внятными языки младенцевъ.

еврейскій народъ, какое его названіе (Исх. XIX, 16; Вт. XXVI, 18—19). Названіе евреевъ быть народомъ святымъ и уже по одному этому они удостоиваются милостиваго попеченія о нихъ Премудрости Божіей.

16. (Премудрость) „*вошла въ душу служителя Господня*“... Рѣчь о Моисеѣ, который такимъ именемъ называется еще въ посланіи къ Евр. III, 5. Входя въ душу Моисея, Премудрость исполняетъ одну изъ своихъ задачъ: „переходя изъ рода въ родъ, въ святыхъ душъ, готовить друзей божіихъ и пророковъ“ (VII, 27).

... „*противостала страшнымъ царямъ чудесами и знаменіями*“. Говорится о казняхъ египетскихъ, которыми премудрость освободила евреевъ изъ рабства (Исх. VII, 10;—XI; XII, 29—30). О премудрости, какъ силѣ чудодѣйственной, устрашающей тирановъ, писатель говорилъ выше (VIII, 8, 15).

17. „*Она воздала святымъ награду за труды ихъ*“... Несомнѣнно писатель разумѣетъ здѣсь ту подробность при исходѣ евреевъ изъ Египта, о которой говорится въ книгѣ Исход. III, 22; XII, 35. Растерявшіеся отъ горя египтяне отдавали уходившимъ евреямъ драгоценную посуду, одежды и евреи „обобрали египтянъ“; но обирая египтянъ, они получали лишь награду за свой долгій бесплатный трудъ на нихъ, поэтому и въ этомъ событіи писатель видитъ дѣйствіе премудрости.

... „*днемъ была имъ покровомъ, а ночью звѣзднымъ свѣтомъ*“. Указаніе на облачно-огнистый столпъ, который велъ евреевъ въ пустынь. Столпъ „служилъ покровомъ“,—т. е. защитой отъ палящаго солнца (см. XVIII, 3).

18. Ср. XIX, 7; Исх. XIV, 21—25.

19. См. Исх. XIV, 26—30.

20. ... „*праведные завладѣли доспѣхами нечестивыхъ*“. Подробность, не указанная въ кн. Исходъ, но весьма естественная: труды утонувшихъ египтянъ прибывало къ берегу и евреи брали ихъ оружіе; ... „*воспѣли святое имя Твое, Господи...*“. Разумѣется та благодарственная пѣсня, которую евреи воспѣли по переходѣ черезъ Чермное море (Исх. XV гл.).

21 ст. ... „*Премудрость отверзла уста нѣмыхъ и сдѣлала внятными языки младенцевъ*“. Въ этихъ словахъ видятъ намекъ на Моисея, который былъ косноязыченъ (Исх. IV, 10; VI, 12), и однако вмѣстѣ съ народомъ восхвалялъ Бога, и былъ, по мысли писателя, составителемъ воспѣтой хвалебной пѣсни (Исх. XV гл.). Множественное число употреблено здѣсь, какъ и въ 11, 14, 16 ст. для усиленія мысли.

ГЛАВА 11-я.

1. Она благоустроила дѣла ихъ рукою святаго пророка: 2. они прошли по необитаемой пустынѣ, и на непроходимыхъ мѣстахъ поставили шатры; 3. противостали непріятелямъ и отместили врагамъ;	4. томилась жаждою и воззвали къ Тебѣ, и дана имъ была вода изъ утесистой скалы и утоленіе жажды—изъ твердаго камня. 5. Ибо тѣмъ наказаны были враги ихъ, 6. тѣмъ они, находясь въ затруд-

XI.

1—17. Противоположная судьба израильтянъ и египтянъ, обнаружившаяся въ событіяхъ освобожденія израильтянъ изъ рабства. — 18—23. О Божіихъ наказаніяхъ и 24—27 Божіей любви.

1—4. Въ первыхъ четырехъ ст. XI гл. говорится о руководствѣ Божественной премудрости израильтянами во время ихъ странствованія по пустынѣ.

Благодаря помощи божественной премудрости евреи благополучно прошли по необитаемой пустынѣ, (2 ст.) усѣбно отражали нападенія враговъ (3 ст.) и въ безводныхъ мѣстахъ чудомъ получали воду изъ скалы (4 ст.).

Премудрость, благоустроая такимъ образомъ дѣла еврейскаго народа, дѣйствовала не непосредственно, а „рукою святаго пророка“, т. е. Моисея, который, дѣйствительно, былъ посредникомъ между Богомъ и израильскимъ народомъ (Исх. XIX, 20—21; XX, 19, 21). Моисей названъ „святымъ пророкомъ“, чтобы отгнѣнить его превосходство передъ прочими ветхозавѣтными пророками. (Вт. XVIII, 15, 18; XXXIV, 12).

2 ст. Выраженія „необитаемая пустыня“, „непроходимыя мѣста“, являются, конечно, гиперболическими.

„На непроходимыхъ мѣстахъ поставили шатры“;—указывается на различныя станы израильтянъ въ пустынѣ (Числ. XXXIII гл.). Воспоминаніе жизни въ шатрахъ въ пустынѣ, полной разнаго рода опасностей и лишений, было для евреевъ всегда священнымъ, ибо во всѣхъ своихъ бѣдахъ въ пустынѣ они получали вѣдимую помощь Божию. Для сохраненія памяти объ этомъ времени въ будущихъ поколѣніяхъ былъ учрежденъ праздникъ кушей (Лев. XXIII, 39—42).

3 ст. Слова „противостали непріятелямъ и отместили врагамъ“... относятся къ борьбѣ съ амаликитянами (Исх. XVII, 8—13), съ Арадой, царемъ ханаанскимъ (Числ. XXI, 1—3), съ моавитянами (Числ. XXV, 17), мадианитянами (Числ. XXXI, 2), съ Ситгономъ, царемъ аморейскимъ (Числ. XXI, 21;—28; Втор. II, 32) и Огомъ, царемъ васанскимъ (Числ. XXI, 33—36; Втор. III, 1—4).

4 ст. „Томилась жаждою и воззвали къ Тебѣ, и дана имъ была вода изъ утесистой скалы...“ Ср. Исх. XVII, 1—7; Числ. XX, 2—11; Вт. VIII—15; Пс. LXXVII, 15—16; СІV, 41. Писатель въ данномъ мѣстѣ (какъ и въ 15 ст. X) представляетъ событія въ болѣе свѣтломъ видѣ: по нему, томимые жаждою евреи обратились за помощью къ Богу („воззвали къ Тебѣ“) и получили воду; тогда какъ приведенныя выше мѣста пятоканвнжіа говорятъ о малодушномъ ропотѣ евреевъ въ этомъ случаѣ на Моисея и Бога.

5—16 ст. Сравненіе совершенно противоположной судьбы израильтянъ и египтянъ въ тѣ древнія времена.

5—6. Положеніе: „тѣмъ наказаны были враги ихъ (египтяне), тѣмъ они, (израильтяне) находясь въ затрудненіи, были облагодѣтельствованы“, поясняется

неніи, были облагодѣтельствованы:

7. вмѣсто источника постоянно текущей рѣки, смрадною кровью возмущенной,

8. въ обличеніе ихъ дѣтубійственнаго повелѣнія, Ты неожиданно далъ имъ обильную воду,

9. показавъ тогда чрезъ жажду, какъ Ты наказалъ ихъ противниковъ.

10. Ибо когда они были испы-

тываемы, подвергаясь впрочемъ милосливому вразумленію, тогда познали, какъ мучились во гнѣвѣ судимые нечестивые;

11. потому что ихъ Ты испытывалъ, какъ отецъ, поучая, а тѣхъ, какъ гнѣвный царь, осуждая истязалъ.

12. И отсутствовавшіе и присутствовавшіе одинаково пострадали:

не только примѣромъ 7—8 ст.; но является главной темой цѣлаго отдѣла съ XVI—XIX гл., гдѣ для обоснованія этого положенія изъ жизни обоихъ народовъ приводятся многочисленные факты. Значить 5—6 ст. содержатъ общее положеніе, принципъ, установленный писателемъ относительно событій излагаемой имъ эпохи. Смыслъ этихъ стиховъ по этому не исчерпывается приводимымъ далѣе примѣромъ, на что отчасти указывается выраженіе: „находясь въ затрудненіи“—болѣе широкое, чѣмъ какое бы должно быть, если бы писатель имѣлъ въ виду только нужду въ водѣ, о которой говорится далѣе.

7—8 ст. содержатъ примѣръ, подтверждающій высказанное въ 2-хъ предшествующихъ стихахъ положеніе. Вода служила совершенно противоположнымъ цѣлямъ: египтяне были наказаны чрезъ воду „постоянно текущей рѣки“, т. е. Нила, „смрадною кровью возмущенной“, обращенной Моисеемъ въ кровь, такъ что они не имѣли питьевой воды (Исх. VII, 19—24); Израильтяне же, напротивъ, были подкрѣплены водою, которая для утоленія ихъ жажды была выведена изъ скалы (см. 4 ст.) (Исх. XVII, Числ. XX). Такъ египтяне были наказаны „въ обличеніе ихъ дѣтубійственнаго повелѣнія (Исх. I, 16), т. е. за ихъ жестокое распоряженіе объ умерщвленіи еврейскихъ младенцевъ. Египтяне хотѣли пролить невиную кровь и за это они были наказаны также черезъ кровь, такимъ образомъ, по мысли писателя, форма наказанія стоитъ въ тѣсной связи съ преступленіемъ. Здѣсь онъ приводитъ первый примѣръ, что „чѣмъ кто согрѣшаетъ, тѣмъ и наказывается“ (17 ст.).

9—11. При сравненіи противоположной судьбы египтянъ и израильтянъ писатель часто (XVI, 5—15; 27—29; XVIII, 20) высказываетъ мысль, что Богъ хотя также посылаетъ страданія и евреямъ, но, во-первыхъ, въ меньшей степени, во вторыхъ, съ олагима для нихъ цѣлями, а не въ наказаніе. Та же мысль и здѣсь. Хотя и израильтяне испытывали жажду, но только затѣя, чтобы узнать, какъ мучились жаждою ихъ враги и вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы почувствовать отеческое пощеченіе о себѣ Бога.

9 ст. Ср. XVI, 4 ст.

10—11. Наказанія египтянъ были вмѣстѣ съ тѣмъ судомъ надъ ними: „какъ гнѣвный царь, (Богъ ихъ) осуждая истязалъ“. Наказанія же евреевъ были для нихъ „милостивымъ вразумленіемъ“, Богъ „испытывалъ ихъ, какъ отецъ, поучая“. Въ Ветхомъ Заветѣ Богъ называется отцомъ не въ томъ полномъ смыслѣ, въ какомъ это наименованіе прилагается Ему въ Новомъ Заветѣ. Въ Ветхомъ З. Богъ называется отцомъ только израильскаго народа и этияъ именемъ опредѣляются болѣе внѣшнія отношенія Бога къ еврейскому народу, какъ виновника его самостоятельной политической жизни. (Вт. XXXII, 5, Ис. CII, 13. Ис. LXIII, 16, Гер. III, 4, 19); въ Н. З. Онъ является отцомъ всѣхъ людей и этияъ именемъ опредѣляются внутреннія, нравственныя отношенія къ нему Бога.

12. Продолжается описаніе судьбы египтянъ. „Отсутствовавшіе“ это тѣ, которые преслѣдовали израильтянъ и погибли въ Черномъ морѣ; „присутствовавшіе“, напротивъ, тѣ, кто дома переживалъ страшныя „казни“ со всѣми ихъ послѣдствіями. „Одинаково“ нужно относить не къ глаголу „пострадали“, такъ какъ наказанія для преслѣдовавшихъ евреевъ египетскихъ воиновъ и для остальныхъ египтянъ были различны,

13. ихъ постигла сугубая скорбь и стенаніе отъ воспоминаія о прошедшемъ.

14. Они, когда услышали, что чрезъ ихъ наказанія тѣ были облагодѣтельствованы, познали Господа.

15. Кого они прежде, какъ отверженнаго, отреклись съ ругательствомъ, Тому въ послѣдствіе событій удивлялись, потерпѣвши неодинаковую съ праведными жажду.

16. А за неразумныя помышленія ихъ неправды, по которымъ они въ заблужденіи служили безсловеснымъ пресмыкающимся и презрѣннымъ чудовищамъ, Ты въ наказаніе наслалъ на нихъ множество безсловесныхъ животныхъ,

17. чтобы они познали, что тѣмъ кто согрѣшаетъ, тѣмъ и наказывается.

а къ выше стоящему „присутствовавшіе“; мысль такая: отсутствовавшіе, равно какъ и присутствовашіе, пострадали.

13. Рѣчь идетъ о наказаніи „присутствовавшихъ: „ихъ постигла сугубая скорбь“, кромѣ перенесенныхъ бѣдствій—казней, они мучились еще тяжелыми „воспоминаніями о прошедшемъ“: о гибели своего лучшаго войска въ морѣ, о благоденствіи своихъ враговъ и пр.

14. Полагаютъ, что слова 14 ст. ближайшимъ образомъ относятся къ гибели египтянъ въ Черномъ морѣ, слѣдствіемъ чего было полное освобожденіе израильтянъ. Однако противъ такого толкованія говорить тѣсная связь 14 ст. со слѣдующимъ 15 (въ греческомъ текстѣ они соединены частицей $\gamma\acute{\alpha}\rho$), который даетъ частный примѣръ облагодѣтельствованія евреевъ чрезъ наказаніе египтянъ и указываетъ при этомъ на испытываемую египтянами жажду, которая привела ихъ къ признанію и удивленію передъ Моисеемъ, посланникомъ Божиимъ. Отсюда правильнѣе 14 ст. пояснять сопоставленіемъ съ 5—8 ст.

„Познали господа“, т. е. увидѣли въ этомъ событій дѣло Божіе.

15. „Кого они прежде, какъ отверженнаго, отреклись съ ругательствомъ...“ Рѣчь идетъ о Моисеѣ, который здѣсь не названъ по имени, какъ и въ другіяхъ мѣстахъ книги (X, 16, XVIII, 5). Основаніемъ для приведенныхъ словъ у писателя могъ быть фактъ преслѣдованія Моисея послѣ убійства египтянина, а затѣмъ пренебрежительное отношеніе къ Моисею египетской властью въ началѣ его выступленія (Исх. II и VII гл.).

„Тому въ послѣдствіе событій удивлялись...“ Выраженіе „въ послѣдствіе событій“ означаетъ вѣроятно послѣдующія одна за другой „казни“ египетскія, бывшія важнѣйшими событіями въ исторіи освобожденія евреевъ и приведенія египтянъ въ концѣ концовъ къ признанію авторитета Моисея (Исх. XI, 3). Въ разсказѣ 14 и 15 ст. есть нѣкоторыя особенности сравнительно съ повѣствованіемъ о томъ же ка. Исходъ. Что Фараонъ и египтяне въ казняхъ видѣли дѣло Божіе („познали Господа“) и начинали созывать свою неправоту, объ этомъ говорить и книга Исходъ (VIII, 4, 21; IX, 27; X, 16; XII, 30), но ничего тамъ не говорится, чтобы египтяне получали извѣстіе о чудесномъ напоеніи израильтянъ въ пустынѣ и изъ этого вывели для себя соотвѣтствующее правоученіе. Превращенія воды въ кровь, вызвавшее жажду египтянъ, ставится писателемъ кн. Премудрости С. не въ началѣ, а „въ послѣдствіе событій“, праведныхъ израильтянъ къ освобожденію.

16—17 ст. Хронологически писатель возвращается нѣсколько назадъ, передавая о событіяхъ, разсказанныхъ Моисеемъ въ VII, съ 26 ст. и въ X гл. съ 12 ст. кн. Исходъ. Наказаніе египтянъ гадами и насѣкомыми онъ ставитъ въ связь съ ихъ религиозными заблужденіями: почитаніемъ животныхъ. „Они въ заблужденіи служили безсловеснымъ пресмыкающимся и презрѣннымъ чудовищамъ“. Писатель разумѣетъ, вѣроятно, жабъ, змѣй и крокодиловъ, которые обоготворялись въ Египтѣ.

„За эти неразумныя помышленія ихъ неправды... Ты въ наказаніе послалъ на нихъ множество безсловесныхъ животныхъ“. Далѣе въ XVI, 9, XVII, 9 опредѣленно говорится о наказаніи чрезъ саранчу, мухъ, змѣй. Цѣль наказанія

18. Не невозможно было бы для всемогущей руки Твоей, создавшей міръ изъ необразнаго вещества, наслать на нихъ множество медвѣдей или свирѣпыхъ львовъ,

19. или неизвѣстныхъ новосозданныхъ лютыхъ звѣрей, или дышащихъ огненнымъ дыханіемъ, или извергающихъ клубы дыма, или бросающихъ изъ глазъ ужас-

ныя искры,

20. которые не только поврежденіемъ могли истребить ихъ, но и ужасающимъ видомъ погубить.

21. Да и безъ этого они могли погибнуть отъ одного дуновенія, преслѣдуемые правосудіемъ и разсѣваемые духомъ силы Твоей; но Ты все расположилъ мѣрою, числомъ и вѣсомъ.

египтянъ чрезъ тѣхъ самыхъ животныхъ, которыхъ они обоготворяли, та „чтобы они познали, что члвкъ кто созрѣваетъ тѣмъ, и наказывается“. (17 ст.).

Съ 18 ст. и далѣе чрезъ всю XII гл. у писателя идетъ разсужденіе о божественномъ милостивомъ судѣ надъ грѣшными людьми. Въ ближайшемъ отдѣлѣ съ 18 ст.—XII, 1 ст. говорится о его сущности. Милость Божественнаго суда вытекаетъ изъ божественнаго всемогущества (17—23 ст.), Божественной премудрости (21) и любви (24—27).

18—20. Богъ могъ, по своему всемогуществу, наказать египтянъ какимънибудь другимъ чудеснымъ образомъ. Въ выборѣ средствъ наказанія Его, проявившаго свое всемогущество въ твореніи міра, ничто не могло стѣснить.

„Не невозможно было бы для всемогущей руки Твоей, создавшей міръ изъ необразнаго вещества“... Понятіе о „необразномъ веществѣ“ (ὄλη ἀμορφος), изъ котораго „всемогущая рука Божія создала міръ“, заимствовано писателемъ кн. Премудрости С. изъ платоновской философіи. Слово ὄλη означаетъ прежде всего сырой матеріалъ, изъ котораго строится зданіе, затѣмъ вещество міра, первичную матерію вещей въ отношеніи отъ нихъ формы. Самъ Платонъ однако еще не употреблялъ слова ὄλη въ такомъ точномъ значеніи, но въ позднѣйшихъ, начиная съ Аристотеля, положеніяхъ платоновской теоріи слово ὄλη стало постоянно употребляться для обозначенія платоновскаго понятія о веществѣ міра, какъ чего-то противоположнаго Сущему. Въ такомъ значеніи слово ὄλη перешло въ александрійскую философію и оттуда, надо полагать, было заимствовано писателемъ нашей книги. Подтверженіемъ этого служить прилагаемый къ существительному ὄλη предикатъ ἀμορφος—тоже философскій терминъ, опредѣлявшій у платониковъ природу матеріальнаго начала міра. Однако, употребляя это платоновское выраженіе: ἔξ ὄλης ἀμορφου, писатель кн. Премудрости соединялъ ли съ нимъ и платоновское понятіе о необразномъ веществѣ, какъ вѣковой отъ вѣчности существующей основѣ бытія міра, самой въ себѣ совершенно неопредѣленной и только способной принимать всѣ возможныя опредѣленія; или же съ этимъ выраженіемъ онъ соединялъ чисто библейское представленіе о первоначальномъ состояніи созданнаго Богомъ вещества міра, „безвидномъ и неустроенномъ“ (Быт. I, 2)? Рѣшить этотъ вопросъ съ точностью трудно. Писатель нигдѣ не говоритъ о твореніи міра изъ ничего; творческая сила премудрости Божией представляется имъ художницей всего—ἡ τεχνίτις πάντων (VII, 21); очевидно, идея творенія изъ ничего не выступаетъ у писателя впередъ и можетъ быть въ умѣ его не была глубоко развита. Съ другой стороны, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ книги о происхожденіи міра отъ Бога онъ говоритъ языкомъ чисто библейскимъ (I, 14, IX, 1, 9 ст.), идея безусловной неограниченной личности Бога повсюду выступаетъ въ книгѣ во всей силѣ и чистотѣ (XI, 22, 23; XVI, 24); начало зла въ мірѣ онъ полагаетъ не въ матеріальной основѣ міра, не въ свойствахъ первоначальнаго вещества, но зло вошло въ міръ завистію падшаго духа, діавола (II, 24). Всѣ эти положенія не гармонируютъ съ платоновскимъ понятіемъ о „необразномъ веществѣ“ міра, поэтому съ большею вѣроятностію можно положить, что въ разсматриваемомъ мѣстѣ книги писатель думалъ выразить чисто религіозное представленіе о Богѣ, какъ всемогущемъ Творцѣ міра, для котораго все возможно, но выразилъ это представленіе не точно отвѣчающими ему терминами распространенной тогда философской доктрины.

21 ст. Первая половина стиха усиливаетъ мысль предшествующихъ 3-хъ ст. Для

22. Ибо великая сила всегда при-
суща Тебѣ, и кто противостанетъ
силѣ мышцы Твоей?

23. Весь міръ предъ Тобою, какъ
колебаніе чашки вѣсовъ, или какъ
капля утренней росы, сходящей на
землю.

24. Ты всѣхъ милуешь, потому что
все можешь, и покрываешь грѣхи

людей ради покаянія.

25 Ты любишь все существующее
и ничѣмъ не гнушаешься, что со-
творилъ, ибо не создалъ бы, еслибы
что ненавидѣлъ.

26. И какъ могло бы пребывать
что либо, если бы Ты не восхотѣлъ?
Или какъ сохранилось бы то, что
не было призвано Тобою?

наказанія египтянъ Богъ даже не имѣлъ нужды ни въ какомъ орудіи: „они могли
погибнуть... разстѣваемые духомъ силы Твоей“, т. е. дѣйствіемъ Божественнаго
всемогущества. Сокрушающая сила Божественнаго всемогущества представляется писа-
телемъ въ браздѣ бури, вихря, отсюда выраженія: „дуновение“, духъ“.

... „Но Ты все расположилъ мѣрою, числомъ и вѣсомъ“. Вѣсы и мѣра—
обычные образы для обозначенія точнѣйшаго распредѣленія и соразмѣрности, въ осо-
бенности въ расположеніи вселенной, а также образы Божественнаго правосудія (Іов.
XXXI, 6; Іез. XXVIII, 17; XL, 12; Дан. V, 27).

Мысль въ связи съ ковтекомъ такая: хотя карающая сила Божественнаго суда
и возданія въ силу Его всемогущества можетъ выражаться во всемъ вполнѣ свободно,
однако она руководится и опредѣляется премудростью.

22—23 стихи раскрываютъ мысль о божественномъ всемогуществѣ. Въ сравненіи
съ этимъ всемогуществомъ вся вселенная представляется ничтожной: „весь міръ предъ
Тобою, какъ колебаніе чашки вѣсовъ“, т. е. такая же ничтожная величина, какъ та,
которая выводитъ изъ равновѣсія, производитъ колебаніе чашки вѣсовъ; „или какъ
капля утренней росы, сходящей на землю“: часто употребляемый въ Библии образъ
всего скоропреходящаго, непрочнога. (Ос. VI, 4; XIII, 3). Въ отношеніи къ пред-
шествующей мысли о возможныхъ способахъ Божественнаго наказанія (17—21
ст.) выраженная мысль о божественномъ всемогуществѣ является основаніемъ
(„ибо“)..

24—27. Въ этихъ стихахъ говорится о божественномъ милосердіи и любви. Эти
свойства Божія являются второй—послѣ мудрости—силою, опредѣляющей мѣру Божест-
веннаго наказанія грѣшникамъ. Какъ премудрость Божія распредѣляетъ наказанія „мѣрою,
числомъ и вѣсомъ“ (21 ст.) и „чѣмъ кто согрѣшаетъ, тѣмъ (Ею) я наказываюсь“ (17),
такъ Божественная любовь „всѣхъ милуетъ“, „покрываетъ грѣхи людей“, „все ща-
дитъ“ (24, 27 ст.). Основаніемъ этой милующей любви Божественной является Божіе всемо-
гущество: „Ты все милуешь, потому что все можешь“. Какъ писатель представляетъ
связь между этими свойствами Божими, опредѣленно сказать трудно; можетъ быть такъ,
какъ въ книгѣ Іова: Божественное величіе столь чрезмѣрно, что человѣческими про-
ступками оно никакими образомъ не можетъ быть оскорблено; люди со всѣми своими
грѣхами слишкомъ ничтожны, чтобы Богъ сталъ обращать въ наказаніе ихъ свое все-
могущество: „если я согрѣшилъ, то что я сдѣлалъ Тебѣ, стражъ человѣковъ... Зачѣмъ
бы не простить мнѣ грѣха“... (Іов. VII, 20—21).

... „Покрываетъ грѣхи людей ради покаянія“. О прощеніи грѣховъ въ В. Зав.
говорится еще: Исх. XXXIV, 7; Ис. I, 18; LV, 7; Мх. VII, 18; Пс. XXIV, 7; XXXI, 1, 2;
LXXXIV, 8; Сп. 13—14; СХХІХ, 4, 8; Спр. II, 11.

25. О всеобъемлющей любви Божией (— „Ты любишь все существующее“)
говоритъ самый фактъ творенія міра. Любовь была движущимъ принципомъ въ творче-
ской дѣятельности Божией: Богъ „не создалъ бы, если бы что ненавидѣлъ“. Мысль
эта была однимъ изъ основныхъ положеній платоновской философіи. (Plato, Tim. p. 29).

26. Любовь Божественная, творческой волей и словомъ воззванная („призвано.
Тобою“) все къ бытію, также необходима и для продолженія и сохраненія этого
бытія. Ср. I, 14 ст.

27. Но Ты все падишь, потому что | все Твое, душелюбивый Господи.

Г Л А В А 12-я.

1. Нетлѣнный Твой духъ пребы-
ваетъ во всемъ.

2. Посему заблуждающихъ Ты
мало-по-малу обличаешь, и напо-
миная *имъ*, въ чемъ они согрѣ-
шаютъ, вразумляешь, чтобы они,

отступивши отъ зла, увѣрвали въ
Тебя, Господи.

3. Такъ, возгнушавшись древ-
ними обитателями святой земли
Твоей,

27. Богъ любить все существующее, потому что все Имъ сотворено и все Его. Онъ виновникъ всякой одушевленной жизни: „душелюбивый Господь“. Ср. I, 13 ст.

ХІІ.

1—2 Цѣль милостиваго наказанія Богомъ людей — покаяніе и исправленіе. — 3—11. Примѣръ древнихъ хананеевъ.—11—14. Милосердіе суда Божія вытекаетъ не изъ опасенія кого либо,—15—18, но имѣетъ свое основаніе во всемогуществѣ Божиємъ. — 19—20. Чему научаетъ израильтянъ судьба хананеевъ.—23—28. Наказаніе египтянъ.

1 ст. заканчиваетъ мысль предшествующей главы о томъ, что все существующее сохраняетъ свое бытіе любовью и волею Божіею. „*Нетлѣнный Твой духъ пребываетъ во всемъ*“, проникаетъ все существующее. (Ср. I, 7; VII, 22; VIII, 1) и является во всемъ животворящимъ и сохраняющимъ принципомъ.

2. Мысль 2-го стиха является выводомъ изъ предшествующаго. Если Богъ любить все существующее (XI, 24—XII, 1 ст.), то Онъ съ такой же любовью относится и къ людямъ, даже „заблуждающимся“. Ихъ Онъ „обличаетъ *мало-по-малу*“, съ бережливой постепенностью, и наказываетъ ихъ такъ, что самыя наказанія напоминаютъ имъ объ ихъ грѣхахъ. (Ср. XI, 16—17). Цѣль такого наказанія—вразумленіе: „*чтобы они, отступивши отъ зла, увѣрвали въ Тебя, Господи*“. Нѣкоторые толкователи на основаніи сопоставленія 2 ст. съ 10—11 ст. XI гл. относятъ его къ евреямъ, но связь съ предшествующимъ (XI, 24—XII, 1) говоритъ за то, что здѣсь рѣчь идетъ объ отношеніи Бога къ людямъ вообще и даже, можетъ быть, на первомъ планѣ писатель разумѣлъ „заблуждающихся“ язычниковъ, такъ какъ далѣе онъ приводитъ примѣръ наказанія хананеевъ.

3—11. Высказанную во 2-омъ стихѣ мысль, что посылаемая Богомъ наказанія имѣютъ свою цѣль прежде всего вразумленіе и исправленіе „заблуждающихся“, писатель подтверждаетъ въ этомъ отдѣлѣ (8—11 ст.) примѣромъ хананеевъ, называя ихъ „*древними обитателями святой земли (Божіей)*“. Подъ „святой землей“ несомнѣнно разумѣется Палестина, названная такъ, какъ мѣсто средоточія истиннаго богопочитанія: за это далѣе она называется „драгоценнѣйшей всѣхъ у Бога“ (7 ст). Выраженіе „*возгнушавшись древними обитателями*“... не противорѣчитъ 25 ст. XI гл: „Ты... ничѣмъ не гнушаешься“. Изъ 8 п 10 ст. видно, что Богъ и хананеями, какъ людьми, не гнушался, поэтому это выраженіе означаетъ только „отвращеніе“ Божіе къ тѣмъ извращеніямъ религіознаго чувства у хананеевъ, о чемъ рѣчь идетъ далѣе.

4. совершавшими ненавистныя дѣла волхвованій и нечестивыя жертвоприношенія,

5. и безжалостными убійцами дѣтей, и на жертвенныхъ пирахъ пожиравшими внутренности чело-вѣческой плоти и крови въ тайныхъ собраніяхъ,

6. и родителями, убивавшими безпомощныя души,—Ты восхотѣлъ погубить ихъ руками отцовъ пашихъ,

7. дабы земля, драгоцѣннѣйшая всѣхъ у Тебя, приняла достойное населеніе чадъ Божіихъ.

8. Но и ихъ, какъ людей, Ты щадилъ, пославъ шершней, дабы они мало по-малу истребляли ихъ.

9. Хотя не невозможно было Тебѣ войною покорить нечестивыхъ праведнымъ или истребить ихъ страшными звѣрми, или грознымъ словомъ въ одинъ разъ;

10. но Ты, мало-по-малу наказывая ихъ, давалъ мѣсто покаянію, зная однако, что племя ихъ негодное и зло ихъ врожденное, и помышленіе ихъ не измѣнится во вѣки.

4—6 ст. Причину Божественнаго гнѣва и постигшихъ хананеевъ наказаній писатель указываетъ не въ безздравственныхъ поступкахъ, а въ суевѣріяхъ и извращеніяхъ религіознаго чувства. Подъ „дѣлами волхвованія“ разумѣются разнаго рода суевѣрные обряды, связанныя съ языческимъ идолослуженіемъ: колдовство, заклинаніе мертвыхъ, противъ чего неоднократно предостерегала евреевъ Моисей предъ вступленіемъ ихъ въ ханаанскую землю. (Исх. XXII, 17; Вт. XVII, 9—14, 19). По мысли писателя, суевѣрія эти тѣмъ опасны, что они бывають причиной нечестія (См. XVIII, 13). Послѣ суевѣрій писатель подробно останавливается на чело-вѣческихъ жертвахъ. Чаще всего въ жертву приносилась дѣти, иногда даже сямни родители, за это писатель называетъ хананеевъ „безжалостными убійцами дѣтей“ и говорить „о родителяхъ, убившихъ безпомощныя души“. О чело-вѣческихъ жертвахъ у хананеевъ есть свидѣтельство и въ другихъ мѣстахъ Св. Писанія: Лев. XVIII, 21; Вт. XII, 31; XVIII, 10; Ис. CV, 37—8; Іез. XVI, 20, Свидѣтельствуютъ о нихъ и древніе историки: Діодоръ Синд. XX, 14 Плутархъ De superst. c. 12 Лактанцій I, 21; Евсеій. Праср. evang. 4, 16. Одна только подробность, о которой говоритъ писатель, не засвидѣтельствована исторіей, именно, что хананеи „на жертвенныхъ пирахъ въ тайныхъ собраніяхъ пожирали внутренности чело-вѣческой плоти и крови“. Можно думать, что такое обвиненіе возведено на нихъ болѣе позднее іудейское преданіе, руководясь національной враждой къ язычникамъ. Писатель нашей книги, не провѣряя, взявъ это преданіе для того, чтобы имъ усилить свою мысль о провинности чело-вѣческихъ жертвъ.

7 ст. Своими тяжкими грѣхами хананеи оскверняли ту землю, на которой жилъ, которая была „святою“ и „драгоцѣннѣйшею вѣсью у Бога“. Божія земля должна была „принять достойное населеніе чадъ Божіихъ“. Въ этомъ—причина, почему Богъ „восхотѣлъ погубить ихъ (хананеевъ) руками отцовъ“ еврейскаго народа.

8. Милость Божія въ наказаніи хананеевъ проявилась въ томъ, что Богъ наказывалъ ихъ „мало по малу“ „давая мѣсто покаянію“ (10 ст.). Для этого онъ прежде „войсства Его“, т. е. израильскаго народа, шедшаго во главѣ съ ковчегомъ завета, послалъ шершней. О постепенномъ истребленіи жителей ханаана говорится и въ книгахъ Моисея (Исх. XXIII, 30), но тамъ для этого указывается другая сравнительно съ нашимъ мѣстомъ (см. 10 и 19 ст.) цѣль, именно: чтобы земля не одичала и не сдѣлалась необитаемой. Говоря о шершняхъ, писатель имѣлъ въ виду, вѣроятно, Исх. XXIII, 28; Вт. VII, 20; Ис. Нав. XXIV, 12.

9 ст. Ср. XI, 18—21 ст.

10. Усиливая мысль о Божественномъ свихожденіи, писатель говоритъ, что Богъ давалъ хананеямъ возможность и побужденіе къ покаянію не смотря на то, что напередъ видѣлъ ихъ нераскаянность.

... „Племя ихъ негодное“... имѣется въ виду или происхожденіе вообще отъ нечестивыхъ предковъ, или же происхожденіе хананеевъ отъ Хаваана, внука Ноя. (Быт. X,

11. Ибо сѣмя ихъ было проклятое отъ начала, и не изъ опасенія предъ кѣмъ-либо Ты допускалъ безнаказанность грѣховъ ихъ.

12. Ибо кто скажетъ: „что Ты сдѣлалъ?“ или кто противостанетъ суду Твоему? и кто обвинитъ Тебя въ погубленіи народовъ, которыхъ Ты сотворилъ? Или какой защитникъ придетъ къ Тебѣ съ ходатайствомъ за неправедныхъ людей?

13. Ибо кромѣ Тебя нѣтъ Бога,

который имѣетъ попеченіе о всѣхъ, чтобы доказывать Тебѣ, что Ты несправедливо судилъ.

14. Ни царь, ни властелинъ не въ состояніи явиться къ Тебѣ на глаза за тѣхъ, которыхъ Ты погубилъ.

15. Будучи праведенъ, Ты всѣмъ управляешь праведно, почитая не свойственнымъ Твоей силѣ осудить того, кто не заслуживаетъ наказанія.

18). Путемъ естественной передачи грѣховныхъ наклонностей и въ силу худого вліянія примѣра зло укоренилось въ хананеяхъ, съ нимъ уже онъ рождался: „зло ихъ врожденное“. Этимъ объясняется ихъ нераскаянность: „помысленія ихъ не измѣнятся во вѣки“.

11. ... „Сѣмя ихъ было проклятое отъ начала“... Писатель разумѣетъ здѣсь, вѣроятно, то проклятіе, которое изрѣчено было Ноемъ на Хаанаана и его потомство. (Быт. IX, 25). Такимъ образомъ евреи, истребляя и поработая хананеевъ, исполняли божественное предопредѣленіе о нихъ, открытое людямъ еще въ древнѣйшія времена. Такую медлительность суда Божія надъ хананеями и продолжавшуюся „безнаказанность грѣховъ ихъ“ ни въ какомъ случаѣ нельзя объяснить тѣмъ, что Богъ допускалъ это „изъ опасенія передъ кѣмъ-либо“, ибо Богъ ни отъ кого не зависитъ и ничѣмъ не ограниченъ. Эту мысль писатель раскрываетъ подробно со 2-ой половины 11 ст. до 18-го.

12. Богъ не имѣетъ нужды казаться предъ кѣмъ-либо милостивымъ; немедленно, въ одно мгновеніе Онъ можетъ обнаруживать свою карающую десницу и никто не противостанетъ суду Его даже простымъ вопросомъ: „что Ты сдѣлалъ?“ ибо Онъ Творецъ погубляемыхъ Имъ народовъ. Мысль о безвредной власти Божіей надъ всѣмъ сотвореннымъ выражена въ данномъ мѣстѣ въ формѣ ряда вопросовъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ Св. Пис. XI, 21; Ис. XLV, 9; Дан. IV, 32; Іов. IX, 12; Рим. IX, 20.

13—14. Высказанная въ 12 ст. мысль о томъ, что Богъ ни предъ кѣмъ не отвѣтственъ, въ 13 и 14 ст. опредѣляется ближе. Безотвѣтственность суда Божія основывается на Его безкощечной любви ко всему сотворенному. Поэтому судить дѣйствія Божія надъ тварію могло бы только подобное Ему существо, со всеобъемлющей любовью, между тѣмъ: „кромѣ Тебя нѣтъ Бога, который имѣетъ попеченіе о всѣхъ, чтобы доказывать Тебѣ, что Ты несправедливо судилъ“. Тѣмъ болѣе изъ людей, какое бы высокое положеніе они не занимали, никто не осмѣлится противостать Твоему суду, хотя бы въ формѣ „ходатайства“ (12 ст.) „за тѣхъ, которыхъ Ты погубилъ“ (14 ст.).

15. Высказанная выше мысль объ абсолютной неограниченности и безотвѣтственности силы Божіей въ ея дѣйствіяхъ въ мірѣ человѣческомъ могла зародить въ читателѣ опасеніе, какъ бы карающая десница Божія не стала поражать совершенно невинныхъ. Чтобы предотграть это опасеніе, писатель въ 15—18 ст. говоритъ о божественномъ правосудіи и божественномъ милосердіи, которыя утверждаютъ именно на безпредѣльномъ Божіемъ всемогуществѣ. Люди чаще всего дѣлаютъ другимъ несправедливость изъ чувства опасенія предъ ними и сознанія своей слабости; у всемогущей же силы Божіей не можетъ быть этого мотива и потому ей „не свойственно осудить того, кто не заслуживаетъ наказанія“. Для всемогущества можетъ быть только одинъ мотивъ для дѣятельности въ человѣческомъ мірѣ—нравственное достоинство человѣка, его благо, его спасеніе. Отсюда понятво, почему „сила (Божія) есть начало правды, (ср. XI, 24) и то самое, что господствуетъ надъ всѣми, располагаетъ Тебя щадить всѣхъ“.

16. Ибо сила Твоя есть начало правды, и то самое, что Ты господствуешь надъ всѣми, располагаетъ Тебя щадить всѣхъ.

17. Силу Твою Ты показываешь невѣрующимъ всемогуществу Твоему и въ непризнающихъ Тебя обличаешь дерзость;

18. но, обладая силою, Ты судишь снисходительно и управляешь нами съ великою милостью, ибо могущество Твое всегда въ Твоей волѣ.

19. Но такими дѣлами Ты поучалъ народъ Твой, что праведному должно быть челоуѣколюбивымъ, и внушалъ сынамъ Твоимъ благую надежду, что Ты даешь время покаянію во грѣхахъ.

20. Ибо если враговъ сынамъ Твоимъ и повинныхъ смерти Ты наказывалъ съ такимъ снисхожде-

ніемъ и пощадою, давая имъ время и побужденіе освободиться отъ зла,

21. то съ какимъ вниманіемъ Ты судилъ сыновъ Твоихъ, которыхъ отцамъ Ты далъ клятвы и заветы благихъ обѣтованій!

22. Итакъ, вразумляя насъ, Ты наказываешь враговъ нашихъ тысячекратно, дабы мы, когда судимъ, помышляли о Твоей благодати и, когда бываемъ судимы, ожидали помилованія.

23. Посему-то и тѣхъ нечестивыхъ, которые проводили жизнь въ неразуміи. Ты истязалъ собственными ихъ мерзостями,

24. ибо они очень далеко уклонились на путяхъ заблужденія, обманываясь подобно неразумнымъ дѣтямъ и почитая за боговъ тѣхъ изъ животныхъ, которыя и у враговъ были презрѣнными.

17—18. Силу Свою Богъ показываетъ только въ опредѣленныхъ случаяхъ, именно тамъ, гдѣ есть сомнѣвіе въ Его всемогществѣ или дерзкое невѣріе. Но и въ этомъ случаѣ Онъ *„судитъ снисходительно“*. Онъ бываетъ долготерпѣливъ, *„ибо могущество Его всегда въ Его волѣ“*, Ему нѣтъ нужды торопиться наказаніемъ.

19—22. Въ этихъ стихахъ указывается, какія цѣли въ отношеніи къ израильскому народу имѣлъ Богъ, наказывая хананеевъ съ долготерпѣніемъ и милостію. Милостивымъ наказаніемъ хананеевъ Богъ научалъ израильтннхъ челоуѣколюбію: *„такими дѣлами Ты научалъ народъ Твой, что праведному должно быть челоуѣколюбивымъ“*... (19 ст.). Во-вторыхъ, долготерпѣніемъ къ хананеямъ Богъ давалъ израильтннамъ *„благую надежду“* на лучшее будущее въ постигавшихъ ихъ несчастіяхъ, внушалъ имъ, что эти бѣдствія не есть окончательный Судъ Божій, а только *„время покаянію во грѣхахъ“*. Ибо если хананеямъ, за ихъ тяжкіе грѣхъ (4—6) *„повиннымъ смерти“*, Богъ многократнымъ (*„тысячекратно“*) милостивымъ наказаніемъ давалъ *„побужденіе освободиться отъ зла“*, то тѣмъ съ большимъ правомъ на такой отеческій судъ могутъ надѣяться израильтнне, *„отцамъ которыхъ Ты далъ клятвы и заветы благихъ обѣтованій“*. Подъ клятвами и заветами благихъ обѣтованій здѣсь разумѣются, вѣроятно, обѣтованія, данныя патриархамъ еврейскаго народа: Аврааму, Исааку, Іакову, а не заветы синайскіе, потому что далѣе (XVIII, 22) онъ говоритъ, что Ааронъ *„воспомяналъ“* эти клятвы и заветы отцовъ. Объясняемое мѣсто весьма характерно для писателя; оно показываетъ его стараніе въ рассказанныхъ въ пятокнижии и ки. Іис. Нав. событіяхъ найти высшія моральныя цѣли, между тѣмъ какъ въ названныхъ каноническихъ книгахъ событія передаются только съ виѣшней фактической стороны.

23—28. Въ этомъ отдѣлѣ псевдо-Соломонъ снова возвращается къ наказанію древнихъ египтянъ и указываетъ въ этомъ высшую божественную цѣль, именно, привести ихъ къ познанію единаго истиннаго Бога.

23 ст. *„Проводили жизнь въ неразуміи“*... Указаніе на неразумность идолопоклонства, оказавшаго весьма пагубное вліяніе на нравственную жизнь египтянъ. См. XIV, 23—24. За это она были наказаны *„ихъ собственными мерзостями“*... Подъ *„мерзостями“*, согласно библейскому употребленію этого слова, здѣсь разумѣются идолы. Мысль стиха та же, что и XI, 16—17 ст.

24. Частице указывается неразуміе идолопоклонства египтянъ въ томъ, что они

25. Посему какъ неразумнымъ дѣтямъ въ посмѣяніе послалъ Ты имъ и наказаніе.

26. Но, не вразумившись обличительнымъ посмѣяніемъ, они испытывали заслуженный судъ Божій.

27. Ибо что они сами терпѣли

съ досадою, то же увидѣвши на тѣхъ, которыхъ считали богами и чрезъ которыхъ были наказываемы, они познали Бога истиннаго, Котораго прежде отрекались знать;

28. посему и пришло на нихъ окончательное осужденіе.

ГЛАВА 13-я.

1. Подлинно суетны по природѣ всѣ люди, у которыхъ не было вѣ-

дѣнія о Богѣ, которые изъ видимыхъ совершенствъ не могли по-

„почитали за боговъ тѣхъ изъ животныхъ, которыя и у враговъ были претранными“. Почитаемая животная, значить, не были красивы и не производили впечатлѣніе своей силой и ростомъ, они прежде всего были непріятны, и однако обоготворялись. Къ подобному заблужденію писатель однако относится снисходительно: египтяне заблуждались, по его выраженію, *„подобно неразумнымъ дѣтямъ“.*

25—26. Назвавъ выше заблужденія египтявъ дѣтскими, писатель говоритъ, что въ соответствіе съ этимъ посланныя имъ наказанія были лишь *„посмѣяніемъ“* надъ ними. Очевидно онъ здѣсь разумѣетъ наказаніе жабами, мошками, песьими мухами (Исх. VIII, 6, 17, 21 ст.) и не придаетъ этимъ казнямъ серьезнаго значенія сравнительно съ послѣдующимъ избіеніемъ первенцевъ египетскихъ и потопленіемъ египетскаго войска въ Черномъ морѣ. Лишь только, когда египтяне *„не вразумились обличительнымъ посмѣяніемъ“* надъ яли въ первыхъ казняхъ, *„они испытали заслуженный судъ Божій“* въ послѣднихъ грозныхъ событіяхъ при выходѣ евреевъ.

27 ст. Казни египетскія привели египтявъ къ познанію истиннаго Бога двумя путями. Во-первыхъ, они видѣли, что тѣ же самыя непріятности и страданія, которыя постигали ихъ, постигала и тѣхъ животныхъ, *„которыхъ они считали богами“*; во-вторыхъ, обоготворяемая яли животная сами являлись для нихъ источникомъ страданій. Тогда *„они познали Бога истиннаго“*; это не значить, что египтяне, стали такими же почитателями Иеговы, какъ и евреи, а лишь то, что въ совершившихся казняхъ они признали дѣло Бога еврейскаго, *„Котораго прежде отрекались знать“*. Последнее выраженіе намекаетъ на слова Фараона: Исх. V. 2.

XIII.

1—9. Обоготвореніе силъ и явленій природы.—10—19. Почитаніе за боговъ идоловъ.

Неоднократное упоминаніе объ идолопоклонствѣ хвалезвъ и египтявъ побудило писателя посвятить этому предмету обстоятельное разсужденіе. Въ XIII и XIV гл. онъ говоритъ о сущности и происхожденіи многобожія и идолопоклонства. При этомъ писатель различаетъ отдѣльныя формы и виды политеизма, не въ одинаковой степени неразумные: 1) обоготвореніе величественныхъ явленій и могущественныхъ силъ природы, политеизмъ натуралистическій; 2) обоготвореніе произведеній рукъ человѣческихъ, въ собственномъ смыслѣ идолопоклонство; 3) обоготвореніе животныхъ—зоолатрія; 4) предкопочитаніе. Для такого различенія формъ политеизма и оцѣнки ихъ по степени разумности въ Св. Пис. В. З. нѣтъ прямыхъ основаній. Оно было дѣломъ самостоятельнаго изученія азыческихъ религій самого писателя кн. Премудрости.

1 ст. *„Подлинно суетны по природѣ всѣ люди, у которыхъ не было вѣдѣнія*

знать Сущаго и, взирая на дѣла, не познали Виновника,

2. а почитали за боговъ, правящихъ міромъ, или огонь, или вѣтеръ, или движущійся воздухъ, или звѣздный кругъ, или бурную воду, или небесная свѣтила.

3. Если, плѣняясь ихъ красотой, они почитали ихъ за боговъ, то должны были бы познать, сколько лучше ихъ Господь, ибо Онъ, Виновникъ красоты, создалъ ихъ.

4. А если удивлялись силѣ и дѣйствію ихъ, то должны были бы узнать изъ нихъ, сколько могущественнѣе Тотъ, Кто сотворилъ ихъ;

5. ибо отъ величія красоты созданій сравнительно познаётся Виновникъ бытія ихъ.

6. Впрочемъ они меньше заслуживаютъ порицанія, ибо заблуждаютъ, можетъ быть, ища Бога и желая найти Его:

7. потому что, обращаясь къ дѣ-

о *Богъ...* Начало XIII гл. ясно указываетъ на ея тѣсную связь съ предшествующей рѣчью о наказаніи египтянъ чрезъ ихъ собственныхъ боговъ (XII, 27). Въ этомъ былъ разительный примѣръ, насколько суетны люди безъ истиннаго богопознанія. Предикать „суетный“, часто прилагаемый въ кн. Св. Пис. къ идолопоклонству и всему, что съ нимъ связано, даетъ понятіе о томъ, что оно основывается на ничтожномъ и пустомъ и въ результатѣ даетъ обманъ и гибель (XV, 2; 4 Цар. XVII, 15; Іер. II, 5; Дѣян. XIV, 15; Рим. I, 21). Выраженіе „по природѣ“ означаетъ не то, что эти люди по самой духовной природѣ своей были не способны къ истинному богопознанію, ибо далѣе писатель эту способность за ними признаетъ и дѣлаетъ ихъ ответственными за невѣдвіе Бога (3, 4, 10); „по природѣ“ значитъ по существу, само по себѣ, безотносительно къ чему либо другому, невѣдвіе истиннаго Бога дѣлаетъ людей ничтожными.

„Изъ видимыхъ совершенствъ не могли познать Сущаго...“ Видимыя совершенства—это совершеннѣйшія дѣла: Божіи, прекраснѣйшія и величественныя явленія природы, въ противоположность невидимому Божеству, которое въ нихъ познается. Наименованіе Бога Сущимъ, $\delta \psi \nu$, употреблено писателемъ вѣроятно въ платоновскомъ смыслѣ, для выраженія понятія о Богѣ, какъ истинно сущемъ ($\delta \psi \nu \tau \omega \varsigma \delta \nu$), въ противоположность бывающему. Хотя, съ другой стороны, выраженіе $\delta \psi \nu$ писатель кн. Премудрости могъ заимствовать и изъ библейскаго языка: греческій переводъ LXX еврейское имя Бога—Іегова передаетъ этимъ выраженіемъ.

2. Перечисляются главные силы и явленія природы, которыя обоготворялись у язычниковъ: огонь, воздухъ, вода, небесная свѣтила. Въ этомъ перечнѣ видятъ указаніе на ученіе язычниковъ о четырехъ элементахъ, управляющихъ міромъ (Филонъ. De decem orac. II. 189). Въ мнѳологіи эти управляющія міромъ силы олицетворялись въ образахъ разныхъ божествъ.

3—4 Указывается, какимъ образомъ люди пришли къ обоготворенію явленій природы. Къ этому побуждало ихъ или эстетическое чувство: они „плѣнились ихъ красотой“, или чувства страха и зависимости—передъ грозными стихійными явленіями: „удивились силѣ и дѣйствію ихъ“. Однако, обязательность природы не оправдываетъ язычниковъ. Напротивъ, они „должны были познать Виновника красоты“ и могущество Творца.

5. Пятый стихъ содержитъ основаніе для мысли предшествующихъ стиховъ, что язычники, созерцая природу, „должны были познать“ Бога. Они стояли на самомъ естественномъ пути къ богопознанію: „отъ величія красоты созданій сравнительно познается Виновникъ бытія ихъ“. „Сравнительно“, $\alpha \nu \alpha \lambda \omicron \upsilon \omega \varsigma$, т. е. путемъ заключенія отъ свойствъ явленія къ причинѣ.

Во многихъ кодексахъ вмѣсто чтенія „величія красоты“ стоитъ „величія и красоты созданій...“ Такое чтеніе болѣе отвѣчаетъ 3 и 4 ст., въ которыхъ объ этихъ свойствахъ явленій природы говорится отдѣльно.

6—7 ст. Дѣлая оцѣнку натуралистическому политеизму, писатель ставитъ его выше другихъ формъ многобожія: послѣдователей его „меньше заслуживаютъ порицанія“... Причина такого предпочтенія указывается двоякая. Во-первыхъ, писатель допускаетъ, что эти заблужденія въ основѣ своей имѣютъ исканіе истиннаго Бога; во-вторыхъ, въ своихъ результатахъ эта форма политеизма давала и вѣчто положительное: обращаясь къ дѣламъ

дамъ Его, они изслѣдываютъ и убѣждаются зрѣніемъ, что все видимое прекрасно.

8. Но и они неизвинительны:

9. если они столько могли разумѣть, что въ состояніи были изслѣдывать временный міръ, то почему они тотчасъ не обрѣли Господа его?

10. Но болѣе жалки тѣ, и надежды ихъ—на бездушныхъ, которые называютъ богами дѣла рукъ человѣческихъ, золото и серебро, издѣлія художества, изображенія животныхъ, или негодный камень, дѣло давней руки.

11. Или какой-либо дроводѣль, вырубивъ годное дерево, искусно снялъ съ него всю кору и, обдѣлавъ красиво, устроилъ изъ него сосудъ,

полезный къ употребленію въ жизни, 12. а обрѣзки отъ работы употребилъ на приготовленіе пищи и насытился;

13. одинъ же изъ обрѣзковъ, ни къ чему негодный, дерево кривое и сучковатое, взявъ старательно округлил на досугъ и, съ опытностью знатока обдѣлавъ его, уподобилъ его образу человѣка,

14. или сдѣлалъ подобнымъ какому нибудь низкому животному, намазавъ сурикомъ и покрывъ краскою поверхность его, и закрасилъ въ немъ всякій недостатокъ

15. и, устроивъ для него достойное его мѣсто, повѣсилъ его на стѣнѣ, укрѣпивъ желѣзомъ.

16. Итакъ, чтобы произведеіе его

Вожимъ, люди убѣждались, „что все видимое прекрасно“. У нихъ разсѣвалось темное подозрѣіе, что въ мірѣ господствуетъ зло и иракъ. Такимъ образомъ красота видимаго міра сама по себѣ имѣетъ пѣну. И красота видимая въ мірѣ, такой же существенный элементъ, какъ и истина и добро: и она послѣднее основаніе свое имѣетъ въ Богѣ. Поэтому „отъ величія красоты созданій сравнительно познается Виновникъ бытія ихъ“ (5 ст.). Эта черта возрѣнія писателя на міръ, который разсматривается имъ со стороны художественной красоты, указываетъ въ немъ іудея эллиниста.

8 и 9 ст. содержатъ ограниченіе для мысли двухъ предшествующихъ стиховъ. Хотя послѣдователи натуралистическаго политеизма „и менѣе другихъ заслуживаютъ порицанія“, однако „и они не извинительны“. Ихъ разумъ былъ настолько развитъ, что „они въ состояніи были изслѣдовать временный (=видимый) міръ“. Они имѣли поэтому полную возможность отъ свойствъ вселенной заключить къ свойствамъ Творца ея, „почему же они тотчасъ не обрѣли Господа“ Причина очевидно лежитъ не въ недостаткѣ познавательныхъ способностей, а въ нравственныхъ качествахъ людей: это и дѣлаетъ ихъ виноватыми за непознаніе Бога.

10. Съ 10 ст. писатель переходитъ къ изображенію неразумія другой формы многобожія—идолопоклонства въ собственномъ смыслѣ, почитанія предметовъ, сдѣланныхъ руками человѣка. Конечно, по первоначальной идеѣ почитаніе относилось не къ самимъ этимъ предметамъ, а къ тому, что они изображали и означали; но въ послѣдствіи невѣжественная масса стала отождествлять изображеніе съ самимъ божествомъ. Вотъ эту форму религіознаго невѣжества писатель и имѣетъ въ виду. О ней говорится и во многихъ другихъ мѣстахъ Св. Пис.: Вт. IV, 28; Ис. CXXXIV, 15—18; Ис. XL, 18—20; ХLI, 7; ХLIV, 9—20; Іер. II, 28; X, 3—15.

Неразуміе этой формы многобожія въ томъ, прежде всего, что люди возлагаютъ свои надежды „на бездушныхъ“, ἐν νεκροῖς, на мертвые неодушевленные предметы. Такъ идола названы не въ противоположность истинному живому Богу, а въ противоположность выше названнымъ силамъ и явленіямъ природы. Въ нихъ все же есть жизнь, они могутъ приносить пользу или вредъ человѣку, это могло послужить основаніемъ къ ихъ почитанію людьми, а почитатели бездушныхъ идоловъ не имѣютъ и этого основанія, поэтому они „болѣе жалки“.

...„Золото и серебро...“ не сами по себѣ почитались, а разумѣются здѣсь изображенія, идола, дѣлаемые изъ этихъ металловъ... „Негодный камень, дѣло давней руки...“ разумѣются каменные изображенія и статуи, обоготворяемые по причинѣ ихъ большой древности.

11—16. Неразуміе идолопоклонства писатель доказываетъ яркимъ описаніемъ

не упало, онъ напередъ озаботился, зная, что оно само себя помочь не можетъ, ибо это кумиръ и имѣетъ нужду въ помощи.

17. Молясь же *предъ нимъ* о своихъ стяжаніяхъ, о бракѣ и о дѣтяхъ, онъ не стыдится говорить бездушному

18. и о здоровѣи вызываетъ къ не-

мощному, о жизни просить мертвое, о помощи умоляетъ совершенно неспособное, о путешествіи—немогущее ступить,

19. о прибыткѣ, о ремеслѣ и объ успѣхѣ рукъ—совсѣмъ немогущее дѣлать руками, о силѣ просить самое безсильное.

ГЛАВА 14-я.

1. Еще: иной, собираясь плыть и переплывать свирѣпыя волны, призываетъ на помощь дерево, слабѣйшее носящаго его корабля;

2. ибо стремленіе къ приобрѣтеніямъ выдумало оный, а художникъ

искусно устроилъ,

3. но промыслъ Твой, Отецъ, управляетъ кораблемъ, ибо Ты далъ и путь въ морѣ и безопасную стезю въ волнахъ,

4. показывая, что Ты можешь отъ

способа приготовления идоловъ. Въ этомъ описаніи у него сквозитъ ѣдкая провія. Идолы готовятся изъ ни къ чему негодныхъ обрѣзковъ дерева, послѣ того какъ цѣнный матеріалъ употребленъ на изготовленіе полезныхъ предметовъ. Дѣлаютъ ихъ „на досугъ“, когда время не занято болѣе полезнымъ дѣломъ. Прикрывъ краской всякіе недостатки дерева, изображеніе ставятъ въ нишу, при чемъ не забываютъ, что оно само безпомощно, можетъ упасть и разбиться и его укрѣпляютъ желѣзомъ. Подобное описаніе мы находимъ еще у пророка Исаіи XLIV, 9—20 ст.

17—19. Писатель изображаетъ все неразуміе обращаться съ молитвой къ идолу, приготовленіе котораго онъ только что описалъ. Идолъ не можетъ дать того, чего у него нѣтъ. А между тѣмъ люди „о здоровѣи вызываютъ къ немогущему, о жизни просятъ мертвое... о силѣ самое безсильное“, и не замѣчаютъ и не стыдятся этого неразумія.

XIV.

1—7. Неразумно обращаться съ молитвой къ идоламъ, когда міромъ управляетъ Божественный Промыслъ.—8—11. Судь Божій надъ идолопоклонствомъ.—12—20. Происхожденіе идолопоклонства.—21—31. Развращающее вліяніе его на нравственную жизнь.

1—2 ст. Въ концѣ предшествующей главы писатель говорилъ о тщетности молитвы обращенной къ идоламъ. Въ первыхъ стихахъ XIV гл. онъ приводитъ еще одинъ примѣръ этого. Собираясь плыть въ море, „иной призываетъ на помощь дерево“, т. е. обращается съ молитвой къ деревянному идолу, который не больше какъ кусокъ дерева, и мореплавателю можетъ оказать меньшую помощь, чѣмъ корабль, на который онъ садится: „слабѣйшее носящаго его корабля“. За прочность корабля говоритъ по крайней мѣрѣ то, что онъ, задуманный съ цѣлью навъны, построенъ искуснымъ техникомъ (2 ст.). Выраженіе „художникъ искусно устроилъ“ съ греческаго — художникъ устроилъ премудростію, при посредствѣ премудрости (τεχνίτης σοφία хатесх.). Мысль та, что Божественная премудрость помогаетъ человѣку въ устроеніи корабля, чего не бываетъ при дѣланіи идоловъ.

3—4 ст. Въ важнѣйшихъ обстоятельствахъ жизни, въ которыхъ люди тщетно

всего спасать, хотя бы кто отпра-
влялся *въ море* и безъ искусства.

5. Ты хочешь, чтобы не тщетны
были дѣла Твоя премудрости; по-
этому люди ввѣряютъ свою жизнь
малѣйшему дереву и спасаются, про-
ходя по волнамъ на ладѣ.

6. Ибо и вначалѣ, когда погуб-
ляемы были гордые исполины, на-
дежда міра, управляемая Твоею ру-
кою, прибѣгнувши къ кораблю, оста-

вила міру сѣмя рода.

7. Благословенно дерево, чрезъ
которое бываетъ правда!

8. А это рукотворенное проклято
и само, и сдѣлавшій его — за то, что
сдѣлалъ; а это тлѣнное названо бо-
гомъ.

9. Ибо равно ненавистны Богу и
нечестивецъ и нечестіе его;

10. и сдѣланное вмѣстѣ со сдѣ-
лавшимъ будетъ наказано.

обращались въ идоламъ (XIII, 17—19; XIV, 1—2 ст.), только одно Божественное про-
видѣніе можетъ помочь и спасти.

„Но промыслъ Твой, Отецъ, управляетъ кораблемъ...“ О наименованіи Бога
Отцомъ см. XI гл. 10—11 ст.; о промыслѣ см. VI, 7 ст. Сюзъ „но“ указываетъ на такую
связь мысли о промыслѣ Божиимъ съ предшествующимъ: хотя корабль хорошо задуманъ
и искусно устроенъ (2 ст.), но окончательный успѣхъ мореплаванія зависитъ отъ Про-
видѣнія (3 ст.). Вторая половина 3-го ст. даетъ основаніе для этой мысли: „ибо Ты
далъ и путь въ моръ и безопасную стезю въ волнахъ“. Часто это выраженіе
понимается въ общемъ смыслѣ, но прошедшее время глагола и послѣдующая рѣчь лучше
согласуются съ тѣмъ толкованіемъ, которое виднѣтъ здѣсь указаніе на чудо перехода
израильтянъ черезъ Черное море. Богъ полный владыка моря, Онъ открываетъ сво-
бодный путь по нему даже тѣмъ, кто „отправляется въ море и безъ искусства“. „Безъ
искусства“ (ἀνεὸ τέχνης) въ соотвѣтствіи съ „искусно устроилъ“ 2-го стиха означаетъ
здѣсь не искусство управления кораблемъ, а искусство строить корабли. Выразеніе
представляетъ метонимію: безъ искусства кораблестроенія, т. е. безъ кораблей. Богъ
спасъ евреевъ, хотя они отправлялись въ море, какъ по сухому пути, безъ кораблей.

5. Спасеніе евреевъ при переходѣ черезъ море, показавшее неограниченную власть
Божію надъ этой стихіей, было исключительнымъ событіемъ, но и обычно Богъ спасаетъ
людей, когда они „ввѣряютъ свою жизнь малѣйшему дереву“, т. е. кораблю (X, 4),
„чтобы не тщетны были дѣла Его Премудрости“. Подъ дѣлами Божіей премуд-
рости здѣсь по контексту рѣчи можно разумѣть только одно: устроеніе при помощи Боже-
ственной Премудрости человѣческихъ разумомъ кораблей. Выше во 2-мъ стихѣ писатель
говорилъ, что „художникъ премудростію устроилъ“ корабль. Развивая эту мысль, писа-
тель въ данномъ стихѣ говоритъ, что Богъ, не желая чтобы оказывались тщетными
дѣла, совершаемыя человѣческими разумомъ при помощи Его премудрости, спасаетъ
людей, когда они ввѣряютъ свою жизнь кораблю, одному изъ такихъ дѣлъ.

6. Шестой стихъ указываетъ частный прилѣкъ для мысли, высказанной въ 5 ст.,
въ спасеніи Ноя. Ковчегъ Ноя, болѣе чѣмъ всякій другой корабль, былъ дѣломъ Божіей
премудрости, поскольку онъ строился по непосредственнымъ указаніямъ Божиимъ. И вотъ,
управляемая рукою промысла Божія надежда міра (метонимія: тѣ, на комъ покоилась надежда
міра на спасеніе человѣчества, Ной и его семейство) прибѣгаетъ къ кораблю и спасается.

... „Оставила міру сѣмя рода“, т. е. потомство для продолженія человѣческаго
рода. Что въ данномъ мѣстѣ писатель несомнѣнно говоритъ о потоцѣ, на это ука-
зываетъ выраженіе „въ началѣ, когда погубляемы были гордые исполины“ (ср.
Быт. VI, 4 ст.).

7. Благословіе седьмого стиха относится къ ковчегу Ноеву, этому малому дереву
(X, 4), чрезъ которое восторжествовала правда благочестиваго семейства. Противоположнаго отношенія заслуживаетъ другое дерево, идолъ, о чемъ говорится въ слѣдую-
щихъ стихахъ.

8—10. Проклятію подвергаются не только идолъ: („это рукотворенное про-
клято“), но и сдѣлавшій его, именно за то, что сдѣлалъ, за самое намѣреніе сдѣ-
лать изъ дерева предметъ боготворенія.

11. Посему и на идоловъ языческихъ будетъ судъ, такъ-какъ они среди созданія Божія сдѣлались мерзостью, соблазномъ душъ чловѣческихъ и сѣтью ногамъ неразумныхъ.

12. Ибо вымысль идоловъ — начало блуда, и изобрѣтеніе ихъ—

растлѣніе жизни.

13. Не было ихъ въ началѣ, и не во-вѣки они будутъ.

14. Они вошли въ міръ по чловѣческому тщеславію, и потому близкой сужденъ имъ конецъ.

15. Отецъ, терзающійся горькою скорбью о рано-умершемъ сынѣ,

11 ст. „Посему и на идоловъ языческихъ будетъ судъ...“ Эти слова давали нѣкоторымъ основаніе предполагать, что писатель языческихъ боговъ считалъ за демоновъ, за разумныхъ существа, почему и возвѣщаетъ имъ наказаніе по суду Божію. Но въ другихъ мѣстахъ своей книги писатель неоднократно называетъ идоловъ бездушными, мертвыми (XIII, 10, 17; XIV, 29; XV, 5, 15). Поэтому правильнѣе въ данномъ мѣстѣ видѣть лишь поэтическое выраженіе для мысли, что идолопоклонство будетъ осуждено и уничтожено (ср. 14 ст.). Идолы зѣсь только символы и представители язычества. Причина уничтоженія язычества указывается далѣе писателемъ въ гибельномъ влияніи его на нравственную жизнь людей.

12. Въ трехъ стихахъ, съ 12—14, писатель дѣлаетъ переходъ отъ предшествующаго отбѣда къ дальнѣйшему и говорить вообще о происхожденіи идолопоклонства и его ничтожномъ основаніи. Въ 12 ст., въ частности, онъ указываетъ отрицательное значеніе идолопоклонства для нравственной жизни.

...„Вымысль идоловъ—начало блуда...“ Блудъ, *πορνεία*, нѣкоторыми толкователями понимается зѣсь въ смыслѣ нарушенія вѣрности Богу, измѣны Ему, вѣроотступничества, въ какомъ смыслѣ это слово часто употребляется въ Св. Пис., когда говорится о нарушеніи еврейми союза съ Іеговой, представляемаго въ образѣ брачнаго союза. Но въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ о язычникахъ, которые не состояли въ такомъ тѣсномъ союзѣ съ Богомъ; во 2 хъ), въ предшествующемъ 11-мъ стихѣ и во 2 й половинѣ 12-го ясно говорится о дурномъ нравственномъ влияніи идолопоклонства („Соблазнъ душъ“, „растлѣніе жизни“); поэтому и данное выраженіе правильнѣе понимать въ смыслѣ указанія на сладострастіе и распутство нѣкоторыхъ языческихъ культуръ.

13. ...„Не было ихъ въ началѣ...“ Писатель ясно выражаетъ мысль, что многобожіе не изначальное, а позднѣйшее явленіе въ религиозной жизни чловѣчества. Къ мысли о томъ, что начальная религія была монотеистической, писатель пришелъ не путемъ отвлеченнаго размышленія о существѣ религиозной потребности въ чловѣкѣ, какъ въ этомъ убѣждаются современные богословы, а черезъ повѣствованіе Св. Пис. о первыхъ людяхъ, которые знали и почитали единаго истиннаго Бога.

...„И не во-вѣки они будутъ“. На чемъ писатель основываетъ эту свою надежду онъ раскрываетъ въ слѣдующемъ стихѣ.

14. Идолопоклонство потому не можетъ быть вѣчнымъ явленіемъ въ религиозной жизни, что оно явилось по пустому и ничтожному побужденію. Идолы „вошли въ міръ по чловѣческому тщеславію“... *Κενδοῦσα* едва ли означаетъ зѣсь въ собственномъ смыслѣ тщеславіе, честолюбіе, ибо раскрывая свою мысль далѣе, писатель говорить о другомъ, болѣе благородномъ, мотивѣ возникновенія идолопоклонства, о скорби по любимомъ покойникѣ. Поэтому лучше переводить это слово: пустая мечта, химера.

15—20. Въ этихъ стихахъ писатель указываетъ двойное происхожденіе обоготворенія изображеній людей. Во-первыхъ, скорбь о любимомъ покойникѣ побуждала для сохраненія памяти о немъ дѣлать его изображеніе; впоследствии забывалось, что почитаемое изображеніе представляетъ чловѣка; ему воздавались божескія почести (15—16 ст.). Во-вторыхъ, подданные дѣлали изображенія своихъ князей, желая воздавать имъ почести и въ ихъ отсутствіе; продолжаясь и послѣ смерти князей, это почитаніе переходило въ обоготвореніе (17—20). Такимъ образомъ, по мысли писателя книги Премудрости идолопоклонство явилось прежде всего въ формѣ обоготворенія людей и языческіе боги были умершіе люди. Такого возрѣнія на происхожденіе идолопоклонства не встрѣчается нигдѣ

сдѣлавъ изображеніе его, какъ уже мертваго человѣка, затѣмъ сталъ почитать его, какъ бога, и передалъ подвластнымъ тайны и жертвоприношенія.

16. Потомъ утвердившійся временемъ этотъ нечестивый обычай соблюдаемъ былъ, какъ законъ, и по повелѣніямъ властителей изваяніе почитаемо было, какъ божество.

17. Кого въ лице люди не могли почитать по отдаленности жительства, того отдаленное лице они изображали: дѣлали видимый образъ почитаемаго царя, дабы этимъ усер-

діемъ польстить отсутствующему, какъ бы присутствующему.

18. Къ усиленію же почитанія и отъ незнающихъ поощряло тщаніе художника,

19. ибо онъ, желая, можетъ быть, угодить властителю, постарался искусствомъ сдѣлать подобіе красивѣе;

20. а народъ, увлеченный красотою отдѣлки, незадолго предъ тѣмъ почитаемаго, какъ человѣка, призналъ теперь божествомъ.

21. И это было соблазномъ для людей, потому что они, покоряясь

въ духахъ книгъ Св. Писанія Ветх. Зав. Но у древнихъ греческихъ писателей такой взглядъ высказывался неоднократно, особенно же онъ былъ развитъ Эвгемеромъ и по его имени называется обыкновенно эвгемеровскимъ. Изъ этого источника писатель нашей книги, надо полагать, почерпнулъ свое объясненіе происхожденія идолопоклонства. Христіанскіе писатели—Іустинъ философъ, Климентъ александрійскій, Тертуллианъ, Лактанцій, Августинъ широко пользовались этимъ взглядомъ, какъ сильнымъ доводомъ противъ вѣры язычниковъ въ своихъ боговъ.

15. „*Отець... сталъ почитать его, (умершаго сына) какъ бога, и передалъ подвластнымъ тайны и жертвоприношенія*“. Почитаніе умершихъ предковъ является одной изъ древнѣйшихъ формъ многобожія: оно было принадлежностью патриархальной эпохи. „Отець“, о которомъ говорить писатель, дѣйствительно скорѣе патриархъ, онъ руководить религиозной жизнью своей семьи и члены ея ему „подвластны“. Сохранилось предкопочитаніе и въ болѣе позднія времена: римскіе Лары были умершіе предки.

16 ст. указываетъ на то, какимъ образомъ почитаніе умершихъ предковъ сохранилось въ болѣе позднія времена. Его брала подъ свое покровительство гражданская власть: что прежде дѣлалось по личному усердію, теперь соблюдалось, „какъ законъ по повелѣнію властителей“.

17—20. Указаніе второго случая, когда почитаніе изображенія людей приводило къ ихъ обоготворенію.—Дѣлали изображенія царей, чтобы воздавать имъ почести. Красота отдѣлки статуй, сообщая имъ видъ вѣкоторой идеальной дѣйствительности, плѣняла чувства и воображеніе людей. Люди незнавшіе („отъ незнающихъ“ 18 ст.), кого изображала статуя, легко отъ чувственно-эстетическаго восхищенія переходили къ религиозному обожанію. Такъ „народъ, увлеченный красотою отдѣлки, незадолго предъ тѣмъ почитаемаго, какъ человѣка, призналъ теперь божествомъ“ (20). Замѣчательна мысль писателя книги Премудрости Соломона, что усиленію идолопоклонства много способствовала художественная красота статуй боговъ. Вѣроятно писатель, жившій въ Александріи, самъ наблюдалъ, какое чарующее впечатлѣніе на воспримчивую натуру грековъ производили прекрасныя по своей формѣ произведенія античнаго искусства, относящіяся къ области поэтической міеологіи.

21—31. Этотъ отдѣлъ содержитъ въ себѣ описаніе въ высшей степени пагубнаго вліянія идолопоклонства на нравственную жизнь людей. (Подобное же мѣсто см. Рим. I, съ 24 ст.). Писатель книги Премудрости Соломона вообще признавалъ тѣсную и неразрывную связь между религиознымъ познаніемъ и нравственностью. Какъ, по его мнѣнію, нравственная чистота дѣлаетъ человѣка способнымъ къ богопознанію, такъ обратно, религиозное заблужденіе приводитъ къ нравственному паденію.

Религиозное заблужденіе язычниковъ писатель кратко формулируетъ такъ: „они...

или несчастью, или тиранству, несообщимое Имя прилагали къ камнямъ и деревьямъ.

22. Потому не довольно было для нихъ заблуждать въ познаніи о Богѣ, но они, живя въ великой борьбѣ невѣжества, такое великое зло называютъ миромъ.

23. Совершая или дѣтубійственныя жертвы, или скрытныя тайны, или *заимствованныя* отъ чужихъ обычаевъ неистовыя пиршества,

24. они не берегутъ ни жизни, ни чистыхъ браковъ, но одинъ другаго

или коварствомъ убиваетъ, или прелюбодѣйствомъ обижаютъ.

25. Всѣми же безъ различія обладаютъ кровь и убійство, хищеніе и коварство, растлѣніе, вѣроломство, мятежь, клятвопреступленіе, расхищеніе имуществъ,

26. забвеніе благодарности, окверненіе душъ, превращеніе половъ, безчиніе браковъ, прелюбодѣяніе и распутство.

27. Служеніе идоламъ, недостойнымъ именованія, есть начало и причина, и конецъ всякаго зла.

несообщимое Имя прилагали къ камнямъ и деревьямъ“. Ср. Ис. XIII, 8... „покоряясь или несчастью (см. 15 ст.), или тиранству“ (св. 16 ст.).

22 ст. Заблуждая въ познаніи о Богѣ, язычники, „живя съ великой борьбой невѣжества, такое великое зло называютъ миромъ“. Подъ „великой борьбой невѣжества“ многіе толкователи разумѣютъ ожесточенные споры, которые происходили у язычниковъ, благодаря различнымъ и противорѣчивымъ ученіямъ о богахъ, ихъ происхожденіи, существѣ, силѣ. Но эти споры происходили въ средѣ язычниковъ образованныхъ по тому времени, уже отрѣшившихся отъ грубаго идолопоклонства, между тѣмъ какъ писатель говоритъ здѣсь о простонародной массовой религіи, именно о невѣжественномъ идолопоклонствѣ. „Великая борьба“ далѣе въ этомъ же стихѣ противопоставляется миру и называется „великимъ зломъ“, которое подробно и описывается въ слѣдующихъ стихахъ.

Отсюда видно, что эта борьба совершается собственно въ нравственной жизни и состоитъ въ томъ, порождаемомъ политеистическимъ возрѣваніемъ, внутреннею безпокойствѣ и смятеніи духа, которое происходитъ оттого, что человекъ не находитъ нигдѣ внутренняго единства жизни. Этой причины своего внутренняго разлада сами язычники не замѣчаютъ и потому „великое зло называютъ миромъ“.

23—24. Говорится о тѣхъ безнравственныхъ поступкахъ, которые были непосредственно связаны съ языческимъ идолопоклонствомъ и имъ освящались.

„Дѣтубійственныя жертвы“... (0 нихъ см. замѣчаніе къ 5—6 ст. XII гл.) писатель едва ли могъ поставить въ вину современнымъ ему язычникамъ, къ которымъ онъ обращался. Въ такихъ культурныхъ странахъ, какъ Египетъ, человѣческія жертвы тогда уже не существовали. Поэтому данными словами писатель хотѣлъ лишь указать, до чего вообще можетъ доводить язычество...

„скрытныя тайны“... Какъ видно изъ 24 ст. писатель разумѣлъ здѣсь связанное съ мистеріями и вообще съ языческими религіозными учрежденіями расоупство. Въ основѣ языческихъ религій лежало обоготвореніе природы. Частный видъ этого обоготворенія—почитаніе производительной силы природы, выражался въ соблазнительныхъ символахъ и прямо распутныхъ дѣйствіяхъ. Религіозное освященіе разврата приводило къ самымъ печальнымъ послѣдствіямъ, о чемъ говорятъ 24 ст.

25—27 Въ этихъ стихахъ содержится описаніе безнравственной жизни язычниковъ вообще. Писатель приводитъ длинный рядъ пороковъ, не опредѣляя точнѣе въ какой формѣ эти пороки проявились. Заподозрить автора въ томъ, что онъ намѣренно сгущалъ краски въ этомъ описаніи, нѣтъ основаній, въ виду согласія его съ другими историческими свидѣтельствами. Указать какой нибудь порядокъ въ этомъ перечисленіи трудно (какъ и Рим. I, съ 29 ст.).

27 „Служеніе идоламъ, недостойнымъ именованія“... Имя указываетъ обыкновенно на существенныя свойства предмета, или на его достоинство. Идолы потому недостойны имени, что они не имѣютъ реальныхъ признаковъ бытія, они—ничто; или

28. ибо они или веселясь неистовствуют, или прорицаютъ ложь, или живутъ беззаконно, или скоро на рушаютъ клятву.

29. Надѣясь на бездушныхъ идоловъ, они не думаютъ быть наказанными за то, что несправедливо клянутся.

30. Но за то и другое придетъ

на нихъ осужденіе и за то, что нечестиво мыслили о Богѣ, обращаясь къ идоламъ, и за то, что ложно клялись, коварно презирая святое.

31. Ибо не сила тѣхъ, которыми они клянутся, но судъ надъ согрѣшающими слѣдуетъ всегда за преступленіемъ неправедныхъ.

потому, что они не имѣютъ никакой славы и значенія, въ противоположность величію и владычеству Божію. Въ служеніи такимъ богамъ—источникъ всякаго зла: „начало и причина и конецъ“.

28. Раскрывая мысль предшествующаго стиха, писатель говоритъ, какое въ частности зло проистекаетъ изъ идолопоклонства. Оно дѣлаетъ мутными самые частые источники человѣческой жизни: радость доводитъ до неистовства, пророческое вдохновеніе омрачаетъ ложью, релігіозную довѣрчивость—нарушеніемъ клятвы. Слова „прорицаютъ ложь“ относятся къ языческимъ оракуламъ, потомъ разнаго рода гадателямъ, астрологамъ.

29. Въ двадцать девятомъ стихѣ объясняется, почему нарушеніе клятвы часто имѣло мѣсто въ язычествѣ. Причина этого указывается въ невѣрїи. Люди не вѣрили въ бездушныхъ идоловъ, они не боялись быть ими наказанными, поэтому нарушеніе клятвы ихъ не утрашало. Такихъ прихѣровъ, когда люди только внѣшне принадлежали къ официальной релігіи, большею частью изъ матеріальныхъ выгодъ, (XV, 12), по внутреннему же настроенію были рѣшительными атеистами, язычество въ періодъ своего упадка знаетъ весьма много.

30 ст. Упомянутые клятвопреступники будутъ подвергнуты осужденію, во-первыхъ за то, что нечестиво мыслили о Богѣ, „обращаясь къ идоламъ“, т. е. за то, что извращали понятіе о Богѣ. Извращали понятіе о Богѣ не только тѣ язычники, которые чистосердечно за боговъ считали идоловъ и боялись клятвы, но и тѣ, которые, невѣруя въ этихъ боговъ, наружно обращались къ нимъ и извлекали изъ этого выгоду (29 ст. ср. XV, 12 ст.) Во вторыхъ, будутъ осуждены „за то, что ложно клялись, коварно презирая святое“. „Коварно, *ἐν δόλῳ*, съ обманнымъ умысломъ, именно противъ ближняго „Презирая святое“, т. е. то, что такимъ считалось съ точки зрѣнія самого язычества.

31. Последній стихъ отвѣчаетъ на возможное недоумѣніе. Невѣрующіе изъ язычниковъ не ожидали никакого наказанія за свое клятвопреступленіе потому, что они клялись мертвыми богами (29), между тѣмъ писатель возвѣстилъ, что они будутъ за это осуждены (30); не говорятъ ли это о силѣ тѣхъ, которыми они клялись? Писатель отрицаетъ это и говоритъ, что они наказаны будутъ потому, что „всегда судъ слѣдуетъ за преступленіемъ“: такова природа грѣха, что за нимъ неизбѣжно слѣдуетъ наказаніе.

ГЛАВА 15-я.

1. Но Ты, Богъ нашъ, благъ и истиненъ, долготерпѣливъ и управляешь всѣмъ милостиво.

2. Если мы и согрѣшаемъ, мы—Твои, признающіе власть Твою; но мы не будемъ грѣшить, зная, что мы признаны Твоими.

3. Знать Тебя есть полная праведность, и признавать власть Твою—корень безсмертія.

4. Не обольщаетъ насъ лукавое человѣческое изобрѣтеніе, ни безплодный трудъ художниковъ—изображенія, испещренные различными красками,

5. Взглядъ на которыя возбуждаетъ въ безумныхъ похотѣніе и вождельніе къ бездушному виду мертвого образа.

XV.

1—5. Значеніе истиннаго богопознанія.—6—13 Неразумность идолопоклонства, очевидная изъ способа приготовленія идоловъ,—14—17 изъ ихъ свойствъ и—18—19 изъ почитанія животныхъ.

1—5 ст. Первые пять стиховъ XV гл. содержатъ противопоставленіе описанному въ XIV гл. развращающему нравственному вліянію язычества внутреннихъ, приводящихъ къ праведности и безсмертію, отношеій Бога къ израильскому народу.

1. „Но ты, Богъ нашъ (т. е. израильскій), благъ и истиненъ, долготерпѣливъ...“ При перечисленіи этихъ свойствъ писателю предносилось, вѣроятно, мѣсто изъ кн. Исход. XXXIV, 6 ст. „Истиненъ“, т. е. вѣренъ въ своихъ обѣтованіяхъ.

2. Указанія въ 1 ст. свойства Божіи опредѣляютъ отношенія Бога къ израильтянамъ. „Если мы и согрѣшаемъ, мы—Твои, признающіе власть Твою“... Несмотря на то, что израильскій народъ согрѣшаетъ передъ Богомъ, онъ все же продолжаетъ оставаться народомъ Божіимъ, Его достойнымъ, находящимся подъ Его покровительствомъ и властію. Такая неизмѣнность основывается со стороны Бога на Его указанныхъ свойствахъ, со стороны израильскаго народа на его познаніи истиннаго Бога: „признающіе власть Твою“. Далѣе въ 3-мъ стихѣ писатель говоритъ о значеніи истиннаго богопознанія, но теперь, какъ бы чувствуя въ своемъ утвержденіи, что и согрѣшающій израиль продолжаетъ оставаться народомъ Божіимъ, не отвѣчающій его взглядамъ религіозный партикуляризмъ, онъ свѣшнѣе добавляетъ: „но мы не будемъ грѣшить, зная, что мы признаны Твоими“. Такимъ образомъ писатель надѣется, что высокое призваніе народа еврейскаго, въ качествѣ народа Божія, послужитъ для него побужденіемъ „не грѣшить“. Еврейскій народъ будетъ въ такомъ случаѣ достоинъ своего призванія.

3. „Знать Тебя есть полная праведность“. Подъ знаніемъ Бога здѣсь разумѣется не внѣшнее теоретическое признаніе бытія истиннаго Бога, но внутреннее усвоеніе себѣ Бога, проясненіе мыслию о Богѣ всей жизни и дѣятельности человѣка, каковое богопознаніе дѣйствительно приводитъ къ „полной праведности“.

„...Признавать власть Твою—корень безсмертія“. Признавать власть Бога, значить постоянно руководиться Его волей, это ближайшее слѣдствіе истиннаго богопознанія приводитъ къ безсмертію (см. I, 15), т. е. къ блаженной жизни въ вѣчномъ общеніи съ Богомъ. Выясняя значеніе истиннаго богопознанія, писатель хотѣлъ этимъ указать, почему народъ еврейскій въ религіозномъ отношеніи занимаетъ исключительное среди другихъ народовъ положеніе.

4—5. Владѣя истиннымъ богопознаніемъ, израильтяне уже не обольщаются тѣми образами, въ которыхъ воплощаетъ идею о Богѣ язычество. Они видятъ въ нихъ „лу-

6. И дѣлающіе, и похотствующіе, и чествующіе суть любители зла, достойные такихъ надеждъ.

7. Горшечникъ мнетъ мягкую землю, заботливо лѣпитъ всякій *сосудъ* на службу нашу; изъ одной и той же глины выдѣлываетъ сосуды, потребные и для чистыхъ дѣлъ и для нечистыхъ—всѣ одинаково; но какое cadaго изъ нихъ употребленіе, судья—тотъ же горшечникъ.

8. И суетный труженикъ изъ той же глины лѣпитъ суетнаго бога,

тогда-какъ самъ недавно родился изъ земли и вскорѣ поидетъ туда же, откуда онъ взятъ, и взыщется съ него долгъ души его.

9. Но у него забота не о томъ, что онъ долженъ много трудиться, и не о томъ, что жизнь его кратка; но онъ соревнуетъ художникамъ золотыхъ и серебряныхъ издѣлій и подражаетъ мѣдникамъ, и вмѣняетъ себѣ въ славу, что дѣлаетъ мерзости.

какое человеческое изобрѣтеніе“, „*безплодный трудъ художниковъ*“. Почитателей Бога живаго не можетъ прельстить красота „*мертваго образа*“, т. е. идола (ср. XIV, 20).

6 ст. Съ шестого стиха и по конецъ главы писатель возвращается къ той же темѣ о неразумности идолопоклонства, которую онъ раскрылъ въ XIII, 10—19 ст. Давный стихъ представляетъ введеніе, въ которомъ высказывается общее сужденіе о всѣхъ тѣхъ, кто въ какомъ нибудь отношеніи стоитъ къ идолопоклонству. Всѣ они одинаково „*любители зла*“—и дѣлающіе идоловъ и лѣпящіеся ихъ чувственной красотой („*похотствующіе*“) и воздающіе имъ почести.

„...*достойные такихъ надеждъ*...“, достойные того, чтобы ихъ надежды на бездушныхъ идоловъ (XIII, 10) совершенно рушились (V, 14); или можетъ быть здѣсь метонимія (какъ въ XIV, 6) и подъ надеждами разумѣются предметы надеждъ, т. е. идола. Тогда мысль такая: достойные своихъ вичтожныхъ боговъ.

7 ст. Съ 7—13 ст. писатель неразумность идолопоклонства старается показать на способѣ приготовления идоловъ, подобно тому какъ и въ XIII, 11—16 ст. Но между этими двумя отдѣлами есть то различіе, что „*древотѣль*“ XIII гл. самъ проникается религиознымъ чувствомъ къ сдѣланному идолу (см. XIII, 17 ст.), а изображаемый здѣсь ваятель обнаруживаетъ въ своей работѣ легкомысліе и невѣріе.

Мысль 7-го ст. та, что идола по способу приготовления вичѣмъ не отличаются отъ глиняной посуды. Одно и тоже лицо изъ одного и того же матеріала дѣлаетъ и то и другое. Отъ горшечника зависитъ для какого употребленія создать предметъ изъ приготовленнаго матеріала: „*какое cadaго изъ нихъ употребленіе, судья—тотъ же горшечникъ*“. Подъ „горшечникомъ“ 7-го ст. разумѣется не только гончарь, но и ваятель (см. 8 ст.).

8—9 ст. „...*суетный труженикъ*“... Это тотъ же горшечникъ 7-го стиха; „...*суетный богъ*...“—идоль. „...*Родился изъ земли и вскорѣ поидетъ туда*...“ Ср. Быт. II, 7; III, 19. „...*взыщется съ него долгъ души*...“; жизнь разсматривается какъ вѣчто полученное отъ Бога въ долгъ, который уплачивается со смертію. Этимъ образомъ обозначается безусловная зависимость земной жизни человѣка отъ Бога. „*Но у него забота не о томъ, что онъ долженъ много трудиться*...“ Понимаютъ это выраженіе часто въ томъ смыслѣ, что ваятель не беспокоится о томъ, что приготовленіе идоловъ потребуетъ отъ него много времени и труда, лишь бы достигнуть извѣстнаго совершенства. Такое пониманіе не отвѣчаетъ контексту. Начало девятаго стиха является противопоставленіемъ 8-му. Человѣкъ скоро долженъ умереть, „онъ о томъ не думаетъ, свою краткую жизнь онъ долженъ наполнить серьезнымъ трудомъ, „а у него не о томъ забота“; ваятель предался тщеславію, онъ поглощенъ мыслью о томъ, чтобы въ изображеніи идола достигнуть такого совершенства, чтобы соперничать съ „художниками золотыхъ и серебряныхъ издѣлій“.

Мысль обоихъ стиховъ такая: самый матеріалъ, надъ которымъ работаетъ ваятель, долженъ былъ бы напоминать ему о его происхожденіи и бренности и удержи-

10. Сердце его — пепель, и надежда его ничтожныѣ земли, и жизнь его презрѣнныѣ грязи;

11. ибо онъ не позналъ Сотворившаго его и вдунувшаго въ него дѣятельную душу и вдохнувшаго въ него духъ жизни.

12. Они считаютъ жизнь нашу забавою и житіе прибыльною торговлею, ибо говорятъ, что должно же откуда либо извлекать прибыль, хотя бы и изъ зла.

13. Впрочемъ такой болѣе всѣхъ знаетъ, что онъ грѣшитъ, дѣлая

изъ землянаго вещества брѣнные сосуды и изваянія.

14. Самые же неразумные изъ всѣхъ и бѣднѣе умомъ самыхъ младенцевъ — враги народа Твоего, угнетающіе его,

15. потомучто они почитаютъ богами всѣхъ идоловъ языческихъ, у которыхъ нѣтъ употребленія ни глазъ для зрѣнія, ни ноздрей для привлеченія воздуха, ни ушей для слышанія, ни перстовъ рукъ для осязанія, и которыхъ ноги негодны для хожденія.

вать отъ дерзкаго намѣренія изобразить сверхчужественное существо (8), однако ваятель не руководится этими высокими мотивами, онъ весь поглощенъ низменнымъ тщеславіемъ.

10. Десятый стихъ дѣлаетъ общую оцѣнку внутренняго міра ваятеля идоловъ. „Сердце его пепель...“, т. е. для всего высшаго онъ умеръ, его мысли и чувства низменны, ничтожны. „...Надежда его ничтожныѣ земли“, того самаго матеріала, надъ которымъ онъ работаетъ.

11 ст. Указанный въ десятомъ стихѣ низкій образъ мыслей и жизни ваятеля идоловъ имѣетъ свое основаніе въ недостаткѣ познанія истиннаго Бога: „ибо онъ не позналъ Сотворившаго его, вдунувшаго въ него дѣятельную душу и вдохнувшаго въ него духъ жизни“. Нѣкоторые толкователи ссылаются на приведенныя слова въ доказательство, что писатель кн. Препрудости различаетъ не двѣ, а три части человѣческаго существа; кромѣ тѣла, еще „дѣятельную душу“ и „духъ жизни“. Первая означаетъ принципъ мысли и хотѣнія въ человѣкѣ, второй — начало животной жизни. Но такое объясненіе не согласуется съ другими мѣстами кн., гдѣ писатель опредѣленно говоритъ о двухъ частяхъ человѣческаго существа — тѣлѣ и душѣ (I, 4; VIII, 19; IX, 15). Поэтому правильнѣе въ этомъ выраженіи видѣть параллелизмъ.

12. „Они считаютъ жизнь нашу забавою, и житіе прибыльною торговлею“... Эти слова изображаютъ легкомысліе тѣхъ людей, которые не признаютъ серьезнаго значенія за человѣческой жизнию. Сдѣланныя здѣсь писателемъ переходы отъ единственнаго числа къ множественному („они“) говорятъ о томъ, что взятый нѣтъ примѣръ ваятеля представляетъ собой типъ извѣстнаго сорта людей. Они „говорятъ, что должно же откуда либо извлекать прибыль, хотя бы изъ зла“... Зломъ здѣсь писатель называетъ дѣланіе идоловъ (ср. 6 ст.). Значитъ, къ приготовленію идоловъ ваятелей побуждало стремленіе къ наживѣ, а не религіозное чувство (подобный примѣръ указыв. въ Дѣян. Ап. XIX, с. 23 ст.).

13. По тринадцатому стиху видно, что писатель, какъ и въ XIV, 29, представляетъ такого человѣка, который сознаетъ вѣчностъ идолопоклонства и лишь лицемерно продолжаетъ оставаться на его сторонѣ, чтобы использовать для своей выгоды суевѣрія своихъ ближнихъ. Поэтому „такой (человѣкъ) болѣе всѣхъ знаетъ, что онъ грѣшитъ, дѣлая... изваянія“.

14. Съ четырнадцатаго по 17 ст. писатель вообще говоритъ о неразумности идолопоклонства, основываясь главнымъ образомъ на томъ, что поклоняющіеся идоламъ почитаютъ мертвое. Подъ „врагами народа Твоего“, нерѣдко разумѣютъ древнихъ египтянъ, порабителѣй евреевъ, сопоставляя это выраженіе съ X, 15. Но, принимая во вниманіе настоящія времена глаголовъ, правильнѣе разумѣть здѣсь египтянъ современнаго писателю, или можетъ быть писатель разумѣлъ вообще чужіе народы, которые тогда подчиняли своему господству евреевъ.

15. ... „Они почитаютъ богами всѣхъ идоловъ языческихъ...“ Многія древнія религіи призывали за боговъ и божества другихъ религій и народовъ и когда поко-

16. Хотя человекъ сдѣлалъ ихъ, и заимствовавшій духъ образовалъ ихъ, но ни какой человекъ не можетъ образовать бога, какъ онъ самъ.

17. Будучи смертнымъ, онъ дѣлаетъ нечестивыми руками мертвое, поэтому онъ превосходитъ божество свихъ, ибо онъ жилъ, а тѣ—никогда.

18. Притомъ они почитаютъ животныхъ самыхъ отвратительныхъ, которыя по бессмыслию сравнительно хуже всѣхъ.

19. Они даже некрасивы по виду, какъ другія животныя, чтобы могли привлекать къ себѣ, но лишены и одобрения Божія и благословенія Его.

ряды ихъ, то боговъ побѣжденныхъ включали въ свой пантеонъ. На это, вѣроятно, указываютъ приведенныя слова. Слѣдующее далѣе описаніе идоловъ напоминаетъ СXXXIV пс., 16—17 ст.

16—17 ст. Выраженіе „заимствовавшій духъ“ объясняется изъ сопоставленія съ 8 и 11 ст. Духъ человека представляется какъ бы полученнымъ отъ Бога взаимно. ... „никакой человекъ не можетъ образовать бога, какъ онъ самъ“. Слова „какъ онъ самъ“ относятъ иногда къ существительному „Богъ“ и объясняютъ данное мѣсто такимъ образомъ: никакой созданный человекомъ образъ божества не будетъ ему подобенъ, ибо никакая чувственная форма не выразитъ его сверхъчувственного духовнаго бытія. Такое объясненіе разрываетъ всякую связь 16-го ст. съ послѣдующими. По связи рѣчи выраженіе „какъ онъ самъ“ слѣдуетъ отнести къ существительному человекъ и мысль будетъ такая: идолъ, какъ произведеніе человекъ, менѣе совершененъ, чѣмъ онъ самъ. Созданный Богомъ, человекъ „превосходнѣе божество (т. е. идоловъ) своимъ, ибо онъ жилъ, а тѣ никогда“.

18—19. Въ двухъ послѣднихъ стихахъ писатель говоритъ о неразуміи почитанія животныя у египтянъ (см. XI, 15; XII, 24) и этия дѣлаетъ переходъ къ отдѣлу съ XVI—XIX гл., въ который онъ снова возвращается къ ирраванію въ XII гл. сравненію противоположной судьбы египтянъ и израильянъ во время выхода послѣднихъ.

Въ виду почитателямъ животныя писатель ставитъ самый выборъ изъ: почитаютъ животныя, которыя бессмысленнѣе другихъ и вдобавокъ некрасивы. Видно они лишены одобрения Божія и благословенія Его. Значитъ у этой формы идолопоклонства вѣтъ и того извиненія, что люди преклоняются передъ проявленіемъ разума и красоты.

Г Л А В Ы 16-я—19-я.

Сопоставленіе событій изъ исторіи египтянъ и еврейскаго народа во время освобожденія его изъ рабства.

Въ этомъ послѣднемъ отдѣлѣ книги Премудрости Соломона писатель возвращается къ той же темѣ, какая раскрывалась имъ въ X, 15—XI, 1—17 ст. и которая была прервана разсужденіемъ о Божіей любви (XI, 18—XII) и о происхожденіи и неразумности идолопоклонства (XIII—XV). Выясняя противоположную участь покровительствуемыхъ премудростію Божіей евреевъ и отверженныхъ египтянъ, онъ дѣлаетъ пять сопоставленій событій періода выхода евреевъ изъ Египта. Сопоставленія эти сдѣланы весьма искусно, въ описаніи событій не мало новыхъ, сравнительно съ книгой Исходъ. подробностей и объясненій, а самыя описанія перѣдко весьма художественны (напр. XVII гл.).

ГЛАВА 16-я.

1. Посему они достойно были наказаны чрезъ подобныхъ животныхъ и терзаемы множествомъ чудищъ.

2. Въмѣсто такого наказанія, Ты благодѣтельствовала народу Твоему: въ удовлетвореніе прихоти ихъ Ты приготовилъ имъ въ насыщеніе необычайную пищу—перепеловъ,

3. дабы тѣ, мучимые голодомъ, по

отвратительному виду насланныхъ гадовъ, отказывали и необходимому позыву на пищу, а эти, кратковременно потерпѣвши недостатокъ, вкусили необычайной пищи.

4. Ибо тѣхъ притѣснителей долженъ былъ постигнуть неотвратимый недостатокъ, а этимъ только нужно было показать, какъ мучились враги ихъ.

XVI.

1—14. Наказаніе египтянъ чрезъ животныхъ и облагодѣтельствовавие чрезъ нихъ евреевъ.—15—29. Второе сопоставленіе: наказаніе египтянъ грозными стихійными явленіями и благодѣтельное дѣйствіе ихъ на евреевъ.

Начальные 14 стиховъ XVI гл. содержатъ первую параллель между противоположной участію египтянъ и израильтянъ, именно въ отношеніи наказанія однихъ и облагодѣтельствовавия другихъ чрезъ животныхъ. Израильтяне утоляли свой голодъ посылаемыми имъ животными, у египтянъ же, напротивъ, видъ посланныхъ во 2-й казни животныхъ вызываетъ отвращеніе къ пищѣ (1—4 ст.). Если же израильтяне наказывались чрезъ животныхъ, то, въ противоположность египтянамъ, на короткое время и при томъ съ тою цѣлью, чтобы быстро слѣдующее за наказаніемъ спасеніе напомнило имъ о милости Божіей (5—14 ст.).

1 ст. См. замѣчаніе къ XI, 16 ст. Первый стихъ тѣсно связанъ съ двумя послѣдними стихами XV гл. Нелѣпное до крайности почитаніе отвратительныхъ животныхъ было причиной того, почему египтяне „достойно были наказаны чрезъ подобныхъ животныхъ“.

2 ст. Ср. XIX, 11—12; Исх. XVI, 13; Числ. XI, 31; Пс. LXXVII 27; CIV, 40.

Перехода къ судьбѣ израильскаго народа, писатель наказанію египтянъ чрезъ животныхъ противопоставляетъ облагодѣтельствовавие евреевъ посланіемъ имъ въ пищу перепеловъ. Это было сдѣлано „въ удовлетвореніе прихоти ихъ“, т. е. когда евреи настоящаго голода еще не чувствовали, а прося мяса, какъ замѣчаетъ писатель въ другомъ мѣстѣ, „увлеклись пожеланіемъ“ (XIX, 11). Эта черта здѣсь отмѣчается писателемъ для противопоставленія голоду египтянъ 3-го стиха.

3 ст. Писатель разумѣетъ наказаніе египтянъ отвратительными жабами, появившимися въ такомъ количествѣ, что онѣ залѣзали всюду: въ дома, въ печи, въ квашни (Исх VII, 28) и возбуждали брезгливость къ пищѣ, къ которой прикасались. Поэтому-то „мучимые голодомъ“ египтяне „отказывали необходимому позыву на пищу“. Такимъ образомъ израильтянамъ животныя посылались для удовлетворенія ихъ „прихоти“, а египтянамъ животныя мѣшали удовлетворить и естественному чувству голода. Какъ видно изъ этого примѣра писатель съ большимъ искусствомъ устанавливаетъ параллель между различными событіями изъ древней исторіи еврейскаго народа. Начало 3-й ст. „дабы тѣ“... непосредственно связано съ 1-мъ стихомъ, а не со вторымъ.

4. См. XI, 9—11 ст. Мѣра наказанія для израильтянъ и египтянъ неодинаковая. Первыхъ постигаетъ „неотвратимый недостатокъ“, полная невозможность удовлетворить свой голодъ, полная мѣра наказанія, а израильтяне наказываются только для

5. И тогда, какъ постигла ихъ ужасная ярость змѣрей, и они были истребляемы угрызениями коварныхъ змievъ, гнѣвъ Твой не продолжился до конца.

6. Но они были смущены на краткое время для вразумленія, получивши знаменіе спасенія на воспоминаніе о заповѣди закона Твоего,

7. ибо обращавшійся исцѣлялся не тѣмъ, на что взиравъ, но Тобою, Спасителемъ всѣхъ.

8. И этимъ Ты показалъ врагамъ нашимъ, что Ты—избавляющій отъ всякаго зла:

9. ибо ихъ убивали уязвленія саранчи и мухъ, и не нашлось вра-

чества для души ихъ, потому что они достойны были мученія отъ сихъ.

10. А сыновъ Твоихъ не одолѣли и зубы ядовитыхъ змievъ, ибо милость Твоя пришла на помощь и исцѣлила ихъ.

11. Хотя они и были уязвляемы въ напоминаніе имъ словъ Твоихъ, но скоро были и исцѣляемы, дабы, впадши въ глубокое забвеніе *онихъ*, не лишились Твоего благодѣянія.

12. Не трава и не пластырь врачевали ихъ, но Твое, Господи, всеисцѣляющее слово.

13. Ты имѣешь власть жизни и смерти и низводишь до вратъ ада и возводишь.

того, чтобы знать, „какъ мучились враги ихъ“. Въ самомъ ихъ страданіи есть доля пріятнаго, сознаніе, что также, но еще въ большей степени, страдали ихъ историческіе враги.

5. Писатель переходитъ къ другому событію, наказанію правлятянъ укушеніемъ ядовитыхъ змievъ (Числ. XXI съ 6 ст.) и отмѣчаетъ прежде всего то, что и здѣсь „*гнѣвъ Божій не продолжался до конца*“.

6—7 ст. Эти стихи передаютъ рассказъ Моисея о мѣдномъ змievѣ (Числ. XXI, 8—9), который былъ вознесенъ на дерево съ тѣмъ, чтобы укушенные змievами. Взвѣсивъ на него, получали исцѣленіе. Этотъ змievъ былъ для евреевъ „*знаменіемъ спасенія*“, вѣстнаго рода символомъ, но не самъ непосредственно давалъ исцѣленіе: „*ибо обращавшійся исцѣлялся не тѣмъ, на что взиравъ, но Тобою, Спасителемъ всѣхъ*“. Значеніе змievа, какъ символа, заключалось въ томъ, что онъ наводилъ на „*воспоминаніе о заповѣди закона Твоего*“. Нѣтъ основанія думать, что змievъ напоминалъ о какой-нибудь определенной заповѣди закона, нарушенной евреями. Далѣе это выраженіе замѣняется болѣе общимъ: „*въ напоминаніе словъ Твоихъ*“ (11 ст.). Мѣдный змievъ вообще долженъ былъ напоминать евреямъ о милости Божией, спасающей кающихся грѣшниковъ, и объ ихъ долгѣ повинновенія Богу.

8—10. Событію исцѣленія евреевъ отъ укусовъ ядовитыхъ змievъ писатель противопоставляетъ „казни“ египтянъ отъ мухъ и саранчи. Эта, повидимому, ничтожная опасность приводила ихъ къ гибели (9 ст.), тогда какъ милость Божія спасала еврейскій народъ и въ несравненно большихъ опасностяхъ (10 ст.). Это сопоставленіе было поучительно и для самихъ египтянъ: „*этимъ Ты показалъ врагамъ нашимъ, что Ты—избавляющій отъ всякаго зла*“. Здѣсь, какъ и въ XI, 14, писатель или предполагаетъ, что событія странствованія евреевъ по пустынѣ становились извѣстными въ Египтѣ, или говоритъ вообще объ урскѣхъ исторіяхъ для потомковъ.

11. Указывается цѣль милостей Божіихъ къ евреямъ въ томъ, чтобы они не ввали „въ глубокое забвеніе“ словъ Божіихъ. Такимъ образомъ, по мысли писателя, еврейскій народъ воспитывался въ вѣрности Иеговъ Его милостями и благодѣяніями.

12—13. Утвержденіе 11-го стиха, что спасеніе израильтянъ имѣло цѣлью напомнить имъ о Богѣ и объ ихъ обязанности повинновенія Его заповѣдямъ, писатель обосновываетъ здѣсь на томъ, что исцѣленіе совершалось не естественными силами природы, но единственно всемогущей волей Бога, Владыки жизни и смерти.

... „*Всеисцѣляющее слово*“...—здѣсь не логось александрийцевъ, но по сравненію этого стиха съ 7, 10 и 26 ст. разумѣется открывающаяся во вѣншемъ мірѣ Божественная воля, естественнымъ и весьма частымъ въ Св. Писаніи символомъ которой является рѣчь, слово (Ис. CIV, 20; Ис. LV, 11).

14. Человѣкъ по злобѣ своей убиваетъ, но не можетъ возвратити испещеннаго духа и не можетъ призвать взятой души.

15. А Твоей руки невозможно избѣжать,

16. ибо нечестивые, отречшіеся познати Тебя, наказаны силою мыщцы Твоей, бывши преслѣдуемы необыкновенными дождями, градами и неотвратимыми бурями и истребляемы огнемъ.

17. Но самое чудное было то, что огонь сильнѣе оказывалъ дѣйствіе въ водѣ всепогашающей, ибо самыя

міръ есть поборникъ за праведныхъ.

18. Иногда пламя укрощалось, чтобы не сжечь животныхъ, посланныхъ на нечестивыхъ, и чтобы они, видя это, познали, что преслѣдуются судомъ Божиимъ.

19. А иногда и среди воды жгло сильнѣе огня, дабы истребить произведенія земли неправедной.

20. Въмѣсто того народъ Твой Ты питалъ пищею ангельскою и послалъ имъ, нетрудящимся, съ неба готовый хлѣбъ, имѣвшій всякую пріятность по вкусу каждаго.

... „низводити до вратъ ада и возводити“. Низвести до вратъ ада, значитъ привести къ смерти, а возвести изъ ада на языкѣ Св. Писанія часто (см. Пс. XLVIII, 16; LXXXV, 13) означаетъ избавити отъ смертной опасности. Но въ виду того, что въ слѣдующемъ стихѣ могуществу Божію противопоставляется безиліе человѣка вернуть отнятую у другого человѣка жизнь, правильнѣе и здѣсь въ словахъ „возводишь“ изъ ада видѣть ту мысль, что Богъ можетъ возвратити жизнь умершему.

15—29. Въ этомъ отдѣлѣ содержится вторая параллель между судьбой евреевъ и египтянъ. Послѣдніе были наказаны дождемъ, градомъ и огнемъ, огонь истреблялъ ихъ средства пропитанія; напротивъ, израильтянамъ давалась чудесная небесная пища, похожая съ виду на снѣгъ и градъ, которая не таяла даже отъ огня. Правда, часть этой пищи для израильтянъ проидала, то все же не отъ той причины, что у египтянъ, не отъ уничтожающей силы — огня, но отъ слабаго солнечнаго луча, и не въ наказаніе имъ это случалось, а для напоминанія о долгѣ благодарности.

16—19. Основаніемъ для этого разсказа писателя служить повѣствованіе Моисея о 7 и 8 казняхъ египетскихъ: Исх. IX, 22—25. Однако, характеръ разсказа таковъ, что трудно рѣшить, передаетъ ли писатель своимъ особымъ языкомъ только о событіяхъ уже извѣстныхъ изъ книги Исходъ, вводя лишь въ нихъ новыя подробности, или же онъ говоритъ частью о событіяхъ, совершенно неизвѣстныхъ изъ Вибліи. Особенное недоумѣніе возбуждаетъ разсказъ объ огнѣ, который „жегъ и среди воды“ (19) и даже „сильнѣе оказывалъ дѣйствіе въ водѣ“ (17), который дѣйствовалъ съ разборомъ (18). Если подъ этимъ огнемъ разумѣть молнію, сопровождавшую градъ и бурю, поражавшую и среди разразившагося ливня, на что, повидимому, указываетъ названіе этого огня „горящимъ въ градѣ и блистающимъ въ дождяхъ“, то въ такомъ случаѣ писатель сообщаетъ о событіи по существу извѣстномъ уже изъ разсказа Моисея, только украшаетъ его подробностями позднѣйшаго преданія. Кроме введенія новыхъ подробностей, писатель отступаетъ отъ Моисеева разсказа еще и тѣмъ, что тогда какъ по Моисею казни черезъ животныхъ давно уже прекратились, когда послѣдовали градъ и пламя, по представленію же писателя нашей книги, эти казни совпадали по времени (18 ст.).

... „Самыя міръ есть поборникъ за праведныхъ“ (17). Это выраженіе означаетъ то, что стихіи природы, являясь въ рукахъ Божіихъ средствомъ наказанія нечестивыхъ, тѣмъ самымъ встаютъ на защиту праведныхъ.

20. Съ 20-го стиха писатель переходитъ къ противопоставленію египтянамъ еврейскаго народа. У тѣхъ пламя истребляло произведенія ихъ земли, „вмѣсто того народъ Твой Ты питалъ пищею ангельскою“, которая давалась ему безъ всякихъ трудовъ съ его стороны и въ видѣ совершенно уже готовомъ для употребленія. Подробности эти отмѣчаются для большей рельефности противопоставленія.

Несомнѣнно здѣсь писатель говоритъ о маннѣ (Исх. XVI гл.). Названіе манны „пищею ангельскою“ указываетъ на то, что она падала съ неба, и предвѣать „ангель-

21. Ибо свойство пищи Твоей показывало Твою любовь къ дѣтямъ и въ удовлетвореніе желанія вкушающаго измѣнялось по вкусу каждаго.

22. А снѣгъ и ледъ выдерживали огонь и не таяли, дабы они знали, что огонь, горящій въ градѣ и блистающій въ дождяхъ, истреблялъ плоды враговъ.

23. Но тотъ же огонь, дабы напачитались праведные, терялъ свою силу.

24. Ибо тварь, служа Тебѣ, Творцу, устремляется къ наказанію нечестивыхъ и утихаеъ для благодѣянія вѣрующимъ въ Тебя.

25. Посему и тогда она, измѣняясь во все, повиновалась Твоей

благодати, питающей всѣхъ, по желанію нуждающихся,

26. дабы сыны Твои, которыхъ Ты, Господи, возлюбилъ, познали, что не роды плодовъ питаютъ человѣка, но слово Твое сохраняетъ вѣрующихъ въ Тебя.

27. Ибо неповреждаемое огнемъ, будучи согрѣваемо слабымъ солнечнымъ лучемъ, тотчасъ растаявало,

28. дабы извѣстно было, что должно предупреждать солнце благодареніемъ Тебѣ и обращаться къ Тебѣ на востокъ свѣта.

29. Ибо надежда неблагодарнаго растаетъ, какъ зимній иней, и выльется, какъ негодная вода.

снѣгъ“ равнозначущъ прилагательному „небесный“. Въ другихъ мѣстахъ она такъ и называется: XIX, 20; Пс. LXXVII, 24; CV, 40.

... „Хлѣбъ, имѣвшій всякую пріятность по вкусу каждаго“. О такомъ свойствѣ манны измѣнить вкусъ, сообразно вкусу каждаго, писатель говоритъ на основаніи позднѣйшаго преданія. Въ книгахъ Моисея для этого нѣтъ основанія, напротивъ, евреи жаловались, что только манна предъ ихъ глазами и просили себѣ другого рода пищи.

22—23. „А снѣгъ и ледъ выдерживали огонь“... Въ XVI, 14 ст. кн. Исходъ манна сравнивается съ инеемъ въ отношеніи ея чрезвычайнаго обилія и съ янтаремъ (Числ. XI, 7) по своему прозрачному виду. Въ данномъ мѣстѣ писатель тоже говоритъ о маннѣ, употребляя сравненіе снѣга и льда. Что „снѣгъ и ледъ“ здѣсь образы для какого-то рода пищи, это видно изъ того, что писатель противопоставляетъ ихъ „плодамъ враговъ“, а затѣмъ въ другомъ мѣстѣ онъ прямо называетъ манну „снѣговиднымъ родомъ небесной пищи“ (XIX, 20). Этими образами манны писатель пользуется для усиленія противоположности между египтянами и евреями: градъ побилъ хлѣбныя поля египтянъ, а евреямъ послалась пища, похожая на градъ; „огонь... истреблялъ плоды враговъ“, а посылаемый евреямъ хлѣбъ, хотя онъ и походилъ на снѣгъ и ледъ, однако не таялъ отъ огня, евреи патались имъ и среди зноя пустыни.

24. Основаніе для указаннаго выше двоякаго противоположнаго дѣйствіи огня писатель указываетъ въ томъ, что природа для осуществленія высшихъ божественныхъ цѣлей въ нравственной міроправленіи измѣняетъ свои силы: „устремляется въ наказаніе нечестивыхъ, и утихаеъ для благодѣянія вѣрующимъ въ Тебя“. Это „устремленіе“ и „утиханіе“ природы писатель отличаетъ отъ обычнаго порядка вещей (См. XIX, 6 и 18) и къ этимъ явленіямъ вполне приложимо понятіе чуда.

25—26. Рѣчь идетъ о маннѣ. Опираясь на высказанную въ предшествующемъ стихѣ мысль, что все сотворенное служить высшимъ цѣлямъ Творца (24), писатель говоритъ, что и манна измѣняла свой вкусъ не по естественному своему свойству, а „по воле Твоей благодати“. Изъ этого евреи должны были научиться, „что не роды плодовъ питаютъ человѣка, но слово Твое сохраняетъ вѣрующихъ въ Тебя“. Человѣкъ сохраняется не обиліемъ земныхъ плодовъ, но единственно Божественной волей, какъ первой и непосредственной причинной всего. О „словѣ“ см. замѣчаніе къ 12 стиху.

27—29. Ср. Исх. XVI, 21. Манна падала только раннимъ утромъ, пригрѣтая лучами солнца она уже исчезала. Въ этомъ обстоятельстве писатель видитъ цѣль воспитать израильтянъ въ чувствѣ благодарности къ Богу. Не имѣя возможности собирать манну въ запасъ, но вынужденные спискивать себѣ пропитаніе каждое раннее утро, евреи живо должны были чувствовать свою зависимость отъ Бога и, получая отъ Него

ГЛАВА 17-я.

1. Велики и непостижимы суды Твои, посему ненаученныя души впади въ заблужденіе.
2. Ибо беззаконныя, которые задумали угнетать святой народъ, узники тьмы и плѣнники долгой ночи, затворившись въ домахъ,
3. Думая укрыться въ тайныхъ грѣхахъ, они, подъ темнымъ покровомъ забвенія, разсѣялись, сильно устрашаемые и смущаемые призраками,
4. ибо и самое потаенное мѣсто,

ежедневное пропитаніе, проникаться благодарностью къ Нему. Слова 28-го стиха: „должно предупредить солнце благодарностью Тебѣ и обращаться къ Тебѣ на востокъ свѣта“ въкоторые толкователи приводятъ въ подтвержденіе своего предположенія, что писатель книги Премудрости С. былъ терапевтъ или есеей, въ какихъ сектахъ молитва въ указанное время была обязательной. Однако не имѣя этой предвзятой мысли о принадлежности писателя къ одной изъ указанныхъ сектъ, всего естественнѣе въ приведенныхъ словахъ видѣть простое увѣщаніе быть ревностнымъ къ молитвѣ настолько, чтобы ею начинать свой день. Въ этомъ смыслѣ объ утренней молитвѣ говорится и въ другихъ мѣстахъ. Св. Писанія: Пс. V, 3; LXXXVII, 14 и др. Такъ какъ манна съ первыми лучами солнца исчезала (27 ст.), то собравшіе ее евреи естественно должны были своимъ молитвеннымъ благодарствіемъ „предупредить солнце“. Побуждая евреевъ къ благодарности Богу, писатель говорить въ послѣднемъ стихѣ, что „надежда неблагого растаетъ, какъ змѣй и иней и вылетѣетъ, какъ негодная вода“. Образы взяты въ соотвѣтствіе съ 22 и 27 стихами.

XVII.

Третье сопоставленіе: 1—20 тяжелая страшная ночь надъ Египтомъ—XVIII, 1—4 и свѣтъ надъ Израилемъ.

XVII глава и первые четыре стиха XVIII-ой содержатъ третью параллель между египтянами и израильтянами. Египтяне были наказаны трехдневнымъ мракомъ (Исх. X стъ 21-го ст.), это время было для нихъ силошнымъ ужасомъ; напротивъ евреямъ и въ это время свѣтилъ вслчайшій свѣтъ и въ послѣдствіи они никогда не страдали отъ мрака: имъ освѣщали и указывали путь свѣтоносный столпъ.

1 ст. ... „Суды Твои“. . Божественныя опредѣленія, способъ и образъ дѣйствования въ мирѣ человѣческомъ. (Ср. Пс. CXVIII, 75 ст.; Рим. XI 33).

... „Ненаученныя души“... Тѣ, кто не имѣетъ правильного познанія о Богѣ и Его отношеніяхъ къ міру; ближайшимъ образомъ здѣсь разумѣются египтяне. Мысль стиха та, что необходимо имѣть истинное откровенное богопознаніе, чтобы не заблудяться относительно способовъ дѣйствія Божественнаго Промысла въ мирѣ человѣческомъ.

2 ст. Опредѣляется, въ чемъ состояло заблужденіе египтянъ. Прежде всего въ томъ, что они „задумали угнетать святой народъ“, а потомъ, когда ихъ постигла страшная „казнь“, трехдневный мракъ (Исх. X, 21—23) и они были какъ бы „плѣнниками долгой ночи“, они не захотѣли признать въ этомъ событіи дѣйствіе Божіе и покориться Его волѣ, но пытались спастись отъ всемогущей десницы Божіей въ своихъ домахъ: „затворившись въ домахъ, скрывались отъ вѣчнаго Промысла“.

3. Этого стихъ заключаетъ провію надъ египтянами. Послѣдніе даже наказаніемъ Божіимъ, посланнымъ на нихъ мракомъ, хотѣли воспользоваться для прикрытія своихъ тайныхъ грѣховъ. (См. Іов XXIV, 15—16; Ис. XXIХ, 15). Но эти расчеты не оправдались. Безирозсвѣтная ночь мѣшала даже темнымъ дѣламъ: „они разсѣялись, сильно устрашаемые призраками“.

4. Описывается переживаемый египтянами страхъ во время посланнаго на нихъ

заклучавшее ихъ, не спасало ихъ отъ страха, но страшные звуки вокругъ нихъ приводили ихъ въ смущеніе, и являлись свирѣпыя чудовища со страшными лицами.

5. И ни какая сила огня не могла озарить, ни яркій блескъ звѣздъ не въ состояніи былъ освѣтить этой мрачной ночи.

6. Являлись имъ только сами собою горящіе костры, полные ужаса, и они, страшась невидимаго—призрака, представляли себѣ видимое еще худшимъ.

7. Пали обольщенія волшебнаго искусства, и хвастовство мудростью подверглось посмѣянію,

8. ибо, общавшіеся отогнать отъ страдавшей души ужасы и страхи, сами страдали позорною боязливиостью

9. И хотя ни какія устрашенія не тревожили ихъ, но, преслѣдуемые броженіями ядовитыхъ звѣрей и свистами пресмыкающихся, они исчезали отъ страха, боясь взглянуть даже на воздухъ, отъ котораго нигде нельзя убѣжать,

трехдневнаго мрака. Отъ этого страха не спасало „и самое потаенное мѣсто“. Подъ этия потаенныя мѣстомъ разумѣютъ иногда глубокіе подземные корридоры въ Египтѣ, или глубоко вырытыя комнаты внутри пирамидъ. Но во 2-ой стихъ говорилось, что египтяне „затворились въ домахъ“, въ соответствии съ этимъ и здѣсь подъ „потаеннымъ мѣстомъ“ лучше разумѣть внутреннія комнаты домовъ.

...„Свирѣпыя звуки вокругъ нихъ приводили ихъ въ смущеніе, и являлись свирѣпыя чудовища съ страшными лицами“. Говорятъ ли здѣсь писатель объ объективныхъ предметахъ, которые приводили египтянъ въ ужасъ или же отъ разумѣетъ здѣсь созданные подъ влияніемъ страха образы фантазій? Далѣе въ 6 ст. одинъ изъ устрашающихъ египтянъ предметовъ онъ называетъ „невидимымъ призракомъ“, а потомъ выражается и болѣе обще, что египтяне „были тревожимы страшными призраками“ (14 ст.). Нигдѣ не видно, чтобы эти призраки писатель считалъ за какіе нибудь объективные предметы, напр., за демоновъ, или за вышедшихъ изъ ада тѣней умершихъ людей, которые принимая образы „свирѣпыхъ чудовищъ съ страшными лицами“ (4 ст.), „сами собою горящихъ костровъ, полныхъ ужаса“ (6 ст.), являлись бы для устрашенія людей. Напротивъ, онъ говоритъ, что египтяне приходилъ въ крайній страхъ, „хотя никакія устрашенія не тревожили ихъ“ (9 ст.). Причина страха по мысли писателя не внѣ, а внутри, въ душевномъ состояніи египтянъ; это ужасы „страдающей души“ (8), ихъ „придумываетъ преслѣдуемое сознатію нечестіе“ (10 ст.). Такимъ образомъ ужасы „придуманы“, они результатъ воображенія, дѣйствующаго подъ влияніемъ угрызений совѣсти. Дѣйствительность, конечно, давала богатый матеріалъ для этого воображенія и писатель говоритъ объ этомъ подробно въ 17—18 ст.

5 ст. Подобное же замѣчаніе объ этомъ мракѣ, что его напрасно старались освѣтить огнемъ, находимъ у Филона, Vita Mos. II т. 100.

6 ст. Указываются одинъ изъ устрашающихъ египтянъ призраковъ, созданныхъ ихъ воображеніемъ: это — „сами собою горящіе костры, полные ужаса“; костры нигдѣ не зажженные и горящіе безъ всякаго поддерживающаго огонь матеріала. Что было собственно ужаснаго въ этихъ кострахъ, по краткости разсказа не видно; можетъ быть эти костры были образами наказанія, какіе придумало „осуждаемое собственнымъ свѣдѣтельствомъ нечестіе“.

7—8 ст. Чародѣи египетскіе, какъ извѣстно изъ книги Исходъ, пытались бороться съ Моисеемъ его же орудіемъ, старались совершить тѣ же знаменія и чудеса, что и онъ совершалъ. Подражая ему нѣсколько въ двухъ первыхъ „казняхъ“, они потомъ вынуждены были признать свое безсиліе (Исх. IX, 11). По книгѣ Премудрости С. представителю „волшебнаго искусства и мудрости“ египетской боролись противъ Моисея гораздо дольше. Они „объявились отогнать ужасы“ даже 9-й казни и только охватившая ихъ самихъ позорная боязливость подвергла ихъ посмѣянію.

9 ст. Изображается крайняя степень охватившей египтянъ боязливости: „они

10. ибо осуждаемое собственнымъ свидѣтельствомъ нечестіе боязливо и, преслѣдуемое совѣстью, всегда придумываетъ ужасы.

11. Страхъ есть не что иное, какъ лишеніе помощи отъ разсудка.

12. Чѣмъ меньше надежды внутри, тѣмъ больше предстается неизвѣстность причины, производящей мученіе.

13. И они въ эту истинно невыносимую и изъ глубинъ нестерпи-

мага ада испешшую ночь, располагаясь заснуть обыкновеннымъ сномъ,

14. то были тревожимы страшными призраками, то расслабляемы душевнымъ уныніемъ, ибо находилъ на нихъ внезапный и неожиданный страхъ.

15. Итакъ, гдѣ кто тогда былъ застигнутъ, дѣлался плѣнникомъ и заключаемъ былъ въ эту темницу безъ оковъ.

исчезали отъ страха... боясь взглянуть даже на воздухъ“. Между тѣмъ никакой объективной причины для страха не было: „никакія устрашенія“, собственно, „не тревожили ихъ“. Неописуемый страхъ вызывался самыми ничтожными предметами: крикомъ или свистомъ животныхъ, шумомъ при ихъ движеніи.

10 ст. Въ предшествующемъ стихѣ писатель выразилъ мысль о видной безпричинности страха египтянъ, о томъ, что во внѣ не было предметовъ дѣйствительно страшныхъ. Это побуждаетъ его теперь указать настоящую причину страха (10 ст.), а вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлить, что такое страхъ по существу (11 и 12 ст.). Причина страха, по мнѣнію писателя, лежитъ въ совѣсти, которая преслѣдовала египтянъ за ихъ нечестіе. Осужденное свидѣтельствомъ совѣсти „нечестіе боязливо и... придумываетъ ужасы“. Психологически указанное объясненіе происхожденія страха весьма вѣрно. 10 й стихъ важенъ въ томъ отношеніи, что въ немъ слово совѣсть, *συνείδησις*, употреблено въ совершенно точномъ его значеніи, съ указаніемъ настоящихъ функций этой стороны человѣческаго духа (ср. Рим. II, 15).

11. Даваемое здѣсь опредѣленіе страха, конечно, не полное. Оно отиѣчаетъ только одну сторону. Смыслъ его такой: страхъ отнимаетъ у человѣка хладнокровіе, такъ что онъ свое вниманіе не можетъ уже направить на предметъ страха, чтобы или убѣдиться въ его ничтожности, или найти средство къ его устраненію.

12. Этотъ стихъ содержитъ поясненіе къ 11-му стиху. Мысль такая: въ отчаяніи люди обычно преувеличиваютъ свою безпомощность, возбуждающіе страхъ предметы кажутся имъ болѣе опасными, чѣмъ на самомъ дѣлѣ. Они теряются, не могутъ сосредоточить своей мысли и неизвѣстность устрашающей ихъ причины отъ этого для нихъ возрастаетъ.

13—18. Въ этихъ стихахъ дѣлается приложеніе высказанной въ 10—12 ст. мысли къ египтянамъ. Охватившій ихъ страхъ самъ по себѣ былъ безсиленъ повредить имъ, но страхъ лишилъ египтянъ разсудительности, такъ что самые ничтожные предметы, самые незначительныя явленія приводили ихъ въ ужасъ.

... „Изъ глубины нестерпимаго ада испешшую ночь...“ Адъ въ Св. Писаніи представляется мѣстомъ темнымъ и мрачнымъ (Іов. X, 21, 22; XXXVIII, 17; Пс. XLVIII, 20), поэтому писатель считаетъ необыкновенно темную и продолжительную ночь, покрывшую Египеть, вышедшей изъ ада. Въ этомъ объясненіи происхожденія ночи писатель расходится съ Филономъ, который объяснилъ происхожденіе необычайно продолжительной ночи или солнечнымъ затмѣніемъ или сгущеніемъ облаковъ (Vita Mos. т. II, 100). Къ аду прилагается предикатъ *αδύνατος*, безсильный (въ русскомъ текстѣ „нестерпимый“), вѣроятно потому, что обитателями ада являются безблесныя и безсильныя тѣни умершихъ. Происхожденіе ночи отъ безсильнаго ада даетъ мысль, что страхъ египтянъ возбуждалъ предметомъ по своему происхожденію ничтожнымъ. Причина страха заключалась внутри, въ охватившемъ ихъ душу „уныніи“, подъ вдѣніемъ котораго разстроенное воображеніе создавало „страшные призраки“.

15. Сравненіе окутанныхъ мракомъ египтянъ съ заключенными въ темницѣ весьма естественно. Какъ узники, египтяне во мракѣ лишены были свободы движеній, свободы дѣятельности. Это сравненіе писатель употреблялъ и раньше (2 ст.).

16. Былъ ли то земледѣлец или пастухъ, или занимающійся работами въ пустынь, всякій, бывъ застигнутъ, подвергался этой неизбѣжной судьбѣ,

17. ибо всё были связаны одними неразрѣшимыми узами тьмы. Свишущій ли вѣтеръ, или среди густыхъ вѣтвей сладковзвучный голосъ птицъ, или сила быстро текущей воды, или сильный трескъ низвергающихся камней,

18. или незримое бѣганіе скачу-

щихъ животныхъ, или голосъ ревушихъ свирѣпѣйшихъ звѣрей, или отдающееся изъ горныхъ углублений эхо: *все это* ужасая ихъ, повергало въ расслабленіе.

19. Ибо весь міръ былъ освѣщаемъ яснымъ свѣтомъ и занимался безпрепятственно дѣлами;

20. а надъ ними одними была распростерта тяжелая ночь, образъ тьмы, имѣвшей нѣкогда объять ихъ; но сами для себя они были тягостнѣе тьмы.

16 ст. Смыслъ стиха такой: не могли избѣжать ужасовъ ночи даже тѣ, кто по роду своихъ занятій обычно возвращался съ дневной работы большими компаніями: пастухи, полевые рабочіе.

17—18 стихи содержатъ поэтическое описаніе того, какъ всякій ничтожный звукъ наводилъ страхъ на египтянъ и приводилъ ихъ въ отчаяніе. Свиствъ вѣтра, голоса птицъ, шумъ воды, трескъ горнаго обвала, громкое эхо въ горахъ, словомъ—вся природа была для нихъ источникомъ неописуемаго страха.

19—20. По заключительнымъ стихамъ XVII гл. видно, что описанная выше страшная египетская ночь не была обыкновенной темной ночью: она распростиралась только надъ Египтомъ, а остальной *„весь міръ былъ освѣщенъ яснымъ свѣтомъ и занимался безпрепятственно дѣлами“*.

Несомнѣнно, писатель говорилъ о наказаніи египтянъ трехдневнымъ мракомъ (Иск. X, 21—23). Эта тяжелая ночь была *„образомъ тьмы, имѣвшей нѣкогда объять ихъ“*.

Упомянутое о будущей тьмѣ нельзя понимать, какъ образъ тяжелаго мучительнаго состоянія египтянъ по смерти, въ какомъ значеніи это слово употребляется часто въ Новомъ Заветѣ (Мф. VIII, 12; XXIII, 13; XXV, 30). Писатель допускалъ, такъ сказать, физическое существованіе ада (14 ст.), который онъ представлялъ окутаннымъ въ непроницаемую тьму. Поэтому и *„тьма, имѣвшая нѣкогда объять ихъ“*—дѣйствительная тьма Ада, въ которой пребываютъ души умершихъ злыхъ людей. Однако, какъ не страшна была тьма египетской ночи, главный источникъ ужаса заключался не въ ней, а въ томъ внутреннемъ душевномъ состояніи, какое переживали египтяне: *„сами для себя они были тягостнѣе тьмы“*.

ГЛАВА 18-я.

1. А для святыхъ Твоихъ былъ величайшій свѣтъ. И тѣ, слыша голосъ ихъ, а образа не видя, называли ихъ блаженными, потомучто они не страдали.

2. А зато, что бывъ прежде обижаемы ими, не мстили имъ, благодарили и просили прощенія въ томъ, что заставляли переносить ихъ.

3. Въмѣсто того, Ты далъ имъ указателемъ на незнакомомъ пути огне-

свѣтлый столпъ, а для благополучнаго странствованія — безвредное солнце.

4. Ибо тѣ достойны были лишенія свѣта и заключенія во тьмѣ, потомучто держали въ заключеніи сыновъ Твоихъ, чрезъ которыхъ имѣлъ быть данъ міру нетлѣнный свѣтъ закона.

5. Когда опредѣлили они избить дѣтей святыхъ, хотя одного сына покинутого и спасли, въ наказаніе

XVIII.

5—19. Четвертое сопоставленіе: пораженіе первенцевъ египетскихъ и религиозное торжество дѣтей еврейскихъ.—20—25. „Искушеніе смерти“ въ пустынь.

1—4. Первые четыре стиха XVIII гл. содержатъ противопоставленіе египтянамъ евреевъ во время девятой казни. Надъ египтянами „была распространена тяжелая ночь“ (XVII, 20), а на святыхъ Твоихъ былъ величайшій свѣтъ“ (1 ст.). Мысль та, что девятая казнь, трехдневный мракъ, не распространялась на жившихъ въ Египтѣ евреевъ, они, какъ и весь остальной міръ (XVII, 19), пользовались свѣтомъ. Египтяне знали объ этомъ и считали ихъ счастливыми (1 ст.), а вмѣстѣ съ тѣмъ были благодарны евреямъ, что тѣ не пользовались ихъ смятеніемъ и безпомощностью во время девятой казни, чтобы отмстить имъ за муки долгаго рабства (2 ст.). Покровительство Божіе еврейскому народу простерлось и далѣе. Во время странствованія по незнакомой пустыни путь имъ указывалъ „огнесвѣтлый столпъ“, онъ же защищалъ ихъ отъ солнечнаго зноя: „далъ имъ... безвредное солнце“ (3 ст.). Наказаніе египтянъ лишеніемъ свѣта вполне заслуженно ими и соответствуетъ ихъ преступленію, порабощенію тѣхъ, „чрезъ которыхъ имѣлъ быть данъ міру нетлѣнный свѣтъ закона“ (4 ст.). Сравненіе Моисеева закона со свѣтомъ весьма часто въ Св. Писаніи (Ис. II, 5; Пс. CVIII, 105; Притч. VI, 23).

Названіе свѣта „нетлѣннымъ“ выражаетъ мысль о вѣчности Моисеева закона. Эта мысль выражается и въ другихъ мѣстахъ Св. Писанія (Тов. I, 6; Вар. IV, 1), особенно часто въ связи съ мессіанскимъ чаяніемъ всеобщаго распространія Моисеева закона (Ис. II, 1; Мих. IV, 1), когда уничтожится идолопоклонство (Прем. С. XIV, 13).

5. Съ пятого стиха начинается новый отдѣлъ, въ которомъ проводится новая параллель между египтянами и евреями. За безчеловѣчное рѣшеніе египтянъ умерщвлять еврейскихъ дѣтей они сами лишались своихъ первенцевъ, евреи же со своими дѣтьми не только сохраняли жизнь, но и спаслись отъ рабства.

...„опредѣлили избить дѣтей святыхъ“... (ср. Исх. I, 15; II, 3).

...„хотя одного сына покинутого и спасли“... Рѣчь идетъ о Моисеѣ, котораго спасла изъ воды дочь Фараона. Писатель дѣлаетъ эту оговорку не для того, чтобы смягчить жестокость египтянъ въ отношеніи къ еврейскимъ дѣтямъ, а чтобы показать, что по опредѣленію Промысла Божія единственное спасенное ими дѣтя стало для нихъ впоследствии орудіемъ Божественнаго наказанія.

...„самихъ всѣхъ погубилъ въ сильной водѣ“. О потопленіи египтянъ въ Черм-

за то Ты отнялъ множество ихъ дѣтей и самихъ всѣхъ погубилъ въ сильной водѣ.

6. Та ночь была предвозвѣщена отцамъ нашимъ, дабы они, твердо зная обътованія, какимъ вѣрили, были благодущны.

7. И народъ Твой ожидалъ какъ спасенія праведныхъ, такъ и погибели враговъ,

8. ибо чѣмъ Ты наказывалъ враговъ, тѣмъ самымъ возвеличилъ

насъ, которыхъ Ты призвалъ.

9. Святыя дѣти добрыхъ тайно совершали жертвоприношеніе и единомысленно постановили Божественнымъ закономъ, чтобы святыя равно участвовали въ однихъ и тѣхъ благахъ и опасностяхъ, когда отцы уже воспѣвали хвалы.

10. Съ противной же стороны отдавался нестройный крикъ враговъ, и разносился жалобный вопль надъ оплакиваемыми дѣтьми.

номъ морѣ писатель подробнѣе говорить въ XIX гл., здѣсь же онъ только попутно замѣчаетъ для полученія контраста: Моисей одинъ подвергался опасности отъ воды и былъ спасенъ, а египтяне всѣ погубилъ въ водѣ.

6. „Ночь та была предвозвѣщена отцамъ нашимъ“... Это не ночь необычайнаго мрака, о которой писатель говорилъ въ предшествующей главѣ, а та ночь, въ какую были умерщвлены египетскіе первенцы и о которой Моисей возвѣстилъ евреямъ наперелъ (Исх. XI гл. съ 4 ст.).

Для этого предвозвѣщенія писатель указываетъ не только ближайшую цѣль, подготовить евреевъ къ наступавшему событію, но и дальнѣйшую, утвердить ихъ вѣру во всѣ прочія обътованія и подаять тѣмъ народный духъ.

7 ст. вытекаетъ изъ предшествующаго. Освобожденіе изъ рабства и гибель египетскихъ первенцевъ не были неожиданностью для евреевъ, потому что черезъ Моисея они звали объ этомъ заранѣе.

8 ст. Ср. XI, 5—6 ст. Смерть первенцевъ египетскихъ была для египтянъ большимъ наказаніемъ, а для евреевъ, напротивъ, она послужила причиной ихъ освобожденія (Исх. XII съ 31 ст.).

...„возвеличилъ насъ, которыхъ Ты призвалъ“. Въ связи со слѣдующимъ стихомъ здѣсь рѣчь о призваніи къ духовному внутреннему общенію съ Богомъ.

9 ст. говорить о пасхальной жертвѣ (См. Исх. XII, 3—15): „святые дѣти добрыхъ тайно совершали жертвоприношеніе“. Называя участниками жертвоприношенія дѣтей, писатель не исключаетъ этимъ взрослыхъ, онъ выдѣляетъ дѣтей лишь для противопоставленія египтянамъ: въ то время, когда дѣти египтянъ были умерщвляемы, еврейскія дѣти совершали религіозную трапезу. Жертвоприношеніе было тайное. Египтяне не были посвящены въ обряды пасхальной ночи, такъ какъ въ нихъ ясно указывалась ожидавшая ихъ участь. Съ другой стороны, дѣти, участники жертвоприношенія, были обречены египетскою властію на смерть, поэтому ихъ участіе могло быть только тайное. Названіе дѣтей „святыми“ имѣетъ то же значеніе, что и названіе святымъ всего народа (X, 17; XVIII, 1, 5); оно указываетъ не на ихъ дѣйствительное состояніе, а на ихъ назначеніе, ихъ призваніе къ святости. Они были „дѣти добрыхъ“... Добрыми писатель называетъ израильтянъ, отцовъ этихъ дѣтей, какъ и въ другихъ мѣстахъ книги онъ называлъ ихъ „праведными“ (X, 20; XI, 14; XI, 9; XVI, 23; XVIII, 20) и „святыми“ (X, 17; XVII, 1, 5).

...„единомысленно постановили божественнымъ закономъ, чтобы святыя равно участвовали въ однихъ и тѣхъ же благахъ и опасностяхъ“. Ставить что либо божественнымъ закономъ, значить обязать къ неуклонному исполненію этого. На пасхальной трапезѣ евреи приняли для себя обязательство осуществлять одинаковое участіе всѣхъ безъ различія какъ въ опасностяхъ свободной жизни въ пустынѣ, такъ и въ ея благахъ. Такимъ образомъ пасхальная вечеря была для нихъ символомъ братскаго единенія. Это сознаніе братства непосредственно выразилось въ хвалебной пѣснѣ къ Богу.

10 ст. Переходъ къ египтянамъ. По контрасту съ хвалебной пѣснью евреевъ, „съ противоположной стороны“, т. е. отъ египтянъ, „разносился жалобный

11. Одинакимъ судомъ былъ наказанъ рабъ съ господиномъ, и простолудинъ терпѣлъ одно и то же съ царемъ:

12. всѣ вообще имѣли безчисленныхъ мертвецовъ, умершихъ одинаковою смертью; и живыхъ недоставало для погребенія, такъ-какъ въ одно мгновеніе погублено было все драгоценнѣйшее ихъ поколѣніе.

13. И невѣрившіе ни чему ради чародѣйствъ, при погубленіи первенцевъ, признали, что *этой народъ есть сынъ Божій*,

14. ибо, когда все окружало тихое безмолвіе, и ночь въ своемъ теченіи достигла середины,

15. сошло съ небесъ отъ царственныхъ престоловъ на средину

погибельной земли всемогущее слово Твое, какъ грозный воинъ.

16. Оно несло острый мечъ—неизмѣнное Твое повелѣніе и ставъ наполнило все смертью: оно касалось неба и ходило по землѣ.

17. Тогда вдругъ сильно встревожили ихъ мечты сновиднѣйшія, и наступили неожиданные ужасы;

18. и будучи поражаемъ—одинъ тамъ, другой тутъ, полумертвый объявлялъ причину, по которой онъ умиралъ,

19. ибо встревожившія ихъ сновиднѣя предварительно показали имъ это, чтобъ они не погибли, не зная того, за что терпятъ зло.

20. Хотя искушеніе смерти коснулось и праведныхъ, и много ихъ

воплъ надъ оплакиваемыми дѣтьми“, надъ умерщвленными въ ночь выхода евреевъ первенцами.

11—13 ст. Десятая казнь одинаково коснулась всѣхъ египтянъ безъ различія ихъ общественнаго и матеріальнаго положенія (Исх. XI, 5; XI, 30). Всѣ были наказаны „одинакимъ судомъ“, (11 ст.), *всѣ... имѣли... мертвецовъ, умершихъ одинаковою смертью*“ (12). Не было различія даже въ формѣ смерти. Вотъ это обстоятельство, однородность наказанія, сравнявшая всѣхъ египтянъ, по мысли писателя, особенно сильно убѣждало ихъ, что переживаемое событіе дѣло Божіе, а не человѣческое, а потому народъ еврейскій, для освобожденія котораго эта казнь совершилась, *есть сынъ Божій*“ (13 ст., Исх. XII, 31).

...„драгоценнѣйшее поколѣніе“—первенцы, цѣлнвшіеся у древнихъ народовъ болѣе, чѣмъ остальные дѣти.

...„невѣрившіе ничему ради чародѣйствъ“... Указаніе на обстоятельство, отмѣчаемое въ книгѣ Исходъ (VII, 11, 22; VIII, 3), что упорному нежеланію призвать евреевъ народомъ Іеговы и отпустить его много содѣйствовали египетскіе волхвы.

15—16 ст. содержатъ поэтическое описаніе дѣйствія Божественнаго всемогущества въ истребленіи египетскихъ первенцевъ. Какъ и въ другихъ мѣстахъ нашей книги (IX, 1; XVI, 12, 26), образомъ Божественной воли, проявляющейся во внѣшней мірѣ, является слово. „Какъ грозный воинъ“ съ острымъ мечомъ, оно сходитъ съ небесъ отъ царственныхъ престоловъ на средину погибельной земли, чтобы наполнить все смертію. Власть Божественнаго слова надъ вселенной безпредѣльна: „оно касалось неба и ходило по землѣ“.

17—19 ст. Писатель сообщаетъ объ обстоятельствѣ, умалчиваемомъ кн. Исходъ. Въ ночь гибели египетскихъ первенцевъ они были тревожимы страшными сновидѣніями, въ которыхъ имъ открывалась причина ихъ печальной участи. Поэтому они умирали съ полнымъ знаніемъ того, почему они гибнутъ и объ этомъ объявляли оставшимся въ живыхъ. Какая эта причина постигшаго египтянъ страшнаго наказанія, писатель здѣсь не указываетъ; разумеется та же, о которой онъ говорилъ раньше (XVIII, 4)—угнетеніе евреевъ.

20—25 ст. Въ этомъ отдѣлѣ писатель въ параллель наказанію египтянъ смертью ихъ первенцевъ приводитъ подобное же событіе изъ жизни евреевъ въ пустынѣ (Числ. XVII гл.), чтобы на этомъ примѣрѣ показать, насколько милостивъ къ нимъ былъ Богъ. Какъ и египтяне въ памятную для нихъ ночь, евреи подверглись опасности смерти, но губительство продолжалось короткое время, молитвою Аарона оно прекратилось.

20. „Искушеніе смерти коснулось и праведныхъ“. Это выраженіе показываетъ,

погибло въ пустынь, но недолго продолжался этотъ гнѣвъ,

21. ибо непорочный мужъ поспѣшилъ защитить ихъ; принеся оружіе своего служенія, молитву и умилостивленіе кадильное, онъ противосталъ гнѣву и положилъ конецъ бѣдствію, показавъ тѣмъ, что онъ слуга Твой.

22 Онъ побѣдилъ истребителя не силою тѣлесною и не дѣйствіемъ оружія, но словомъ покорилъ наказывавшаго, вспомянувъ клятвы

и завѣты отцовъ.

23. Ибо когда уже горами лежали мертвые одни на другихъ, онъ, ставъ въ срединѣ, остановилъ гнѣвъ и пресѣкъ ему путь къ живымъ.

24. На подирѣ его былъ цѣлый міръ, и славныя имена отцовъ были вырѣзаны на камняхъ въ четыре ряда, и величіе Твое—на діадимѣ головы его.

25. Этому уступилъ истребитель и этого убоился, ибо довольно было одного этого испытанія гнѣвнаго.

что посылаемая смерть была лишь вразумляющимъ испытаніемъ евреевъ, а не средствомъ наказанія по суду Божию.

21. ... „Непорочный мужъ поспѣшилъ защитить ихъ“. Рѣчь идетъ объ Ааронѣ, см. Числ. XVII—11 ст. Эпитетъ „непорочный“ прилагается ему въ томъ смыслѣ, что онъ былъ свободенъ отъ того грѣха, за который наказывались евреи, поэтому могъ быть посредникомъ между согрѣшвшими и Богомъ.

22. „Словомъ“, т. е. молитвой и воспоминаніемъ данныхъ патріархамъ еврейскаго народа обѣтованій Ааронъ побѣдилъ „истребителя“. Подъ истребителемъ разумѣется Ангель-смерти, поражавшій евреевъ; въ 25 ст. этотъ истребитель названъ тѣмъ же словомъ, какиъ въ книгѣ Исходъ (XII, 23) названъ Ангель-смерти, поражавшій египетскихъ первенцевъ—*ε δλοφρεων*.

„Вспомянувъ клятвы и завѣты отцовъ“... Хадатайствуя за народъ, Ааронъ преклонялъ милосердіе Божіе воспоминаніемъ о благихъ обѣтованіяхъ, данныхъ отцамъ еврейскаго народа: Аврааму, Исааку и Іакову.

23. Ср. Лев. XVI, 48.

24—25. Кромѣ молитвы и воскуренія овміама, Ааронъ остановилъ губительство еще своею первосвященническою одеждою, которой писатель, какъ будто приписываетъ магическое дѣйствіе: „этому уступилъ истребитель и этого убоился“.

... „На подирѣ его былъ цѣлый міръ“. Въ этой мысли, что первосвященническая одежда была символомъ міра, чувствуется характерная черта александриннама, который въ священныхъ обрядахъ и предметахъ находилъ символы предметовъ природы и высшихъ идей. Въ частности сравненіе первосвященнической одежды съ міромъ мы находимъ у Филона — *De profug.* I, 562; *Vita Mos.* II, 154. „Славныя имена отцовъ были вырѣзаны на камняхъ въ четыре ряда“. Рѣчь о нацертникѣ, на которомъ были вырѣзаны имена двѣнадцати родоначальниковъ колѣвъ израилевыхъ (Числ. XXVIII, 15—30).

... „Величіе Твое—на діадимѣ головы его“. На головной повязкѣ первосвященника была прирѣплена золотая дощечка съ надписью: „святѣя Іеговы“.

ГЛАВА 19-я.

1. А надъ нечестивыми до конца тяготѣлъ немилостивый гнѣвъ, ибо Онъ предвидѣлъ и будущія ихъ дѣла,

2. что они, позволивши имъ отъправиться и съ поспѣшностью выславши ихъ, раскаются и погоятся за ними,

3. ибо еще имѣя въ рукахъ печали и рыдая надъ гробами мертвыхъ, они возымѣли другой безумный помыслъ, и тѣхъ, кого съ мольбою высылали, преслѣдовали, какъ бѣглецовъ.

4. Влекла же ихъ къ тому концу судьба, которой они были достойны, и она навела забвеніе о случившемся, дабы они восполнили наказаніе, не достававшее къ ихъ мученіямъ,

5. и дабы народъ Твой совершилъ славное путешествіе, а они нашли себѣ необычайную смерть.

6. Ибо вся тварь снова свыше преобразовалась въ своей природѣ, повинувшая особымъ поведѣніямъ, дабы сыны Твой сохранились невредимыми.

XIX.

Пятое сопоставленіе: переходъ евреевъ черезъ Черное море и гибель въ немъ египтянъ.

Девятнадцатая глава содержитъ новую параллель между израильтянами и египтянами. Первые чудомъ прошли черезъ Черное море, какъ по сухому пути, чтобы продолжать свое славное странствованіе въ пустынѣ; вторые нашли себѣ необычайную смерть въ томъ же морѣ.

1—3 ст. Въ этихъ стихахъ указывается причина постигшаго египтянъ послѣдняго наказанія, потопленія въ Черномъ морѣ. Послѣ выхода евреевъ изъ Египта, когда главная вина египтянъ передъ Богомъ, угнетеніе Его народа (XVIII, 4), перестала существовать, гнѣвъ Божій все еще продолжалъ тяготѣть надъ египтянами: „ибо Онъ предвидѣлъ и будущія ихъ дѣла“. Именно то, что египтяне, освободивъ евреевъ, даже сами побуждая ихъ скорѣе оставить ихъ страну (Исх. XII, 33—32), потомъ раскаются въ этомъ и, какъ за бѣглецами, пошлютъ за ними погоню. Этотъ „безумный помыслъ“ возникъ у египтянъ тогда, когда они „имѣли въ рукахъ печали и рыдали надъ гробами“, — обстоятельство показывавшее, что даже свѣжее чувство глубокой скорби по умершимъ первенцамъ не могло сдерживать корыстныхъ расчетовъ и злобы египтянъ.

4 ст. Могло казаться непонятнымъ, какимъ образомъ египтяне послѣ всѣхъ казней, еще не окончивъ грауръ по пораженнымъ первенцамъ, могли снова начать преслѣдованіе евреевъ. Въ объясненіе этого писатель говоритъ: „Влекла ихъ къ тому концу судьба... она навела забвеніе о случившемся“... Несомнѣнно здѣсь выражена та же мысль, что и въ соответствующемъ мѣстѣ книги Исходъ: „ожесточилъ Богъ сердце фараона“... (Исх. XIV, 4); только эту мысль объ ожесточеніи Богомъ сердца египтянъ, какъ ближайшей причины возобновленія преслѣдованія евреевъ, писатель выражаетъ языкомъ греческой философіи: ἀνάγκη εἶλε, „влекла судьба“. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ способѣ выраженія одинаково допускается мысль о воздѣйствіи божества на волю человѣка при предположеніи относительной свободы этой воли. Только при этомъ послѣднемъ предположеніи можно было сказать, что египтяне „были достойны“ постигшей ихъ судьбы, можно было возлагать на нихъ отвѣтственность и цѣль послѣдняго бѣдствія указывать въ томъ, „дабы они восполнили наказаніе, не достававшее въ ихъ мученіяхъ“. Такимъ образомъ выраженіе: „влекла судьба“, совершенно чуждое библейскому языку, выражаетъ оная мысль библейскую.

6 ст. Указавъ въ предшествующемъ стихѣ, что преслѣдованіе евреевъ повело къ

7. Явилось облако, осѣняющее станъ, а гдѣ стояла прежде вода, показалась сухая земля, изъ Чермнаго моря — безпрепятственный путь, и изъ бурной пучины — зеленая долина.

8. Покрываемые Твоею рукою, они прошли по ней всѣмъ народомъ, видя дивныя чудеса.

9. Они паслись какъ кони и играли какъ агнцы, слава Тебя, Господи, Избавителя ихъ,

10. ибо они еще помнили о томъ, что случилось во время пребыванія ихъ тамъ, какъ земля вмѣсто рожденія *другихъ* животныхъ произвела скниповъ, и рѣка вмѣсто рыбъ извергла множество жабъ.

11. А послѣ они увидѣли и новый родъ птицъ, когда, увлекшись пожеланіемъ, просили пріятной пищи,

12. ибо въ утѣшеніе имъ на-

летѣли съ моря перепелы, а грѣшныхъ постигли наказанія не безъ знаменій, бывшихъ силою молній. Они справедливо страдали за свою злобу,

ибо они болѣе сильную питали ненависть къ чужеземцамъ: иные не принимали незнаемыхъ странниковъ, а эти поработали благотѣльныхъ пришельцевъ.

14. И мало этого, но еще будетъ судъ на нихъ за то, что тѣ враждебно принимали чужихъ,

15. а эти, съ радостью принявши потомъ уже пользовавшихся одинакими правами, стали угнетать ужасными работами.

16. Посему они поражены были слѣпотою, какъ тѣ *никогда* при дверяхъ праведника, когда, будучи объята густою тьмою, искали каждый входа въ его двери.

тому, что „народъ Твой совершилъ славное путешествіе“ (5 ст.), разумѣя подъ этотъ чудесный переходъ черезъ Черное море, писатель останавливаетъ вниманіе на этомъ чудѣ и опредѣляетъ его сущность.

„...Вся тварь снова свыше преобразовалась въ своей природѣ, повинувшись особымъ повелѣніямъ“... Въ этихъ словахъ писатель даетъ болѣе строгое понятіе о чудѣ, чѣмъ въ XVI; 24 ст. Тамъ онъ говорилъ только объ измѣненіи степеней дѣйствія силъ природы („устремленіе“ и „утиханіе“ природы), здѣсь онъ говоритъ о преобразованіи природы въ ея существенныхъ свойствахъ („тварь... въ своей природѣ“). Это преобразование онъ ставитъ въ параллель съ новымъ твореніемъ („снова свыше преобразовалась) и выражаетъ этимъ мысль, что непосредственное участіе Божественной воли въ чудѣ также необходимо, какъ и въ творческомъ актѣ.

7—8. Описаніе чуда перехода евреевъ черезъ Черное море.

9—10 Охваченные чувствомъ радости по переходѣ черезъ Черное море евреи сравниваются со скачущими агнцами и пасущимися на волѣ конями (подоб. сравн. Ис. СХІІІ, 6). Это чувство радости, кромя только что происшедшаго чуда, возбуждалось еще воспоминаніями о событіяхъ въ Египтѣ (Исх. VII, 26—28; VII 12—14).

11. Ср. XVI, 2. Упомянутое о перепелахъ писатель сдѣлалъ только для того, чтобы показать, что чувство радости евреевъ было прочно. Оно не только возбуждалось настоящимъ событіемъ и пталось воспоминаніями прошлаго, но поддерживалось явленіями помощи Божіей и въ будущемъ. Можно допустить, что писатель съ намѣреніемъ усиливаетъ мысль о благополучіи евреевъ, чтобы получить болѣе сильный контрастъ съ египтянами, къ наказанію которыхъ онъ затѣмъ переходитъ.

12. Съ двѣнадцатаго стиха писатель переходитъ къ египтянамъ, называя ихъ просто „грѣшными“, которыхъ „постигли наказанія не безъ знаменій, бывшихъ силою молній“. Слова эти относятся къ потопленію египтянъ въ Черномъ морѣ и соответствуютъ Исх. XIV, 24—25 ст. Подобное же изображеніе перехода черезъ Черное море при громѣ и молніи находимъ и въ другихъ мѣстахъ Св. Писанія: напримѣръ Ис. LXXVI, 18—21.

13—16. Писатель сравниваетъ отношеніе египтянъ къ евреямъ съ извѣстнымъ изъ Библии (Быт. XIX гл.) отношеніемъ къ чужестранцамъ жителей города Содома.

17. Самыя стихіи измѣнились, какъ въ арфѣ звуки измѣняютъ свой характеръ, всегда оставаясь тѣми же звуками; это можно усмотрѣть черезъ тщательное наблюденіе бышаго.

18. Ибо земныя животныя перемѣнялись въ водяныя, а плавающія въ водахъ выходили на землю.

19. Огонь въ водѣ удерживалъ свою силу, а вода теряла угашаю-

щее свое свойство;

20. пламя наоборотъ не вредило тѣламъ бродящихъ удоборазрушительныхъ животныхъ, и не таялъ легко-растаявующій снѣговидный родъ небесной пищи.

21. Такъ, Господи, Ты во всемъ возвеличилъ и прославилъ народъ Твой, и не оставлялъ его, но во всякое время и на всякомъ мѣстѣ пребывалъ съ нимъ.

Сравненіе говоритъ не въ пользу египтянъ и имъ воздѣляется грозный судъ въ будущемъ.

Содомяне отказывали въ приѣмѣ странникамъ, которыхъ они совершенно не знали; египтяне большую обнаруживали ненависть къ чужеземцамъ: они порабощали пришельцевъ, которые уже были извѣстны имъ за людей благодѣтельныхъ (т. е. евреевъ).

Первые обнаружили просто враждебность, а вторые еще и коварство: принявъ евреевъ съ радостію и давъ имъ права, они потомъ стали угнетать ихъ работами. Поэтому египтяне были наказаны подобно содомлянамъ: „они поражены были слѣпотой, какъ тьма никогда при дверяхъ праведника“ (т. е. Лота см. Выт. XVII, 13). Подъ слѣпотой египтянъ писатель разумѣетъ или трехдневный мракъ (XVII, 2, 5), или то, что они точно ослѣпленные, не видя неминуемой опасности, бросились за евреями по дну моря. Но это не послѣднее наказаніе египтянъ: „еще будетъ судъ на нихъ“. Здѣсь писатель выражаетъ, вѣроятно, свое мессіанское чаяніе, что евреи будутъ судить всѣ народы (Ср. III. 8)

17—21. Въ этомъ послѣднемъ отдѣлѣ XIX гл. писатель еще разъ возвращается къ размышленію о чудесномъ вмѣшательствѣ Божиемъ въ ходъ событій времени освобожденія евреевъ изъ рабства и заключаетъ книгу прославленіемъ Іеговы, возвеличившаго свой народъ.

17. Упоминаніе о чудѣ въ 17 ст. даетъ поводъ писателю опять (какъ и въ 6 ст.) выразить своей глубокой метафизической взглядъ на существо чуда.

„Черезъ тщательное наблюденіе бышаго“, т. е. происшедшихъ чудесъ, „можно усмотрѣть“ говоритъ онъ, что въ чудѣ „самыя стихіи измѣнились, какъ въ арфѣ звуки измѣняютъ свой характеръ, всегда оставаясь тѣми же звуками“. Стихіями писатель называетъ считавшіяся тогда за первичныя простыя вещества міра или элементы: воду, землю, огонь и воздухъ. Чудо выражается въ томъ, что измѣняются свойства и дѣйствія элементовъ, однако существо ихъ остается одно и то же. Въ слѣдующихъ 18—20 стихахъ писатель указалъ прижры такого измѣненія.

18. Смыслъ стиха самъ по себѣ ясенъ. Затрудненіе представляетъ только указать, какія событія разумѣлъ писатель, когда говорилъ, что „земныя животныя перемѣнялись въ водяныя, плавающія въ водахъ выходили на землю“. По болѣе вѣроятному мнѣнію, первая половина стиха относится къ евреямъ, когда они со стадами своего скота переходили по дну Чермнаго моря и вода стѣнами стояла съ обѣихъ сторонъ; другая половина — ко второй казни, появленію на сушѣ изъ водъ большого количества жабъ. Конечно, строго говоря, ни въ одномъ изъ указанныхъ случаевъ не было превращенія земныхъ животныхъ въ водяныхъ и обратно, но это не доказываетъ, что писатель не разумѣлъ этихъ событій. Въ послѣдней части его книги это не единственный прижръ, когда онъ жертвуетъ исторической точностью для того, чтобы провести извѣстную идею.

19—20 ст. Ср. XVI, 17—23.

II. Тычининъ.